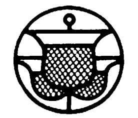
РУССКИЕ В ЯПОНИИ XIX-НАЧАЛА XX в.

Г. Д. ИВАНОВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Серия основана в 1969 году

«Наука»

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Г. Д. ИВАНОВА

РУССКИЕ В ЯПОНИИ XIX-НАЧАЛА XX в.

Несколько портретов

Издательская фирма «Восточная литература»
Москва 1993

ББК 63.3(5Я)Ж
И18

Ответственный редактор и автор предисловия *В. Н. Горегляд*

Редактор издательства *И. Г. Вигасина*

И $\frac{0503030000\text{-}107}{013(02)\text{-}93}$ 55-93

ББК 63.3(5Я)Ж

ISBN 5-02-017715-6

В. Н. Горегляд

РОССИЯ И ЯПОНИЯ. ОТ ЗНАКОМСТВА К ИЗУЧЕНИЮ

Больше ста двадцати лет прошло с тех пор, как в Японии появились первые европейцы, прежде чем сведения об этой стране стали публиковаться в России. Это случилось во второй половине XVII в., когда Япония твердо придерживалась политики «закрытых дверей», изгнав из своих пределов иноземцев и запретив своим подданным отлучаться из отечества.

Впервые краткие данные о Японии на русском языке были приведены в описании главнейших государств мира, называвшемся «Космография» (1670 г.). В XVII же веке Япония была обозначена на географических картах С. Полякова (1673 г.), И. Идеса (1695 г.) и С. Ремезова (1699 г.). В 1678 г. глава московского посольства к китайскому двору отвел Японии специальный раздел в своем описании [13].

Сведения о далекой островной державе в Москву приходили окольными путями и довольно приблизительные — главным образом через Голландию (единственную европейскую страну, хоть как-то допущенную к торговле с Японией) и Китай.

Между тем к концу XVII в. российские владения, распространяясь к востоку, дошли до Тихого океана. Семен Дежнев и Федот Алексеев на своих кочах в 1648 г. открыли Аннианский (Берингов) пролив, а к концу XVII в. русские присоединили к своим владениям Камчатку.

Казачий атаман Владимир Атласов в Якутской приказной избе летом 1700 г. писал для Сибирского приказа в Москве «скаску» (отчет) о том, как три года назад, достигнув со своим отрядом южной оконечности Камчатки, он освободил из камчадальского плена неведомого иноземца. Был тот иноземец «зело учтив», «волосом черен», «видом яко гречанин». Казак М. Наседкин в 1706 г. с берегов мыса Лопатки обнаружил на юге, «за переливами», острова, над которыми курится дым. Острова назвали Курильскими. Вырученный из плена человек был на Камчатку занесен ветрами и океанским

течением из-за этих островов, оттуда, где лежит «Узакинское государство» («а то де государство под Индейским царством») [10, с. 17].

Вторую «скаску» со слов Атласова записали уже в Москве дьяки Сибирского приказа в начале 1702 г. К этому времени полоненник уже научился несколько объясняться по-русски и «в Сибирском приказе сказался — Денбеем зовут, Дисаев сын, родом Японского острова города Осакка...».

Это был первый японец, занесенный в Российские владения океаном. Потом такие скитальцы обнаруживались не раз — на Камчатке, на Алеутах, на Аляске: разрешенные тогдашними японскими властями к постройке сравнительно небольшие суда нередко попадали в штормы, теряли управление и месяцами носились по воде. Жизнь моряков в лучшем случае поддерживалась запасами риса на борту, который обычно предназначался на продажу в Эдо, сёгунскую столицу Японии.

8 января Денбея представили лично царю. Петр I, надо полагать, был наслышан о Японии от голландцев, у которых учился не только судостроению и навигационному делу. Мысль самому войти с закрытой дальневосточной державой в контакты заинтересовала его. В апреле того же года царь повелел передать японца из Сибирского приказа в Приказ артиллерии, чтобы он выучился там говорить по-русски и мог после этого обучить японскому языку солдатских «робят четырех или пяти» [6, с. 42].

Сейчас мы не располагаем сведениями о дальнейшей судьбе Денбея. Знаем только, что в 1710 г. он принял православие, получив в крещении имя Гавриил, что в 1705 г. царь запрашивал, выучился ли он русскому языку и обучает ли своему языку русских детей, но не знаем, каким был ответ на царский запрос [15, с. 21]. Известно, однако, что интерес к Японии в петровской России не угасал: в 1712 г., в частности, Сибирский приказ велел якутскому воеводе узнать, «какими путями в сию землю проезд, какое там в употреблении оружие, могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно китайцам, и что им годно из Сибири» [15, с. 23].

Напряженный интерес привел к тому, что в 1736 г. при Академии наук в Петербурге была открыта первая в Европе Школа японского языка. Учениками ее (до конца своих дней) числились солдатские дети. Преподавание в школе вели японец Гонза (в крещении Дамиан Поморцев, ум. в 1739 г.) и помощник библиотекаря Академии наук Андрей Богданов. За первые три года существования школы преподаватели составили несколько учебных пособий и словарей, где японские

слова записывались русскими буквами, потому что сами составители не знали японской письменности (Гонза покинул родину подростком и даже японские эквиваленты русских слов знал не всегда) [1].

В 1754 г. школа была переведена в Иркутск, где просуществовала до 1816 г.— сначала в составе Навигацкой школы, а затем в качестве отдельного класса гимназии. В 1761 г. в Иркутскую была влита Илимская школа японского языка, первоначально (в 1754 г.) открытая в Якутске.

В Иркутской школе язык преподавали несколько поколений японских моряков, попавших в Россию в результате кораблекрушений. Сохранившиеся до нашего времени письменные свидетельства говорят, что, как правило, этот язык не был литературным, а отражал тот диалект, носителем которого был данный преподаватель. Японские моряки стали новым для России источником сведений о Японии. Большая часть сведений носила самый общий характер, но в сочетании с другими давала сравнительно полное представление о самой стране, ее государственном устройстве, нравах и верованиях ее населения и даже об отдельных государственных деятелях и ученых.

Помимо учебных материалов Гонзы и А. Богданова от школы сохранились словари иркутского ее периода. Это русско-японский «Лексикон» Андрея Татаринова (1782 г.) [2] и «Японские азбуки» Николая Колотыгина (японца Синдзо; 1809 г.) [3]. Причем если «Лексикон» А. Татаринова содержит только перевод слов, некоторых оборотов и счета с русского языка на японский (русская транскрипция и написание слоговой азбукой), то «Азбуки» кроме разных видов японского письма содержат, как это и отмечено на титульном листе рукописи, «имена императоров, духовного и светского, титул императорский, годовой оброчный доход, им получаемый, имена вельможей, описание столичного города Едо, и описание вообще Японского государства; десять священных заповедей, переведенных с российского на японский язык, показание двенадцати небесных знаков; и молитва божьей матери». Лексические материалы, записанные от японских моряков, были использованы в конце XVIII в. составителями многоязычных

---

[1] Материалы Гонзы и Андрея Богданова хранятся ныне в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Один из них («Новый Лексикон Славено-Японский») издан в Японии профессором Мураяма Ситиро в 1985 г.

[2] Факсимильное издание словаря, с предисловием О. П. Петровой, вышло в 1962 г.

[3] «Японские азбуки» хранятся в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки в Петербурге.

словарей — П. Палласом (1787—1789 гг.) и Т. Янковичем де Мириево (1791 г.).

Сведения о Японии, полученные не только из голландских источников, но из отчетов российских дипломатов при маньчжурском дворе в Пекине и из рассказов японских моряков, нашли отражение в книгах И. Рейхеля [11] и Н. Горлова [4].

В начале XIX в. журналы «Сын отечества», «Русская старина» и некоторые другие публикуют многие статьи о восточном соседе. Широко читались вышедшие в 1816 г. «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев» [2], а также «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам» [12], из первых рук сообщающие русскому читателю сведения о географии, обычаях, политике, истории и других сторонах жизни Японии и ее населения. Меньше других известна вышедшая на следующий год книга моряка Синдзо (Н. Колотыгина), ставшего преподавателем Иркутской школы японского языка, «О Японии и японской торговле» [8].

В целом конец XVIII — начало XIX в. можно считать первым этапом аутентичного описания Японии на русском языке. Большую роль в этом сыграли японские моряки, потерпевшие кораблекрушение у российских берегов, и русские, по тем или иным причинам попавшие в Японию. А таких людей в эпоху японской политики «закрытых дверей» было сравнительно немного.

Наибольшую роль среди них сыграли японец Дайкокуя Кодаю, первый моряк, вернувшийся на родину из России, и Адам Кириллович Лаксман, глава первого российского посольства в Японию (1792—1793 гг.). Первый из них был капитаном корабля «Синсё-мару», на котором служил матросом Синдзо, впоследствии принявший крещение и оставшийся в Иркутске. Второй — поручик, сын известного ученого-естествоиспытателя екатерининского времени, шведа по рождению Кирилла (Эрика) Густавовича Лаксмана.

Кодаю с товарищами попал на Алеутские острова в 1783 г. после многомесячных скитаний по Тихому океану и через Камчатку, Охотск и Якутск был привезен в Иркутск, где и познакомился с К. Лаксманом. Новый знакомый принял самое близкое участие в судьбе моряков. Он привез Кодаю в Петербург, представил его влиятельным придворным, которые добились аудиенции Кодаю у Екатерины II и высочайшего повеления отправить в Японию посольство во главе с А. Лаксманом под предлогом возвращения на родину попавших в Россию моряков.

Дайкокуя Кодаю оставил в России свою коллекцию кси-

лографов и много способствовал распространению знаний о Японии. Еще больше его роль в расширении знаний о России в Японии, после того как его и матроса того же корабля Исокити А. Лаксман передал японским властям.

Надо заметить, что после того, как Кодаю и Исокити ступили на берег Японии, им было запрещено общаться с соотечественниками, не имевшими для этого особого разрешения. Моряков подвергли многократным допросам, во время которых выяснялись не только обстоятельства кораблекрушения и их поведение в России, но и многочисленные вопросы, касающиеся собственно Русского государства. В 18-й день 9-й луны 5-го года Кансэй (2 ноября 1793 г.) их допрашивали в присутствии сёгуна Токугава Иэнари. При этом присутствовали некоторые высокопоставленные правительственные чиновники и ученые специалисты по Западу (рангакуся). В числе последних находился и Кацурагава Хосю, составивший впоследствии несколько рукописных сочинений по материалам этого допроса.

Кацурагава Хосю Куниакира (1751—1809) был известным специалистом по голландской медицине, астрономии, истории и географии, потомственным придворным врачом сёгуна. Он хорошо знал голландский язык и участвовал в переводе на японский голландского анатомического атласа (1771 г.). По прибытии брига «Екатерина» с российским посольством на борту в бухту Нэмуро Кацурагава Хосю получил распоряжение сёгуна представить справку о России и на основании голландских источников составил два рукописных сочинения. Его имя как одного из видных японских естествоиспытателей было хорошо известно в Европе. Кирилл Лаксман при снаряжении посольства в Японию передал своему сыну письма, термометры и коллекции «натуральных редкостей» для двух японских ученых — Кацурагава Хосю и Накагава Дзюнъан (1739—1786).

Главный источник, на котором базировались последующие сочинения о России,— это протокольная запись допроса моряков в присутствии сёгуна, которую производил Кацурагава Хосю. Он же впоследствии многократно встречался с Кодаю и Исокити, сопоставляя их рассказы с данными из голландских и китайских сочинений. Результатом бесед и исследования письменных материалов было появление нескольких рукописей, среди которых главное место занимает «Хокуса монряку» («Краткие вести о скитаниях в северных водах») [7].

По материалам этой долгое время закрытой для широкого читателя рукописи (она была обнаружена в одном из токийских книгохранилищ только в XX в.) известный современный

писатель Иноуэ Ясуси написал исторический роман «Сны о России».

Все сочинение по тематическому признаку делится на 11 глав. В первых трех сообщаются имена членов экипажей «Синсё-мару» и брига «Екатерина» (на нем прибыло в Японию посольство А. Лаксмана) и история скитаний японских моряков, доставленных русскими на Хоккайдо (Эдзо), в четвертой — названия и характеристики земель и населенных пунктов в России, виденных Кодаю и его спутниками, перечень народов, населяющих Россию, и перечень пятидесяти двух стран, с которыми Россия ведет торговлю. Следующие шесть глав посвящены подробному описанию природных условий России и жизни русского народа — его обычаев, законов, религии, предметов материальной культуры, пищи и т. д. Последняя глава представляет собой самый ранний в Японии словарь русского языка, составленный по тематическому признаку, как это было принято в домэйдзийской Японии.

Представление о России и ее народе давалось «от нуля», исходя из убежденности в абсолютном невежестве читателя. «Русские,— писал Кацурагава,— высоки ростом, белые, глаза у них голубые, носы очень крупные, волосы каштановые. Волосы отращивают со дня рождения, поэтому они очень тонкие и мягкие. Бороду бреют как знатные, так и простые люди, только среди крестьян можно встретить людей с бородами. У жителей Сибири (общее название всех азиатских земель) волосы и глаза черные. Странные инородцы той земли и жители морских островов не походят друг на друга» [6, с. 140].

Даже при недюжинном уме, наблюдательности и отличной памяти Дайкокуя Кодаю, подробно рассказавшего о многих сторонах жизни России (вплоть до характера растительности в разных ее регионах, порядка проведения свадебных церемоний или деталей одежды разного рода чиновников), нужно отдать должное ученому, тщательно проверившему все показания моряка, какие только можно было, по голландским и китайским описаниям, выразившему собственную точку зрения на разные предметы и систематизировавшему все полученные сведения.

Сам Адам Лаксман послужил дополнительным источником сведений и о России, и о европейских науках. В своем путевом журнале он, например, упоминает, как один из чиновников, которого посетили на берегу члены посольства, «поклонившись, спрашивал о числе людей и имянно как кого зовут записал, также щет и нескольке слов российских, после вынул из книжки сложенный лист, на котором было землеописание обеих половин земного шара, и, указывая,

выговаривал: „Четыре части света: Европа, Азия, Африка и Америка“» [9, с. 460]. Немного спустя другой японец «просил, чтоб его одолжить на короткое время глобусом и географией для любопытства, и что, если позволено будет, намерен скопировать...» [9, с. 461].

А. Лаксман получил от японских властей согласие на заход в следующем году российского корабля в порт Нагасаки (туда допускалось одно голландское и одно китайское торговое судно в год) — продолжить переговоры о добрососедских отношениях между Россией и Японией.

Позволением этим воспользовались только в 1804 г. Камергер Н. Резанов возглавил новое посольство, доставленное в бухту Нагасаки фрегатом «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна. Переговоры камергера с представителями японского правительства на этот раз закончились неудачно, несмотря на испробованный предлог возвращения на родину попавших в кораблекрушение моряков и благоприятное отношение японских властей к предшественнику Н. Резанова А. Лаксману. Дело не только в том, что было упущено время — вместо следующего года посольство прибыло в Нагасаки через 11 лет после первого. Одним из существенных обстоятельств, определивших отрицательный исход миссии Н. Резанова, было то, что посредником в переговорах с японцами он избрал Хендрика Дуфа, директора голландской торговой фактории. Человека, менее заинтересованного в успехе предприятия, найти было трудно: одной из главных целей русского посла было добиться согласия властей на свободу русско-японской торговли, тогда как среди европейских держав монополией на торговлю с Японией обладали в те времена именно голландцы.

Полугодовое пребывание «Надежды» в Нагасаки японцы активно использовали для расширения своих познаний. Они осмотрели всю «Надежду» и ее груз, пособия по географии и астрономии, которыми пользовались русские моряки в штурманской практике, физические приборы, составили японо-русский словарик (словарь японского языка составил, воспользовавшись консультациями сопровождаемых им на родину японских моряков, и Н. П. Резанов).

Обескураженный неуспехом посольства, Н. Резанов распорядился на обратном пути в Петербург, чтобы состоявшие на службе в Российско-Американской компании лейтенант Н. А. Хвостов и мичман Г. И. Давыдов предприняли по отношению к японцам ряд враждебных действий на южных Курильских островах. Распоряжения были устными, противоречили общей политике России, исполнители понесли наказание

за свои действия, но японские власти долгое время считали, что Россия относится к Японии враждебно. 11 июля 1811 г. капитан-лейтенант В. М. Головнин с группой из семи моряков шлюпа «Диана» на о-ве Кунашир при попытке получить для экипажа питьевую воду и провизию были обманом захвачены японцами в плен и провели в неволе около двух лет.

Несмотря на трудные обстоятельства пребывания в плену, В. М. Головнин проявлял живой интерес к японскому быту, истории, культуре, государственному устройству и многим другим сторонам жизни страны. Для японцев знакомство с группой русских пленников тоже представляло небывалую возможность шаг за шагом удовлетворять интерес к разным проблемам.

В своих «Записках», выпущенных после освобождения из плена, В. М. Головнин отмечал: «Японцы одарены удивительным терпением, каждый из своих вопросов повторяли они по два и по три раза, стараясь всеми мерами, чтобы переводчики мысли их нам, а ответы наши им переводили со всякой точностью. Иногда по часу и более занимал их один какой-нибудь вопрос, но невзирая на такое беспокойство, они не показывали ни малейшего неудовольствия и даже между делом вмешивали, как будто для отдохновения, бездельные вопросы и допытывались ответа с такой же точностью...» [2, с. 110].

В другом месте «Записок» он привел несколько примеров таких вопросов: «Какое платье ваш государь носит? Что он носит на голове? Какие птицы водятся около Петербурга? Что стоит сшить в России платье, которое теперь на вас? Сколько пушек на государевом дворце? Из какой шерсти делают сукно в Европе? Каких животных, птиц и рыб русские едят?..» [2, с. 136].

«Однажды...— пишет В. М. Головнин,— вдруг принесли один из оставшихся после меня на шлюпе ящиков с английскими и французскими книгами, о котором мы и не знали, что он прислан... Объяснения наши на каждую книгу они записывали и приклеивали к ней» [2, с. 138]. Особенную трудность для него, как отмечал автор «Записок», представляла задача растолковать содержание чертежей и рисунков, объясняющих физические явления: ее делала почти невыполнимой необразованность переводчика.

По этим записям можно хорошо представить особенности первого этапа личного знакомства японцев с русскими — он имел прежде всего познавательный характер. Этот этап продолжался всю первую половину XIX в. В политическом плане самым трудным препятствием для установления нормальных межгосударственных отношений между двумя странами

оставалась проблема несовместимости токугавской политики «закрытых дверей» со стремлением России установить государственные отношения и регулярную торговлю с Японией. Политика Эдо определялась концепцией самодостаточности материального производства и духовной культуры японцев, а стремление Петербурга — необходимостью экономически поддержать свои дальневосточные и американские владения.

10 августа 1853 г. в бухту Нагасаки вошла русская эскадра под командованием вице-адмирала Е. В. Путятина, который, будучи главой официального посольства, имел на руках проект договора с Японией, утвержденный Николаем I, инструкции Министерства иностранных дел, регламентирующие его поведение, и другие официальные бумаги.

Результатом переговоров Е. В. Путятина было заключение им в январе 1855 г. первого русско-японского трактата об установлении дипломатических отношений. Трактатом было предусмотрено проведение границы между двумя государствами, открытие трех портов в Японии для захода русских судов (Хакодате, Нагасаки и Симода), заключение торговых сделок и начало консульских отношений между двумя государствами.

Начался второй этап взаимного знакомства. Открытие генерального консульства Российской империи в Хакодате (1858 г.) и миссии русской православной церкви (1859 г.) скоро сделало эти учреждения центрами распространения русской культуры среди местного населения.

Сцены из жизни Хакодате середины прошлого века запечатлены в рисунках будущего авиаконструктора А. Можайского, который был офицером в эскадре Е. В. Путятина. И. А. Гончаров, посетивший Японию в качестве секретаря адмирала, уже в 1855 г. опубликовал описание своих впечатлений о стране [3]. В периодической печати одна за другой появляются аналитические статьи и путевые заметки, написанные русскими или зарубежными авторами. Читательский интерес к Японии возрастал постоянно. Возникла потребность в подготовке специалистов со знанием японского языка.

В 1870 г. на факультете восточных языков Петербургского университета началось преподавание японского языка. Преподавание было факультативным, специальной кафедры еще не было, и велось оно силами приглашенных для этой цели японцев, главным образом дипломатов. В 1882 г. Петербург посетил с официальным визитом японский принц Арисугава-но-мия Тарухито. Здесь от Андо Кэнскэ, бывшего одним из преподавателей в Петербургском университете, он узнал о занятиях русских студентов японским языком.

Для поощрения этих занятий принц после своего возвращения в Токио распорядился подобрать соответствующую коллекцию книг в дар Петербургскому университету. В сентябре 1883 г. коллекция примерно из 3500 томов (главным образом изданных ксилографическим способом) была передана университету японским посланником Ханабуса. Она содержала не только тогдашние начальные школьные учебники, но и памятники из самых разных областей японской традиционной культуры (буддизм, конфуцианство, история, литература, язык, справочники, естественные науки). Ученый совет университета в ответ присудил японскому принцу звание почетного члена.

Официальные отношения между Россией и Японией все годы после подписания Путятиным упомянутого выше трактата были очень интенсивными. Продолжались переговоры по пограничным вопросам, пока летом 1875 г. не был заключен договор о границе между двумя державами. В 1872 г. на фрегате «Светлана» под командованием адмирала К. Н. Посьета ряд японских портов посетил великий князь Алексей Александрович, имевший здесь встречи с императором Мэйдзи и высшими представителями японского правительства. В 1891 г. поездку по Японии (правда, омраченную инцидентом с нападением на него) совершил наследник-цесаревич Николай.

В Японии к этому времени относится формирование первого поколения профессиональных переводчиков с русского языка. На начальном этапе политических взаимоотношений с японской стороны переводчиками служили либо специалисты в области «голландских наук», либо — в завершающей стадии — русисты-самоучки вроде Сага Дзюан (1840—1898) и Сига Тикатомо (1842—1916).

Отношение к России в Японии оставалось сложным. С одной стороны, сильными были опасения, как бы соседняя держава не стала проявлять агрессивных устремлений по отношению к Японии, с другой — постоянно усиливался интерес к русской культуре. Кроме того, Россия воспринималась японцами как одна из общей массы западных держав, поэтому в отношениях с ней отражались и общие антииностранные настроения части японцев, однако были и попытки получить из России западную технологию, достижения науки и пр. Западные языки, литература, точные и естественные науки стали преподаваться приглашенными из Европы и Америки специалистами в Токио, Киото, Саппоро и других городах.

В 60—70-е годы XIX в. многие студенты, торговцы, правительственные чиновники направлялись из Японии в Россию для обучения, ведения торговых дел и переговоров политиче-

ского характера. В Японии появились русские купцы, миссионеры, учителя, ученые. Контакты между двумя странами перестали ограничиваться дипломатическими представителями и моряками. Правда, на первых порах бóльшая часть информации о русской культуре черпалась японцами из западноевропейских источников.

На конец XIX — начало XX в. приходятся в русско-японских отношениях крупные политические события. Связи между двумя странами проходили по трем уровням: экономико-политическому, или официальному; идеологическому, направленному, как это показано в настоящей книге, главным образом против официального; и культурному, в основном нейтральному по отношению к государственному.

Первый из этих уровней, включая такие положительные факты, как взаимные визиты на высоком уровне, подписание политических, военно-морских и экономических соглашений, союзные отношения в первой мировой войне, отмечен также противостоянием в Северо-Восточном Китае и в Корее, русско-японской войной 1904—1905 гг.; второй выражается в популяризации идей русских «нигилистов» и анархистов, толстовцев, социалистов и коммунистов; третий — в переводах и влиянии на творчество японских писателей произведений Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова и других авторов, музыки Чайковского, сценических принципов Станиславского.

Особая роль принадлежала в Японии русской православной церкви, прекрасно показанная в настоящей книге, в очерке, посвященном Николаю Японскому.

Известно, что официальная пропаганда воюющих государств всегда бывает нацелена на формирование среди населения определенного стереотипа противоположной стороны. На газетном уровне это правило соблюдалось и во время русско-японской войны. Но совершенно новым явились антивоенные выступления ряда литераторов. Известны сочувственные отклики японских социалистов на толстовский памфлет «Одумайтесь!», стихи Исикава Такубоку (1886—1912) и Ёсано Тэккана (1873—1935), оплакивавшие гибель русского адмирала С. О. Макарова в Порт-Артуре. С неизменным и возрастающим интересом японский читатель открывал для себя новых русских писателей и новые произведения известных ранее, с постоянной симпатией русский читатель воспринимал японскую литературу В конце XIX — начале XX в. в японском переводе вышли многие произведения Л. Н. Толстого и Н. В. Гоголя, в 1905 г., в разгар войны,— повесть А. С. Пушкина «Метель» в переводе Нобори Сёму, сразу после войны — произведения А. П. Чехова. С японского на рус-

ский переводятся сказки Оэ-но Садзанами, произведения Нацумэ Сосэки, трехстишия Басё. «Как не влюбиться в такого милого врага?» — писал А. Трачевский в предисловии к переводу очерков знаменитого английского японоведа Б. Чемберлена.

Каждая историческая эпоха обладает собственной логикой, собственной шкалой ценностей. Конец XIX — начало XX в. принадлежит к большой эпохе колониальных империй. Она началась в XV в. и в основном завершилась во второй половине XX в. Ее логика — формирование колониальных держав, обеспечение экономических потребностей не столько политическими, сколько военными средствами. Правители колониальных империй решающее значение придавали военному и технологическому превосходству над соперником.

После буржуазной революции Мэйдзи (1868 г.) в правительственных кругах Японии стала преобладать именно эта концепция. Она привела к посылке в Европу и Северную Америку целых групп учеников, чтобы обеспечить европейски образованными кадрами скорейший переход Японии к западной модели развития.

Практика показала, что в освоении новейшей технологии, создании новой армии, системы народного образования, новых политических структур Россия не могла предоставить Японии таких уроков, как Англия, Франция или Североамериканские штаты. Как отмечал профессор Тогава, в 1869 г. правительственный ежемесячник «Мэйдзи Гэнкан» классифицировал все страны по пяти категориям: цивилизованные, просвещенные, полупросвещенные, нецивилизованные и варварские. Россия по этой классификации была отнесена ко второй группе. Именно поэтому в Россию из Японии в 1870—1871 гг. было послано только 9 учеников против 149, посланных в США, и 126 — в Англию [14, с. 33].

На отношение японцев к России в значительной степени повлияли антирусские настроения в Англии и Германии, т. е. в тех странах, с которыми Россия находилась в противостоянии в Китае или Европе. К тому же к концу прошлого века экономические интересы японского и российского капитала столкнулись, как уже отмечалось, в Северо-Восточном Китае и Корее. Правда, их противостояние сильнее всего отразилось на межгосударственных отношениях, на культурном же уровне ситуация заметно отличалась.

Под влиянием европейских идей и некоторой либерализации политической власти у себя дома в первые годы после революции Мэйдзи японское общество сильно эволюционировало психологически. Христианская мировоззренческая мо-

дель впервые поставила перед передовыми японскими мыслителями вопрос о ценности не только группы, но и отдельной человеческой личности. «Спустя два десятилетия после революции Мэйдзи в искусстве происходит поворот от общего к частному, появляется интерес к индивидууму»,— отмечает Т. П. Григорьева [5, с. 143]. Фукудзава Юкити, Уэки Эмори и другие ученые открыли японскому обществу проблему свободы личности и отношений индивидуума и государства за пределами конфуцианской схемы. Европейские социалистические идеи пробудили среди японцев сознание возможности коренного общественного переустройства.

По разным (политическим, экономическим, культурным) причинам резко расширилась подготовка специалистов-страноведов в обеих странах. Выше упоминалось о преподавании японского языка в Петербургском университете. К концу столетия стала очевидной недостаточность факультативного его преподавания. В 1898 г. там было объявлено об открытии специальной японской кафедры. Через два года, в 1900 г., японская кафедра была открыта в Восточном институте во Владивостоке. Выпускники и преподаватели обеих кафедр внесли большой вклад в ознакомление русской общественности с японской культурой.

Конец XIX — начало XX в. ознаменовались появлением в России первого поколения ученых-японоведов и переводчиков. Не только с западных языков, но и непосредственно с японского переводились памятники классической японской литературы — отрывки из хроники «Нихон сёки» (VIII в.), светской повести «Такэтори моногатари» (X в.), сборника буддийских легенд «Нихон рёики» (IX в.) и др.; в 1896, 1905 и 1912 гг. были изданы стихотворные сборники с переводами из антологий «Манъёсю» (VIII в.), «Кокинсю» (X в.), «Син Кокинсю» (XIII в.) и «Хякунин иссю» (XIII в.).

В разгар политического противостояния России и Японии в разных городах издаются книги по истории японской литературы и сборники литературной критики — перевод с английского «Истории японской литературы» У. Астона во Владивостоке (1904 г.), сборник «Душа Японии» в Петербурге (1905 г.), «Японская поэзия» Позднякова в Москве (1905 г.), «Обзор истории современной японской поэзии 1868—1906 гг.» Г. Ксимидова в Хабаровске (1909 г.).

В России начало века — эпоха высочайшего авторитета литературы. В произведениях русской художественной литературы люди находили эстетический идеал и ответы на психологические и политические вопросы. В этой обстановке трудно было ожидать влияния на русских писателей и цени-

телей литературы недостаточно им знакомых японских авторов. Положение изменилось лишь через несколько десятилетий.

Но на примере издания первых сборников японских стихов видно, что необходимым условием является высокое мастерство переводчиков. Первые же образцы японских стихотворений, изданные в русском переводе, были изложены ямбом и теряли почти всю специфику оригинала.

Другая картина наблюдалась в изобразительном искусстве. В его понимании знание языка играет подчиненную роль. Ярким примером является трансформация традиционной японской деревянной игрушки кокэси в русскую матрешку.

В XIX в. в странах Западной Европы с успехом демонстрировались выставки японской гравюры укиё-э. Появились коллекционеры японской живописи. В России крупнейшим собирателем произведений Хокусая, Хиросигэ, Утамаро и других японских художников стал военный моряк С. Н. Китаев, который организовал начиная с 1896 г. 20 выставок своей коллекции. О влиянии на их творчество японских мастеров писали знакомые с коллекцией С. Н. Китаева русские художники А. П. Остроумова-Лебедева и В. Ф. Фалилеев. Коллекции произведений японского искусства появились в Эрмитаже и других музеях России.

В начале XX в. произошло знакомство русской публики с японским традиционным театром. К этому времени относятся попытки Всеволода Мейерхольда заимствовать из практики театра кабуки идею «дороги цветов». Однако дальше отдельных экспериментов такого рода и подъема общего интереса к театральному искусству японцев дело не пошло. К синтезу западного и восточного театрального искусства ни режиссеры и исполнители, ни публика еще не были готовы. Оно стало намечаться позднее, и не на русской, а на японской почве.

В 1910-х годах отмечается возникновение трудовых коммун японской интеллигенции по толстовскому рецепту[4], постановка в токийских театрах пьес русских авторов, в первую очередь (по значению, а не по времени) — в токийском Гэйдзюцудза пьесы Толстого «Живой труп» и инсценировка романа «Воскресение» в театре Цукидзи, чеховской пьесы «Три сестры» и горьковской «На дне», что, как писал один из советских журналов 20-х годов, «соответствовало тому напряженному интересу к русской литературе, какой наблюдался в японском обществе в течение двух последних десятилетий» [1, с. 27].

[4] До 1924 г. просуществовала на Хоккайдо коллективная ферма «Новая деревня».

Предлагаемые вниманию читателя очерки освещают очень интересный период в русско-японских контактах и представляют читателю разные аспекты этих контактов. Сам этот период начался с фактического знакомства русской и японской культур, а завершился близкими контактами в области литературы, духовной культуры и искусства.

Важно подчеркнуть, что в периоды политического противостояния двух стран, несмотря на предпринимавшиеся официальными кругами усилия для формирования у собственного населения отрицательного стереотипа противника, в обоих государствах представление о достижениях соседней культуры оказалось сильнее этих усилий. Такое явление, когда культура оказывалась сильнее политики и экономики, в более поздние времена наблюдалось неоднократно, но в русско-японских отношениях начала века проявилось очень наглядно (вспомним, что даже штабс-капитан Рыбников, японский разведчик из одноименной повести А. И. Куприна, по сути, не отрицательный герой) и нуждается в тщательном и беспристрастном анализе.

Список использованной литературы

1. *Аркин Д*: Театр молодой Японии.— Советские писатели о Японии. Л., 1987.
2. [*Головнин В. М.*] Записки флота капитана Василия Михайловича Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Ч. 1—3. СПб., 1816.
3. *Гончаров И. А.* Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. Из путевых заметок. СПб., 1855.
4. *Горлов Н.* История Японии, или Япония в настоящем виде. М., 1835.
5. *Григорьевва Т. П.* Одинокий странник. О японском писателе Куникида Доппо. М., 1967.
6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.
7. *Кацурагава Хосю.* Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку»). Перевод с японского, комментарий и примечания В. М. Константинова. М., 1978.
8. [*Колотыгин Н. П.*] О Японии и японской торговле, или новейшее историко-географическое описание Японских островов, рассмотренное природным японцем титулярным советником Николаем Колотыгиным и изданное Иваном Миллером. СПб., 1817.
9. *Лаксман А. К.* Описание путешествия из Иркутска с возвращением спасенных при кораблекрушении (Журнал Адама Лаксмана) 13.IX.1792—21.I.1793 гг.— Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск, 1972, с. 454—489.
10. *Оглоблин Н. Н.* Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки.— Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1891, кн. 3.

11. *Рейхель И.* История о Японском государстве, из достоверных известий собранная. М., 1773.
12. [*Рикорд П. И.*] Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816.
13. *Спафарий Н. Г.* Описание первыя части вселенныя, именуемой Азия, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции. Казань, 1910.
14. *Тогава Цугуо.* Мэйдзи исин дзэнго-ни окэру нихондзин-но Росиакан (Взгляды японцев на Россию до и после реставрации Мэйдзи).— Росиа-то Нихон, 2. Токио, 1990.
15. *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960.

ОТ АВТОРА

Взаимоотношения народов имеют множество разных каналов — от личных связей отдельных людей и литературных переводов до экономических, культурных и прочих контактов между государствами. Рассматривать подобное многогранное явление в одной книге невозможно. Данная работа не претендует и на систематический показ какого-либо из возможных аспектов. Очерки заполняют свою скромную нишу — восстанавливают картину деятельности некоторых наших соотечественников в Японии, различными путями оказавшихся там во второй половине прошлого — начале нынешнего века.

Представленные в книге герои — по разному стечению обстоятельств — значительную часть своей жизни провели за рубежом, поэтому в нашей стране о них мало что известно. Ученые, педагоги, священники, они оказались незаслуженно забыты. Их письменное наследие опубликовано либо за границей, либо рассеяно по старой российской периодике.

Ныне, в последние годы XX в., на новом витке нашей отечественной истории, стало очевидно, что забвение достойных предков оборачивается невосполнимыми утратами корней нашей культуры.

Настоящие очерки высвечивают несколько фигур основателей центров распространения русской культуры. Первый российский консул И. А. Гошкевич налаживал контакты в суровых условиях еще феодальной, полузакрытой Японии с ее властями и рядовым населением. Глава православной миссии архиепископ Николай за полвека подвижнической службы в Хакодате и Токио приобрел более 30 тыс. последователей, т. е. людей, душевно расположенных к России. Преподаватели Токийской школы иностранных языков Л. И. Мечников, В. Я. Костылев, А. А. Коленко и другие в 1870—1880-е годы заложили основы изучения русского языка и литературы. И по сию пору размах японской русистики значительно превосходит распространенность знания о Японии у нас.

Без малого три десятилетия преподавал в Токио уроженец

Нижнего Новгорода профессор Р. А. Кебер. Энциклопедически образованный человек, он воспитал многочисленных учеников. В значительной мере благодаря его влиянию японская интеллигенция постепенно отходила от поверхностной европеизации и приобщалась к подлинной европейской культуре, к многогранности ее проявлений.

Усилиями этих людей создавались школы, собирались библиотеки, они составляли словари, учебные пособия, писали книги. Их эрудиция и внутреннее благородство способствовали формированию высокой духовной атмосферы в университетах и храмах.

Большинство героев нашей книги отличалось либеральными взглядами, свойственными лучшим интеллигентам России времен ее освобождения от крепостного права. Были среди них и активные революционеры-народники, эмигрировавшие за рубеж от преследований царского правительства. От них требовалось немалое мужество и в чужих странах. Японцы в те годы имели свои основания подозрительно относиться к иностранцам, даже в лучших намерениях последних нередко усматривалось посягательство на их независимость и устои.

Восстанавливая историческую справедливость по отношению к нашим предшественникам на ниве русско-японских связей, отдавая должное их славным трудам, мы обретаем чувство законных наследников. Память о них способна помочь нам в налаживании человеческих контактов, которые и в конце XX в. продолжают оставаться далекими от идеала.

Для настоящих очерков информация черпалась автором с двух сторон. Счастливая возможность побывать в Японии (май—апрель 1985 г.) позволила посетить Славянский центр университета Хоккайдо (г. Саппоро), где ведется интенсивное изучение русско-японских отношений. Ценную помощь оказали ученые университетов Хитоцубаси (г. Кунитати) и Васэда (Токио). Без любезного содействия и консультаций японских коллег написание книги оказалось бы крайне затруднительным. Полагаю приятным долгом выразить благодарность профессорам Вада Харуки, Ватанабэ Масадзи, Накамура Ёсикадзу, Накамура Кэнноскэ, Наганава Мицуо, Ясуи Рёхэй.

Материалы по интересующим нас сюжетам обнаружены и в отечественных хранилищах: Архиве внешней политики России, Архиве Академии наук в Петербурге и Архиве востоковедов (Петербургский филиал Института востоковедения РАН), в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Большим подспорьем явились наши старые журналы —

светские и духовные («Дело», «Русский вестник», «Исторический вестник», «Миссионер», «Церковные ведомости», «Странник» и др.). Довольно регулярно писала о событиях в Японии ежедневная политико-литературная газета «Северная пчела».

Неожиданно оказался полезным и орган военно-морского министерства «Морской сборник», выходивший в Петербурге с 1854 г. Помимо ведомственных отчетов и распоряжений этот ежемесячник печатал статьи исторического и этнографического содержания; его отдел «Смесь» помещал вести из далеких приморских городов, куда заходили суда российского флота (в том числе из Хакодате, Канагава, Нагасаки).

Думается, что именно встречный поток материалов, совместные усилия русских и японских исследователей помогут в дальнейшем лучшему взаимопониманию двух наших соседних народов.

УЧЕНЫЙ И ДИПЛОМАТ И. А. ГОШКЕВИЧ. ПЕРВОЕ РУССКОЕ КОНСУЛЬСТВО В ХАКОДАТЕ

В Институте востоковедения РАН (Петербургский филиал) хранится библиотека И. А. Гошкевича (1814—1875) — первого российского консула в Японии. Библиотека была куплена у И. И. Гошкевича, сына консула, в 1910 г. В ней насчитывается 1346 японских ксилографов и старопечатных книг, 47 листов географических карт.

Собранные письменные памятники свидетельствуют о разносторонних интересах ученого-дипломата, они касаются вопросов географии, этнографии, истории, языка, причем не только японцев, но и народов сопредельных стран — Китая, Кореи. Материалы, привезенные И. А. Гошкевичем в Петербург, явились первым крупным собранием японской литературы, поступившей в Азиатский музей (предшественник Института востоковедения) [1]. Поступила она еще до того, как в Академии наук началось регулярное изучение японской культуры.

Наиболее значительным вкладом консула в российское японоведение явился «Японско-русский словарь» [36], который содержит 10 тыс. лексических единиц, расположенных в порядке японской азбуки «ироха» [2]. Слова представлены двояким способом. Те, что расцениваются как исконно японские (ямато котоба), переданы азбукой «катакана» [3], слова же китайского происхождения (канго) записаны иероглифами. Эти два рода записи отражали взгляд Гошкевича на японский язык как на систему, состоящую из двух разных элементов.

В предисловии, датированном 28 августа 1857 г., Гошкевич сообщал о технических трудностях, с которыми столкнулся при издании словаря в Петербурге: «Печатание японского словаря встретило важные затруднения: полного японского

шрифта и в особенности китайского, служащего необходимым дополнением к нему, здесь нет; изготовление того и другого сопряжено было с большими издержками и потребовало бы много времени; а потому прибегли к особому способу печатания, состоявшему в соединении действия типографии и литографии: русский текст, предварительно набранный и проверенный, отпечатывался чернилами, употребляемыми в литографии, и в оставленные пробелы вписывались японские и китайские слова; а затем все вместе переводилось на камень и окончательно печаталось в литографии. Японские слова для соблюдения однообразия и большей уютности поставлены не перпендикулярно к русским, как бы следовало, но по направлению русских строк» [36, с. XVII].

Словарь удостоился Демидовской премии[4] Императорской Академии наук с вручением золотой медали. Для середины прошлого века словарь представлял собою подлинное достижение, он способствовал изучению японского языка не только в России, но и в странах Европы. «Отечественные записки» напечатали по случаю его появления рецензию за подписью «Н. И. Б-ин». Рецензент отмечал, что «ученое знакомство с Японией стало редкостью в Европе» и что «русская наука не могла оставаться безмолвной там, где дело шло о близком нашем соседе». Далее он указывал на «три преимущества», которые помогли Гошкевичу в этой работе: десятилетнее жительство в Пекине, пребывание в Японии и содействие «природного японца». Отмечалось, что словарь «очень полон и, конечно, принесет большую пользу при усиливающихся отношениях с Японией» [307, 1857, № 12, с. 67—69].

Один из редких экземпляров словаря (с собственноручными пометками И. А. Гошкевича) хранится в Петербургском филиале Института востоковедения. Как памятник японского языка первой половины XIX в. и как веха в развитии лексикографии словарь не утратил значения по сию пору.

Судьба Иосифа Антоновича Гошкевича (1814—1875) — сама по себе увлекательная книга. Сын белорусского священника, учителя церковно-приходской школы, он окончил Петербургскую Духовную Академию. Был направлен в Китай, где десять лет (1839—1848) прослужил в составе Русской православной миссии[5]. Одаренный лингвистическими способностями, он изучил в Пекине несколько восточных языков — китайский, маньчжурский, корейский, монгольский.

Наряду с языками Гошкевич исследовал материальную культуру стран Дальнего Востока и их природу — в самом широком аспекте. «Труды членов Российской духовной мис-

сии в Пекине» публиковали его статьи: о земледелии в Китае, о производстве шелка, о секретах изготовления туши для иероглифического письма, о косметических средствах, применявшихся в быту и традиционном китайском театре [33; 34; 35; 38—40]. В Пекине Гошкевич вел астрономические и метеорологические наблюдения, отчеты о них посылались в Главную физическую обсерваторию (Пулково). Во всех странах, где ему удалось побывать (за свою жизнь он трижды обогнул земной шар на парусных судах), ученый собирал коллекции фауны и флоры. Ценные гербарии, образцы раковин Южных морей, коллекции китайских бабочек подарены им Зоологическому музею Российской Академии наук (бывшая Кунсткамера). Не случайно в собранной им библиотеке старинных японских книг содержатся «Описание деревьев и трав», «Ядовитые растения», «Рисунки цветов и птиц», «Обработка земли», «Простой лечебник».

По истечении положенного срока службы в Китае Гошкевича как редкого по тем временам знатока восточных языков пригласили в Министерство иностранных дел; его зачислили чиновником особых поручений в Азиатский департамент. В 1852 г., когда в Петербурге формировалась экспедиция к берегам Японии, Гошкевич был прикомандирован к ее начальнику — вице-адмиралу Е. В. Путятину (1804—1883), драгоманом, т. е. переводчиком и советником.

Экспедиции под андреевским флагом предстояла сложная задача — установить дипломатические и торговые связи со страной, которая два с половиной века ограждала себя от внешних связей. Фрегат «Паллада» вышел из Кронштадта, взяв курс на Лондон, далее следовал через остров Мадейра, обогнул южную оконечность Африки. В пути к нему примкнуло еще несколько судов русского флота. В августе 1858 г. корабли экспедиции Е. В. Путятина бросили якорь на рейде Нагасаки.

1850—1860 годы были для Японии временем выхода из длительной самоизоляции. В 1835 г. страну посетила эскадра «черных кораблей» коммодора М. Перри — американцы «открывали» для себя Японские острова. Угрожая применением силы, они заключили договор в Канагава (1854 г.) и быстро сумели получить максимум привилегий. Последовали соглашения и с другими западными державами — Англией, Францией, Нидерландами. Вся эта серия так называемых ансэйских договоров (1854—1859 гг.) ликвидировала оторванность Японии от большого мира, но, с другой стороны, превратила ее в полузависимое государство, ибо все соглашения носили неравноправный характер, они предоставляли иностран-

цам право экстерриториальности, устанавливали невыгодные для Японии таможенные пошлины.

Сложившаяся обстановка усилила поляризацию в правящих кругах Японии. С одной стороны, верховный военный правитель — сёгун пошел на соглашения со странами Запада, с другой — номинальный суверен — император Комэй отказывался их одобрить. Вокруг императора консолидировалась оппозиция, которая противилась надвигавшимся переменам в вековом укладе. Активизировались периферийные князья, противопоставлявшие себя центру, нарастали националистические настроения.

В 1858 г. за антиправительственные выступления были подвергнуты тюремному заключению более ста самураев, четверо из них казнены.

Наряду с опасением, что иностранцы проникают в Японию с колонизаторскими намерениями, среди наиболее прогрессивной части населения возрастала жажда познания большого мира, усиливалось тяготение к контактам с иностранцами. Мыслящие японцы понимали, что сохранить свою независимость они могут лишь в том случае, если, овладев достижениями Запада, ликвидируют свою отсталость.

«Вот этот запертый ларец, с потерянным ключом, страна, в которую заглядывали, до сих пор с тщетными усилиями, склонить, и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство,— писал находившийся на борту „Паллады" И. А. Гончаров.— Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая ловко убегает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими уставами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить ее, и внутренние, произвольные законы своего муравейника противопоставит и естественному, и народному, и всяким европейским правам, и всякой неправде» [30, с. 8].

Гошкевич подружился с Гончаровым, тогда уже автором «Обрыва». Писатель (в Петербурге он служил столоначальником Департамента внешней торговли) исполнял на фрегате обязанности секретаря Путятина. Путевой дневник Гончарова, впоследствии ставший увлекательной очерковой книгой, запечатлел все подробности выдающегося предприятия русской дипломатии.

Среди других товарищей по плаванию Гошкевич упоминается у Гончарова многократно. Отмечается его виртуозность переводчика-универсала; так, при попутном посещении островов Рюкю писатель наблюдал его общение с тамошними жителями-«ликейцами», наречия которых, естественно, не знал

никто из русских. «Один (из местных жителей.— *Г. И.*) свободно говорил с Г[ошкевичем], на бумаге по-китайски, а другой по-английски, но очень мало. И то успех, когда вспомнишь, что наши европейские языки чужды им по духу...» [30, с. 203—204]. Писатель характеризует Осипа Антоновича как мягкого, доброго человека — «невозмутимо покоен в душе и со всеми всегда одинаков...».

Японский язык Гошкевич начал изучать во время плавания. Вначале он пользовался для этой цели китайскими пособиями, позже, на стоянке в бухте Симода, сама судьба послала ему великолепного учителя. Матросы подобрали в воде молодого человека, который вплавь пробирался на русское судно. Японец по имени Татибана Кумэдзо[6] попросил убежища, ему грозила смертная казнь за принадлежность к тайной христианской общине.

Евфимий Васильевич Путятин, набожный христианин, взял единоверца под свою защиту. Местные власти требовали выдачи своего подданного, но в конце концов отступились перед твердостью адмирала. Татибана оказался довольно образованным, сведущим в восточной медицине, его определили помощником к корабельному врачу. Кроме Гошкевича с его незаурядным предшествующим опытом общения, Татибану поначалу никто не понимал, так что возникла естественная необходимость обучения. Польза получилась обоюдной, каждодневный контакт вскоре помог И. А. Гошкевичу свободно заговорить по-японски.

Переговоры с японскими властями приняли затяжной, изнурительный характер. Приходилось безрезультатно отчаливать от берегов Японии и вновь возвращаться. Русские пережили землетрясение, гибель фрегата «Диана», построили в бухте Хэда новое судно. Прошло почти три года после ухода из Балтики, пока удалось достичь поставленной цели. В 1885 г. был заключен так называемый Симодский трактат, положивший начало официальным межгосударственным отношениям.

Для России в ту пору важно было получить выход к океану и иметь по соседству дружественную Японию [183, с. 165—175]. Государственную границу провели между о-вами Уруп и Итуруп, Сахалин остался в совместном владении обеих стран, три порта (Симода, Нагасаки, Хакодате) стали доступны для захода российских судов. Кроме того, было достигнуто соглашение об учреждении Российского консульства. Когда экспедиция Путятина возвращалась из Японии на родину, уже шла Крымская война. Натолкнувшись на английский военный патруль в Охотском море, русские моряки попали в плен. И. А. Гошкевич наряду с другими (мичманом

Ковалевским, группой матросов) был переправлен в Гонконг — тогдашнее владение Англии. Из эпизодов пребывания в гонконгском плену примечательно выступление Гошкевича в тамошнем Азиатском научном обществе (1856 г.). По просьбе коллег-востоковедов он сделал доклад о Китае, о культурной работе Российской духовной миссии в Пекине, где некогда служил. В 1857 г. участники экспедиции смогли вернуться в Россию.

Консульство, согласно Симодскому трактату, решено было открыть на о-ве Хоккайдо, наиболее близком к дальневосточным границам России, а на должность консула, по существу первого русского посла в Японии, был назначен И. А. Гошкевич. Консул и его сотрудники прибыли в порт Хакодате 5 ноября 1858 г. Первоначальный штат, доставленный на клипере «Джигит», состоял из пятнадцати человек. В их число входил секретарь консула В. Д. Овандер, морской инженер П. Н. Назимов, врач М. П. Альбрехт, священник В. Е. Махов.

Павел Назимов в письме от 1/13 декабря 1858 г. сообщал, как их встретили в порту Хакодате: «Переводчик, старший губернаторский чиновник, шпион-офицер[7] и таможенный явились на клипер и приветствовали русских на английском языке». В тот же день состоялся визит к местному градоначальнику. «Получив приглашение, консул с лицами, состоящими при консульстве, командирами русских судов и офицерами, не занятыми службой, в полной форме отправились на берег, где уже их ждала толпа любопытных...» [305, 1861, № 2].

Прием у губернатора Мурогаки Авадзино-ками описан в деталях. «По стенам зала направо и налево поставлены кресла европейского образца, привезенные голландцами; перед креслами стоят длинные низкие столы, покрытые красным сукном... Губернатор и все чиновники сели в кресла напротив нас, на левой стороне залы, переводчик посредине, между столами, на коленях был готов приступить к своему делу» [305, 1861, № 2]. После взаимных приветствий губернатор задавал вопросы, по впечатлению П. Назимова, «не особой важности». Спрашивал, например, сколько домов на Камчатке, и «надо было выдумать, а все-таки сказать именно сколько». Упомянуто и предложенное угощение: «чай без сахара», рисовое вино в маленьких чашечках, «вареный пуговичный рак» [305, 1861, № 2, с. 227—234].

Власти объявили русским правила, которые им надлежало соблюдать в городе и на рейде. Разместили их для начала во флигеле буддийского храма Дзицугёдзи. Консул и врач с семьями[8] поселились в помещениях этой «кумирни», остальным же пришлось временно остаться на доставившем их ко-

рабле. Вскоре выяснилось, что жить в храме невозможно: ветер свистел во все щели, днем хлипкое здание сотрясалось от боя ритуальных гонгов и барабанов, по ночам в нем хозяйничали крысы. Стала очевидной необходимость строить собственный дом.

Власти Хакодате собирались отвести чужеземцам место подальше, за чертой города. Лишь по настоянию И. А. Гошкевича удалось приобрести земельный участок в центральном районе Мотомати — у подножия горы Гагюдзан. Финансовые возможности консульства были скромны, пришлось брать кредиты и многое делать собственными силами. Роль проектировщика и организатора работ исполнял инженер П. Н. Назимов. Жены сотрудников деятельно участвовали в благоустройстве интерьера. Уже к 1860 г. на береговом откосе поднялся двухэтажный особняк, ставший украшением города. В Петербург сообщалось о дне открытия консульства: «Музыка, игравшая на балконе во время официального обеда у консула, привлекла сотни любопытных к дому, который вечером был иллюминован, а в одной из зал японские актеры показывали в трех отделениях туманные картины» [305, 1860, № 13, Смесь, с. 108].

Хакодате живописно раскинулся над Сангарским проливом — между Японским морем и Тихим океаном. Расположенный, что называется, на семи ветрах, он круглый год находится во власти штормов. Русских удивила неожиданная суровость климата.

Зима оказалась «чувствительной», снегу выпадало в два с половиной раза больше, нежели в Петербурге, «хотя мы находимся в одной широте с Римом и Мадритом», отмечал доктор Альбрехт, который помимо своих прямых обязанностей вел наблюдения за погодой и природными условиями.

Не хвалил консульский врач и местной чистоты. Глинистая почва и частые дожди создавали на немощеных дорогах непролазную грязь. Воздух был пропитан испарениями открытых сточных канав и запахом гниющей рыбы. От эпидемий спасали лишь несметные вороны, «эта единственная медицинская полиция». Японцы, писал Альбрехт, соблюдают тщательную опрятность внутри домов, но запустение вокруг жилья их не тревожит [305, 1862, № 9, Смесь, с. 80—86].

Одной из первых забот консульства явилось устройство лазарета. Первоначально врачи (после Альбрехта там работали Зеленский, Матвеев) лечили только свою колонию и заходивших в порт Хакодате российских моряков. Чтобы принимать японцев, понадобилось специальное разрешение правительства. По получении санкции из Эдо от жаждущих

исцеления не стало отбоя — тем более что лечение и лекарства были бесплатными. Чаще всего доктора сталкивались с чесоткой, сифилисом, глазными болезнями. Больные поступали обычно в тяжелом, запущенном состоянии, когда местные лекари от них уже отступались. Альбрехт завоевал «окончательный авторитет», излечив двух человек, страдавших водянкой. Очередь к нему располагалась лагерем у ворот лазарета.

У Альбрехта «каждодневно гостили» местные врачеватели, любознательно наблюдавшие за его практикой. Один немного говорил по-голландски, другие на ходу обучались русскому [305, 1866, № 1, ч. 4, с. 26—29]. Врачебное искусство японцев в те годы оставалось традиционным. Практиковалось иглоукалывание; применяли сушеную траву моксу, которую, поджигая, прикладывали к определенным точкам тела. В широком ходу был массаж, на нем специализировались слепые — они ходили по селениям, извещая о себе игрою на флейте. Знакомство с анатомией японцы получили от голландских врачей на о-ве Дэдзима, но хирургия еще не получила распространения. Доктор Альбрехт с разрешения губернатора проводил для японских лекарей показательное препарирование трупов. Сам же, в свою очередь, с интересом присматривался к их богатой растительной фармакологии, отмечая, что каждая травка имеет у них свое врачебное назначение. В 1862 г. русские врачи вели не только амбулаторное лечение, но и госпитализировали до ста человек в год.

Важной областью деятельности консульства стало обучение местных жителей русскому языку. Сами японцы делали первые шаги в этом направлении еще в начале XIX в. Тогда сёгун, напуганный голландцами возможным «нападением с севера», распорядился приступить к всестороннему изучению потенциального противника. Для этой цели использовали русских моряков, которых стихия забрасывала иногда к берегам Японии. Использовали и своих рыбаков, имевших опыт общения с русскими на Сахалине, на Курилах.

С открытием консульства в Хакодате преподавание языка поднялось на новый уровень. За распространение грамоты взялись люди, имевшие образование и соответствующие склонности. Существенный вклад в это начинание внес Иван Махов[9], который составил элементарный букварь. Его небольшая книжечка (20 страниц) имела заглавие: «Русского чиновника подарок японским детям. Русская азбука. Росия-но ироха».

Букварь открывался обращением: «Любезное дитя! Возьми эту азбуку, учись читать, писать, а также и говорить по-русски». Адресованное детям, пособие годилось и для взрослых. Учащиеся знакомились по нему с алфавитом (печатной и письменной формой), получали понятие о гласных и согласных буквах, об ударении. Давались готовые обиходные фразы: «Сегодня весьма хорошая погода», «Вчера пришло сюда русское судно», «Завтра большой праздник», «Он ученик прилежный, а прилежание к наукам очень похвально» и т. п. Произношение русских слов передавалось с помощью японской азбуки «катакана».

Над этим пособием И. Махов трудился пять месяцев. Ксилографическим способом его размножили. Сохранилось имя мастера, который вырезал доски, — Цунэки Дзюкити. Отпечатано было 500 экземпляров, предназначенных для бесплатной раздачи в Хакодате, Эдо, Киото, Нагасаки. В подарок губернатору Хакодате букварь переплели особенно нарядно. Высокий чиновник оценил сувенир по достоинству: «Превосходно, поистине превосходно. Весьма любопытная вещь и отлично сделана, я восхищен!» [313]. Одна книжка предназначалась главе государства, ее отпечатали на разноцветной почтовой бумаге[10].

На территории консульства организовали класс русского языка под руководством псаломщика консульской церкви В. Л. Сартова[11]. Кроме того, в одной из городских школ Хакодате Сартов преподавал арифметику, географию, историю. К языку приобщались и в миссионерском училище (Дэнгё гакко), основанном после приезда на Хоккайдо иеромонаха Николая и отца Анатолия.

О результатах просветительской деятельности православных миссионеров можно судить хотя бы по воспоминаниям Л. И. Мечникова, который отметил по прибытии в страну (1873 г.):«Я был немало удивлен по приезде в Японию тем, что изо всех японских переводчиков разных европейских языков, стоявших в большинстве случаев значительно ниже самого скромного уровня, именно русские отличались сравнительно лучшим знанием своего дела, к тому же они оказывались многочисленнее, чем можно было ожидать. Некоторые из них в очень юных летах были отправлены в Россию, отчасти на казенный счет, отчасти же иждивением адмирала графа Путятина. Другие, никогда не покидавшие своей родины, научились однако же довольно удовлетворительно говорить по-русски в училище, устроенном нашими миссионерами в Хакодате под руководством архимандрита о. Анатолия» [312, 12.04.1885].

Л. И. Мечников упоминает здесь об «отправленных в Россию». Это предприятие консульства заслуживает особого разговора. В годы, предшествовавшие буржуазной революции Мэйдзи, сёгунское правительство уже начало обходить законы изоляции: некоторые японцы получали возможность учиться на Западе — в Голландии, в Англии. В Россию первая группа учеников была направлена по предложению И. А. Гошкевича в 1865 г. Были посланы шестеро молодых людей — отпрыски знатных самурайских семейств. Младшим из них (Одзава Сэйдзиро и Танака Дзиро) едва исполнилось соответственно пятнадцать и шестнадцать лет. Троим (Итикава Бункити, Огата Дзёдзиро, Оцуки Хигоро) было около двадцати, и, наконец, самому старшему (Яманоути Садзаэмон) — тридцать лет. По первоначальному плану их должен был сопровождать переводчик Сига Уратаро (Тикатомо, 1845—1914) [12], в ту пору чиновник хакодатского губернаторства. Выросший на о-ве Кюсю, Сига научился языку от офицера крейсера «Аскольд» — во время стоянки этого корабля на ремонте в Нагасаки (1859 г.). В последний момент «из-за какой-то истории с женщиной» власти не выпустили Сига Уратаро, таким образом, группа стажеров осталась без переводчика.

«Отсылая учеников к Вам в Россию, — писал хакодатский губернатор Гошкевичу [13], — покорнейше прошу Вас не оставить их Вашим покровительством, равно как ходатайством об них перед Вашим правительством; а также прошу Вас, если они будут нарушать условия учебных заведений, в которых будут находиться, или обнаруживать неприлежание к наукам, или дурно себя вести, принимать против этого надлежащие меры. Конечно, каждому в приобретении познаний способствуют много природные таланты, но я бы очень желал, чтобы эти ученики, возвратившись в Японию, превосходили образованностью и поведением тех учеников, которые в настоящее время обучаются в других государствах, и тем заслужили бы общую хвалу своих соотечественников» [2, 1866—1867, д. 481].

Группа отправилась из Хакодате на флагманском крейсере «Варяг» (под командованием адмирала Ендогурова). В феврале 1866 г. она прибыла в Петербург. Предполагалось, что каждый из командированных помимо русского языка овладеет какой-либо прикладной специальностью (медициной, горным делом). В журнале «Современная летопись» (1868, № 3, с. 15) появилась заметка «Японцы, обучающиеся в русском пансионе», где сообщалось:

«Петербургский корреспондент Русских Ведомостей пи-

шет, что в Петербурге, в мужском пансионе Целовского, обращают на себя внимание пять японцев[14], весьма знатных фамилий, которые уже 3 года воспитываются в этом заведении. Старшему из них 22 года, он женат, но жена его осталась в Японии. Все они помещены на полном пансионе и платят за свое содержание и за слушание лекций по 1500 руб. каждый. В течение трех лет они, по словам корреспондента, сделали огромные успехи и уже весьма свободно объясняются по-русски, показывая большие способности к наукам; особенное пристрастие имеют они к предметам, относящимся до всех отраслей естественной истории. Они готовятся для поступления в наши русские специальные заведения, один из них поступает в Медико-хирургическую академию, другой в Горный институт, третий в Институт инженеров путей сообщения».

Программа пребывания учащихся была рассчитана на пять лет. Реализовать ее полностью, однако, не удалось — помешали развернувшиеся в Японии революционные события 1868 г. К власти пришло новое правительство, не желавшее финансировать затеи своих предшественников; стажеров досрочно отозвали на родину.

Задержался в Петербурге один Итикава Бункити. Его отец в свое время участвовал в переговорах с Е. В. Путятиным, поэтому адмирал, верный старым знакомствам, принял юношу в своем доме как родного. В России Итикава пробыл восемь лет и блестяще овладел языком. По возвращении на родину он преподавал в Токийской школе иностранных языков [127, с. 192—198].

Остальные же стажеры не оправдали возлагавшихся на них надежд. Слишком неопытные и плохо ориентировавшиеся в непривычной обстановке, они не сумели целенаправленно использовать выпавший им уникальный шанс. Наибольшую собранность проявил только старший из них— Яманоути Садзаэмон, он жадно впитывал разнообразную информацию о России (за что бдительные чиновники заподозрили его даже в шпионстве).

Служащие хакодатского консульства способствовали техническому просвещению японцев. И. А. Гошкевич сообщал: «...мы устраиваем модель ветряной мельницы, до сих пор еще неизвестной в Японии. К сожалению, я не имею хороших технологических сочинений, а эта часть начинает обращать на себя особенное внимание японцев. К строению судов они уже попривыкли[15]...» [317, 13.10.1859].

С одного из российских судов был снят и подарен для освещения местной гавани прожектор, познакомились японцы и с барометром. С именем Гошкевича связывают приобщение жителей Хакодате к фотографическому искусству. Консул увлекался «светописью», бывшей тогда еще в диковинку, и охотно показывал желающим свой фотоаппарат.

Сохранилось предание о появлении в Хакодате мастерской по пошиву европейской одежды. Началось с того, что консул попросил туземного портного сшить сюртук, но, поскольку тот никаких навыков к тому не имел, Гошкевич принес свою старую вещь и по ней помог сделать выкройку.

В 1858 г. между Россией и Японией был подписан второй, так называемый Эдоский договор о торговле и мореплавании. Смысл многих статей Симодского трактата 1855 г. существенно расширялся. Русские дипломаты не ограничивались более в своем передвижении тридцативерстной полосой вокруг открытых портов, появилась возможность ездить более свободно. Устанавливалась связь на уровне послов. Одна из статей Эдоского договора гласила: «Отныне его величество Император Всероссийский будет иметь право назначать дипломатического агента ко двору его величества Тайкуна[16] Японского, и взаимно е. в. Тайкун Японский может назначать дипломатического агента ко двору е. в. Императора Всероссийского. Дипломатический агент может быть в звании посла, посланника, министра и поверенного в делах.

Российский дипломатический агент имеет право постоянного жительства в Иеддо и со вступления своего в должность может свободно посещать все другие места Японского государства. Сим последним правом может также пользоваться русский генеральный консул» (см. 23, с. XXXV—XXXVI]).

Для ратификации этого договора И. А. Гошкевич ездил в Эдо — в резиденцию верховного правителя, сёгуна. От Хакодате до столицы консул (вместе с супругой и госпожой Альбрехт) проследовал морским путем. Обратный же их путь оказался по тем временам весьма необычным для иностранцев: они проследовали через весь центральный остров Хонсю по суше, лишь в бухте Саи (у пролива Цугару) их взял на борт русский клипер. В знак особого расположения сёгуна к ним была приставлена многочисленная свита, 24 дня сменяющиеся слуги несли их в паланкинах. Тем вре-

менем, как стало известно русским позднее, националисты из клана Сэндай готовили на консула покушение, спасло его лишь благоприятное стечение обстоятельств.

Летом 1859 г. Японию посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. Этот высокий царский чиновник играл значительную роль в дальневосточной политике России. Китаю его стараниями было навязано Айгунское соглашение (1858 г.), за что он получил почетный титул графа Амурского. По отношению к Японии он тоже стоял на ультимативных позициях, в данном случае намеревался заявить решительные права на Сахалин. Явился он с целой эскадрой: головное судно «Америка» сопровождали корветы «Воевода», «Боярин», «Новик». При встрече японцы смогли противопоставить им лишь два винтовых военных судна и допотопную торговую шхуну, полученную от голландцев.

Самолюбивые самураи чувствовали себя униженными. Наслаиваясь на давние антииностранные настроения, это чувство отозвалось инцидентом в порту Канагава (Йокогама). Там произошло нападение на двух русских моряков с корвета «Гридень». Мичман Р. С. Мофет и матрос Соколов, посланные на берег для покупки провизии, были «изрублены на куски» прямо на людной улице. Мотив грабежа расследование не установило, по всей видимости, налетчики руководствовались исключительно «патриотическими побуждениями». Японские власти, не выявив виновных, ограничились извинением и отстранением от должности двух первых лиц в г. Канагава — Мидзуно-ками и Като Икино-ками, о чем и известили Гошкевича. Переговоры о Сахалине были, естественно, прерваны.

Приток иностранцев на территорию Японии воспринимался как бедствие многими слоями японского общества. Сёгун, шедший на компромиссы с западными странами, навлекал на себя гнев могущественных феодальных князей (особенно протестовали кланы Сацума, Тёсю, Хидзэн, Тоса). Еще во время первого визита эскадры Е. В. Путятина губернатор Нагасаки заявил, что «японскому глазу больно видеть чужаков на своей земле». Неравноправные соглашения, навязанные западными державами, породили затем целое движение «за изгнание иностранцев», которое в значительной мере определяло обстановку в Японии 1850—1860-х годов.

Известен ряд эпизодов этого движения. В феврале 1860 г. на улицах Йокогамы были убиты два голландских офицера. В 1861 г. произошло нападение на британскую миссию в Эдо, ее здание в прибрежном районе Готэндзан

было сожжено. На Токайдоском тракте смертельно ранили англичанина Ричардсона. Случилось это возле местечка Намамуги (так называемый инцидент Намамуги, 1862 г.) во время торжественной процессии могущественного феодала — сацумского князя Симадзу. Англичанин имел неосторожность встать поперек дороги, за что и был зарублен княжеским конвоем. Точно так же, как и при налете на российских моряков в Канагава, сёгунское правительство не сумело обнаружить виновников.

Жестокая расправа ждала на каждом шагу не только чужеземцев, но и тех японцев, которые были им дружественны. В «Сообщении из Иеддо» русский наблюдатель писал, что видел в аристократическом квартале столицы (Хондзё) четырнадцать домов, завешенных белыми полотнищами. Белый покров означал, что хозяин дома должен по решению властей сделать себе харакири. «Является императорский комиссар, который обязан присутствовать при исполнении повеления. Говорят, что несчастных подозревали в большом пристрастии к союзу с европейцами» [313, 27.03.1864].

За попустительство иностранцам был убит видный чиновник сёгунского правительства, это произошло в гостинице Тэрадая г. Киото (инцидент в Тэрадая, 1862 г.).

Добиваясь прекращения террористических актов, англичане в 1863 г. обстреляли порт Кагосима; в 1864 г. соединенный флот западных держав обрушил огонь своих пушек на Симоносэки, в результате чего этот город был разрушен. Россия, придерживаясь нейтральной политики, в карательных экспедициях не участвовала, но и на русских отражалась общая напряженная обстановка в стране. Национальное самосознание японцев было уязвлено неравноправными договорами, изъятием иностранцев из компетенции местных судов и властей. «Счастлив только тот,— писал доктор Альбрехт, — кому серьезные занятия помогают забывать неприятную обстановку. Но счастливее еще тот, которому удалось подобру-поздорову покинуть Японию» [305, 1862, № 9, ч. 4, с. 80—86].

По соглашению 1858 г. Россия арендовала в пригороде Нагасаки участок земли. В тамошнем поселке Инаса построили ремонтный док, лазарет, бани, сделали Инасу базой отдыха моряков. Восемь месяцев (ноябрь 1858 — июнь 1859 г.) простоял там на ремонте «Аскольд». Капитан Унковский и его подопечные снискали добрую славу среди местного населения. Моряки западных стран нередко проявляли меркантильные интересы, грешили опиумной контра-

бандой, русские же выгодно отличались от них в этом отношении. Это отмечали даже иностранные наблюдатели, не заинтересованные в преувеличении их достоинств.

Особенно хорошо они проявили себя во время внезапного пожара в Нагасаки, когда горожане растерялись. Расквартированные на противоположном берегу залива, русские поспешили на помощь с топорами и помпами. Флотский офицер К. Ф. Литке сообщал в «Морском сборнике»: «Нагасаки. На голландском базаре произошел 8-го апреля значительный пожар, который был потушен преимущественно усердием и отвагою экипажа русского фрегата „Аскольд"» [305, 1859, № 6, Смесь, с. 198].

Современный исследователь Савада Кадзухико пишет об уроженце деревни Инаса, судьба которого полностью определилась встречей с русскими людьми. Его очерк называется «Сига Тикатомо (1842—1916) — переводчик с русского», он посвящен упоминавшемуся нами Сига Уратаро (Тикатомо) — сыну старосты селения Инаса. Во время стоянки «Аскольда» Сига был 17-летним юношей, офицер по фамилии Муханов обучил его русскому языку. Далее Сига переехал на Хоккайдо, где служил переводчиком в губернском управлении. Его ценили как хорошего специалиста и приглашали на переговоры высокопоставленных особ. Так, во время визита великого князя Алексея Александровича (дяди Николая II) в Японию в 1872 г. Сига исполнял обязанности переводчика. В своих «Рассказах о прошлом» («Мукасигатари») он вспоминает об этих днях (см. [255, с. 39—49]).

В незамерзающую гавань Хакодате заходили суда разных стран. Так, в течение 1861 г. зарегистрировано четырнадцать российских кораблей, восемь торговых шхун из Америки, суда Британии (два военных и девять купеческих). Швартовались китобои: одиннадцать американских, три ольденбургских, китобойное судно Финляндии... [305, 1860, № 1, Смесь, с. 26].

В хакодатском порту производили ремонтные работы, особенно славилось мастерство тамошних плотников. Иностранные суда пополняли там запасы угля, провизии, снабжались пресной водой. Благодаря свежим продуктам и бане команды российских судов, по свидетельству одного из врачей, «не имели ни одного скорбутного» (т. е. цинготного) даже весной.

Западные агенты развивали активную коммерцию, российская же торговля налаживалась с трудом. Предполагалось, что японцы заинтересуются русскими ситцами и стеариновыми свечами, а взамен повезут в устье Амура рис, су-

шеные плоды... Но как писал И. Махов, «малолюдство Сибири и плохая тамошняя промышленность не обещают развития торговли». Российское купечество расторопности не проявляло, грузы шли долгие месяцы — через Гамбург и Шанхай. И. Махов в письмах на родину настойчиво призывал проявлять «практическую жилку», сообщал, что японцы имеют «пока еще дешевые шелки, роскошные лакированные вещи и другие важнейшие произведения, легко могущие служить предметом вывозной торговли из Японии» [315, 07.07.1859].

Японцы плавали с целью налаживания контактов в Приморье. В подшивках «Северной пчелы» сохранилась заметка «Известия с Амура и японская военная шхуна в Николаевске» (7 июля 1859 г.); ее автор, подписавшийся псевдонимом «Амур», сообщал о визите судна под названием «Камита-мару». Гости оставили благоприятное впечатление. «У всех их черты лица выразительные, даже приятные, глаза живые и умные, одежда, сделанная большей частью из шелковых материй, чрезвычайно опрятна и безукоризненна. Они стараются вникать во все и спрашивать обо всем, но не с глупым любопытством дикаря, а с любознательностью развивающейся нации, с внимательностью и с разумением дела. В особенности этим отличаются капитан и доктор, два интересные почтенные представители японской нации». Кстати, доктор, названный корреспондентом «Фказе Иоосун» (возможно, Фукасэ Ёсун), представил себя как ученика М. Альбрехта из хакодатского консульства. Японских визитеров сопровождал переводчик по фамилии Кариолин, изъяснялся он бойко, но, по определению корреспондента, «лишь о таких предметах, которые доступны его умственному развитию». Последнее замечание станет понятней, если иметь в виду, что Кариолин был из числа нескольких кантонистов, подростками привезенных консулом Гошкевичем на Хоккайдо из Кронштадта для обучения их японскому языку.

В Хакодате существовало колоритное учреждение, приспособленное для снабжения иностранцев. Один из российских служащих, П. Назимов, писал: «Обращает на себя внимание базар для европейцев — собственно таможня или ее отделение. Здесь присутствуют: переводчик, говорящий на ломаном английском языке, губернаторский чиновник для разрешения затруднительных требований... Шпион-офицер также непременный член базара. Его легко узнать в

толпе чиновников: он вечно молчит и внимает. Как действуют чиновники на базаре, что требуется европейцам — все обязан донести шпион-офицер губернатору вечером. Базар этот хорош тем, что облегчает для евопейцев, не знающих японского языка, возможность приобретать необходимое, как-то: зелень, мясо, топливо, портного, лошадь, кошек для уничтожения крыс и т. п. ...Вот случай по поводу кошки; пишу на базар: пришлите кошку... Прошло дня четыре, кошки нет... получаю ответ: очень трудно найти достойную, которая бы верно вам служила... Прислали достойную» [305, 1859, № 5, Смесь, с. 54—55].

Сотрудники консульства посылали в российскую печать немало ценных заметок о нравах и обычаях, с которыми они столкнулись. Встреча Нового года детально описывалась И. А. Гошкевичем в «Извлечении из письма русского консула в Японии». Вначале он сообщал о приемах и увеселениях, которые устраивало консульство для местных чиновников, «чтобы сломить лед отчуждения». По случаю Рождества наряжали елку, приглашали должностных лиц вместе с семьями, детям раздавали подарки. «Вскоре после наших праздников начались японские; присутственные места закрыты за три дня до Нового года и открыты не ранее восьмого числа; но у многих праздник продолжается до 16-го числа. Даже преступников в тюрьмах в 1, 14 и 15 числа освобождают от связывающих их веревок и позволяют выбриться и одеться почище. Во всех домах ворота украшены фонарями, гирляндами из разноцветных бумажек, зеленью и разными эмблематическими предметами, каковы: рак, лимон, стрела и пр. Они предохраняют дом от злых духов, болезней и разных несчастий. В первые дни праздников японцы обыкновенно поздравляют всех своих знакомых, в каждом доме угощаются, и многие из заходивших ко мне были порядочно навеселе. Но на улицах порядок и тишина удивительные; в эти дни все ложатся спать довольно рано в ожидании приятных снов, которые бывают наградою людям, прилично прожившим прошедший год» [305, 1859, № 10, Смесь, с. 140].

И. Махов запечатлел в своих очерках виденные церемонии — и праздничные, и траурные. В седьмой день седьмого месяца по лунному календарю (1860 г.) он наблюдал праздник Танабата, смысл которого объяснял как «благодарение звезде Лире за обильный урожай рису». Махов описывал густые толпы гуляющих, разукрашенные колесницы, которые шли мимо «нарочно устроенных лож для губернатора и важнейших чиновников» [305, 1861, № 2, Смесь, с. 231—

234]. В той же «Корреспонденции из портов. Хакодате» отображен фестиваль покровителя японского воинства Хатимана, который «жил за 2000 лет перед сим» и являлся «знаменитейшим победоносцем». Празднество состояло в «трехвечернем иллюминировании улиц и домов», в театрализованных храмовых представлениях, массовых плясках и «акробатических увеселениях».

Сохранилось описание похоронного обряда тех времен. Усопшего закупоривали в бочку, в храме ее окуривали благовониями, буддийские священники читали над нею молитвы. Из храма бочку несли на костер, после кремации обгорелые кости собирали и сорок девять дней держали в доме покойного. В течение этих семи недель ближайшие родственники соблюдали пост, после чего прах предавался земле [313, 1861, № 58].

Обширный очерк И. Махова посвящен истории денег в Японии начиная с III в. [113]. Автор сообщал также о стандартах, которыми пользовались продавцы риса и других сыпучих товаров на Хоккайдо (унификация системы мер и весов по всей стране была осуществлена лишь в 1873 г.). Как явствует из этого сочинения, в 1860-х годах бумажные деньги хождения не имели, чеканились три рода звонкой монеты: медная (мон, хякумон, тэмпо), серебряная (сю, бу) и золотая (рё). В народном обиходе использовались, однако, они не все. Золото имела право держать в руках только самая элита — император, князья, высшие чиновники. Незаконное хранение золотых монет каралось смертной казнью.

Азиатский музей приобрел у И. Махова привезенные с Хоккайдо образцы монет, в том числе золотых, которые он приобрел «под большим секретом и с переплатой их стоимости». Об этом сообщает академик М. Броссе в предисловии в очерку Махова.

Вся жизнь японцев прошлого века опутывалась строгой регламентацией. Провинциальные чиновники не принимали без санкции Эдо никаких решений. Крестьяне не могли по собственной воле засевать поля. Каждому сословию определена была своя пища и одежда. Бесчисленные запреты сковывали малейшую инициативу. «Пожалуй, японец не прочь бы заработать лишнюю деньгу, но правительство не позволит; не прочь бы и жить в довольстве, но начальство тотчас остановит и пресечет малейшую роскошь», — писал И. Махов в заметке «Сентябрь в Хакодате» [313, 1861, № 58].

И. А. Гошкевич видел рабские условия труда на свинцовом руднике Намарияма, который он посетил в мае 1859 г. По свидетельству консула, добыча велась самым первобыт-

ным способом. Люди работали в полузатопленных штольнях, единственным их освещением служили горящие ветки, от которых стоял удушливый чад. Бывал он и в селении айнов — коренной народности о-ва Хоккайдо. Их нищенский быт объяснялся тем, что со всякой своей добычи — с рыбной ловли, охоты на оленей — айны платили изрядную дань японским должностным лицам [313, 1861, № 58].

Законы и обычаи, с которыми столкнулись консульские служащие, отличались средневековой жестокостью. И. Махов явился свидетелем публичной казни. Некоего человека признали виновным в поджоге портового сарая, в назидание другим его самого сожгли на костре. По слухам, сообщал И. Махов, в столичном городе Эдо дня не проходит без принародных сожжений, случается и «варка преступников в котлах» [305, 1860, № 13, Смесь, с. 181].

Если до 1858 г. российское общество имело весьма отдаленное представление о дальневосточных соседях, то с обоснованием И. А. Гошкевича и его сотрудников в Хакодате разносторонняя информация стала поступать из первых рук.

Строго контролируя собственное население, японские власти тем более не могли оставить безнадзорными иностранцев. Русским урезывались даже те права, что были специально оговорены в Симодском трактате. Существовала, например, договоренность о свободе передвижения консульских служащих в пределах десяти ри (т. е. примерно 40 км) от Хакодате. Но стоило кому-либо собраться в путь, как чинились препятствия, дорогу измеряли не по прямой, а «зигзагом» [313, 1861, № 58]. «Хочется-таки восточному ларчику держаться по-прежнему взаперти!» — восклицает автор заметки, явно вспоминая при этом слова И. А. Гончарова, написанные в 1853 г.

Наряду с опасением, что иностранцы проникают в Японию с колонизаторскими намерениями, наиболее дальновидные представители японского общества понимали, что сохранить независимость можно не отгораживаясь, а лишь ликвидировав свою собственную отсталость. Эти две противоречивые тенденции с переменным успехом одерживали верх, их противоборство окрашивало собою всю атмосферу того времени.

Консульство в Хакодате являлось в 1858—1865 гг. единственным официальным представительством России, через него осуществлялись не только все дипломатические, но и культурные связи; И. А. Гошкевич, по существу, исполнял функции посла. Именно тогда были заложены основы всех дальнейших отношений «со столь замечательным государст-

вом», как называл Японию адмирал-дипломат Е. В. Путятин. Благодаря просветительской деятельности служащих консульства самым распространенным из иностранных языков на Хоккайдо стал тогда русский. В условиях настороженного отношения к иностранцам русские дипломаты своим тактичным поведением и полезными для населения делами сумели внушить японцам уважение к России.

Русские пользовались симпатией местных жителей, и главной причиной этого, как писал консул в отчете от 24 сентября 1862 г., явилось «врожденное нашему народу кроткое обращение».

«Поведение наших матросов, — писал он, — резко отличается: они редко заводят драку и скорее склонны к излияниям дружбы» [1, 1862—1865, д. 480].

Русских уважали за бескорыстие, за стремление понять местные обычаи и культуру. Город Хакодате, насчитывавший в ту пору всего 6 тыс. населения, заметно оживился под влиянием благотворных контактов. От той поры остались и сохраняются памятники архитектуры: белокаменная церковь Христа Спасителя и двухэтажное здание консульства (ныне перестроенное, оно используется в качестве Молодежного клуба).

Сам И. А. Гошкевич снискал расположение своей образованностью, знанием языков, своими учеными занятиями. Простой в обращении, искренний человек, он всемерно старался наладить добрые отношения с японцами. Его отчеты, посылаемые в Петербург, выражали волю поддерживать добрососедство на Дальнем Востоке (см., например, [313, 15.10.1859]). Обстановка продолжала оставаться напряженной. 4 марта 1864 г. он сообщал, что сёгун намерен снова закрыть страну для иностранцев. Тем более ценной была его миролюбивая позиция, о которой тогдашний министр иностранных дел Горчаков писал: «Достаточно заметить, что Хакодате порт есть единственный, в котором не совершилось ни одного из тех ужасных злодеяний, которыми ознаменовалась жизнь в европейских факториях других портов...»

Знаменательный штрих к личности И. А. Гошкевича добавляет его встреча с известным анархистом М. Бакуниным. Находясь в Сибири под надзором царской полиции, М. Бакунин совершил побег. После долгих странствий по Амуру и вдоль Татарского пролива он попал на американский парусник «Викерс», на котором 4 августа 1861 г. прибыл в Хакодате. И. А. Гошкевич по долгу службы посетил соотечественника на борту судна.

Прямо заявить должностному лицу о своем нелегальном выезде за пределы Российской империи М. Бакунин, естественно, не мог. Он сказал, что следует из Сибири в Москву — через Хакодате, Шанхай, Пекин... Подобная путаная версия вряд ли убедила опытного путешественника, каким являлся Гошкевич. Вероятно, он догадывался об истинных планах Бакунина, но счел за благо ему не препятствовать. Когда в Хакодате пришло секретное предписание задержать беглеца, тот был уже далеко [17].

Официальная бумага российских властей требовала, однако, ответа, И. А. Гошкевич написал: «Имею честь уведомить, что Бакунин пробыл в Хакодате только один день 5 авг., отправился в Канагаву на том же судне „Викерс"... Перед отъездом Бакунин сообщил мне, что он намерен проехать в Шанхай, Нагасаки, Пекин и обратно в Иркутск, так что, вероятно, в скором времени он опять будет в России» [151, с. 169].

Заурядный чиновник, несомненно, предпочел бы поставить препоны сомнительному транзитнику, И. А. Гошкевич же поступил иначе. Занятая им позиция свидетельствует о либеральных взглядах и определенной смелости.

Первый российский консул вернулся в Петербург в 1865 г. Два года прослужил на прежнем месте — в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Затем по состоянию здоровья вышел в отставку. Купил небольшую усадьбу «Мали» под Вильно, где и провел последние годы. До конца своих дней продолжал ученые занятия. Его исследование «О корнях японского языка» было опубликовано посмертно [39].

Активный период русского влияния на культуру северной Японии окончился с отъездом Гошкевича. В 1867 г. в Эдо было заключено дополнительное соглашение о торговле и навигации и аккредитован новый консул Е. К. Бюцов. После того, как российские дипломаты обосновались в Токио, а военный и коммерческий флот стал базироваться преимущественно в гавани Нагасаки, г. Хакодате утратил доминирующую позицию в русско-японских связях.

Имя И. А. Гошкевича, который более ста лет назад заложил благородную основу дружбы, взаимного познания русского и японского народов, увековечено на географической карте мира: в его честь назван залив в Японском море.

ДУХОВНАЯ МИССИЯ. ЕЕ ДЕЛА И ЛЮДИ

Вот уже ровно столетие стоит в центре Токио православный собор — белокаменное здание, увенчанное круглым куполом. В пору своей постройки (1891 г.) собор (50 м высоты) и его звонница (40 м) просматривались с любой точки города — в те годы японская столица представляла собою море одноэтажных деревянных строений. Ныне храм заслонен выросшими вокруг железобетонными билдингами, но своеобразная русско-византийская архитектура не дает ему потеряться в общей массе. Дорогу к храму укажет каждый токиец.

Масштабы этого здания в свое время казались непомерными. Зачем нужна такая махина? — встревоженно спрашивали окрестные жители. Епископ Николай, глава миссии, на это отвечал: это сейчас собор кажется велик, а пройдет двести лет, и он будет мал. И действительно, исходившие от русского религиозного центра импульсы — нравственные, эстетичекие, культурные — оказались значительными.

Православная миссия обосновалась в Токио в последней четверти прошлого века. Имя ее основателя и поныне высоко почитается в Японии. Говорить о ней — значит в первую очередь говорить об архиепископе Николае Японском. Подобно Иакинфу (Бичурину) [1] в Китае, он проявил себя не только в роли священнослужителя, но и как самоотверженный просветитель, ученый.

Архиепископ Николай (до принятия монашеского сана — Иван Дмитриевич Касаткин, 1836—1912) родился в селе Егорье-на-Березе Бельского уезда Смоленской губернии. Отец его служил дьяконом в местном храме и учительствовал в церковноприходской школе, мать умерла, когда ему было всего пять лет. Подростку из духовного звания пред-

начертан был путь в семинарию. Сто пятьдесят верст до нее в Смоленск он проделал пешком.

Уклад этих заведений, где секли розгами и всячески унижали человеческое достоинство, широко известен хотя бы по «Очеркам бурсы» Н. Г. Помяловского. Из их стен выходили либо подавленные, либо крепко закаленные люди. Сиротское детство и отрочество в бурсе сделали Ивана стойкой натурой. Незаурядные способности и воля помогли ему пробиться — по окончании семинарии его на казенный кошт направили в Петербургскую Духовную академию.

Академия давала фундаментальное образование; наряду с богословскими предметами там изучали историю, философию, древние и новые языки. Из светских книг, прочитанных в годы учебы, особенно запало в душу Николая сочинение «Записки флота капитана Василия Михайловича Головнина о приключениях его в плену у японцев» [29].

И вот — то ли случайность, то ли воля провидения, но только как раз в подходящий момент открылась служебная вакансия в Японии на о-ве Хоккайдо: в первом российском консульстве пожилой священник В. Е. Махов по болезни возвращался на родину, а 24-летний И. Касаткин, только что окончивший Духовную академию, принял решение ехать ему на смену. Шаг этот определил не только его собственную судьбу, но и судьбы тех, кто попал в дальнейшем в орбиту его влияния.

Возведенный в сан иеромонаха, Николай отправился на Дальний Восток. Японию он называл «спящей невестой», которую предстоит разбудить, наивность тогдашних представлений о стране впоследствии оценивалась им самим: «Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне отовсюду стекающихся слушателей, а затем и последователей Слова Божия, раз это последнее раздается в Японской стране. Каково же было мое разочарование, когда я, по прибытии в Японию, встретил совершенно противоположное тому, о чем мечтал. Тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христиан — как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи» [315, 1912, № 12—13, с. 502].

Транссибирской железной дороги еще не было и в помине, тысячеверстные пространства одолевались в тряской кибитке. В ожидании весенней навигации о. Николаю пришлось зазимовать в Николаевске-на-Амуре. Об этом городе писал А. П. Чехов, побывавший там по пути на Сахалин

(1890 г.): «В пятидесятые-шестидесятые годы, когда по Амуру, не щадя солдат, арестантов и переселенцев, насаждали культуру, в Николаевске имели свое пребывание чиновники, управлявшие краем, наезжало сюда много всяких русских и иностранных авантюристов, селились поселенцы, прельщенные необычайным изобилием рыбы и зверя, и, по-видимому, город не был чужд человеческих интересов, так как был даже случай, что один заезжий ученый нашел нужным и возможным прочесть здесь в клубе публичную лекцию» [195, с. 39].

В ту зиму о. Николай познакомился с епископом (с 1840 г.) Камчатским, Курильским и Алеутским Иннокентием [2] — опытным миссионером, двадцать лет прожившим среди алеутов на о-ве Уналашка. Община г. Хакодате, куда ехал о. Николай, была причислена к Камчатскому округу. Сам смолоду хлебнувший лиха, епископ Иннокентий по-отечески обласкал начинающего миссионера, помог советами и даже собственноручно скроил ему бархатную рясу — «чтобы внушала уважение». В Японию о. Николай прибыл летом 1861 г. Этот год, ознаменованный в России освобождением крестьян от крепостного права, по японскому летосчислению назывался первым годом Бункю [3].

Страна только-только начала выходить из двухвековой изоляции — было заключено несколько официальных и частных соглашений с западными странами (1854—1860 гг.). Но для контактов пока открылось лишь считанное число портовых городов, еще действовал введенный в давнем 1612 г. запрет на христианство. Проповедь православия в той обстановке оказалась немыслима.

Не теряя, однако, времени, о. Николай приступил к изучению японского языка, истории, верований. Хакодатские книгочеи (Тодоки Сабуро, Кимура Кэнсай) помогали ему овладевать грамотой. Под их руководством он учился не только чтению и письму, но знакомился с главными историко-литературными памятниками — «Кодзики» («Запись о делах древности», 712 г.), «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.), «Дайнихонси» («История великой Японии», 1657—1906). Интерес к японской культуре сблизил его с И. А. Гошкевичем, консул предоставил в его распоряжение свою богатую библиотеку.

Незадолго до приезда о. Николая (в 1860 г.) консульство построило в Хакодате православную церковь. Официально она именовалась собором Воскресения (Фуккацу сэйдо), но жители города, удивленные неслыханным прежде звоном колоколов, прозвали ее «храм Бом-бом» (Гангандэра). Ви-

зантийский иконостас сочетался в ее интерьере с соломенными циновками — татами, устилавшими пол, как в буддийском храме. Церковь предназначалась для консульских служащих и заходивших в порт Хакодате моряков российского флота; лишь с годами благодаря усилиям о. Николая вокруг нее сложилась община православных японцев[4].

В доме И. А. Гошкевича священник познакомился с японцем, который приходил обучать консульского пасынка Владимира приемам фехтования. Савабэ Такума[5], так звали этого человека, поначалу относился к русским с крайней настороженностью; в глубине о-ва Сикоку, откуда он был родом, иностранцев считали заведомыми неприятелями.

Отец Николай вел терпеливые беседы с Савабэ, и постепенно предубежденность самурая (и к тому же синтоистского служителя-каннуси) рассеялась. Более того, Савабэ загорелся желанием принять православие. По его настоянию о. Николай в 1868 г. совершил тайный обряд крещения, при котором Савабэ был наречен Павлом. В том же году по его примеру крестился хакодатский лекарь Сакаи Ацунори (Токурэй), нареченный Иоанном. Третьим пришел к православному вероисповеданию Яков Урано.

В письме о. Николая к митрополиту Исидору (от 14 сентября 1864 г.) Павлу Савабэ дана высокая характеристика: «...безукоризненного поведения, хорошо образован, умен, красноречив. Через него я могу находить и других...» [315, 1910, № 26].

Возрастала тяга японцев к контактам с людьми Запада, русские же как ближайшие соседи вызывали особенно острый интерес. Пришел в Хакодате (наполовину пешком) из центральной Японии Ниидзима Дзё (1843—1890), будущий известный просветитель, основатель христианского колледжа Досися в Киото[6]. Старинная фотография запечатлела его двадцатилетним юношей (1864 г.) с котомкой пилигрима на плече (по-видимому, снимок сделал консул Гошкевич — большой энтузиаст только-только входившего в моду фотоискусства). Некоторое время Ниидзима Дзё жил на правах ученика в доме о. Николая; в заметках «Хождение в Хакодате» («Хакодатэ кико») он отзывался о русском наставнике как о большом ученом и обаятельной личности [223, с. 106].

«Открытие» Японии, ее вовлечение в сферу мирового капиталистического рынка углубило внутренний кризис феодального строя. В 1867—1868 гг. произошла давно назре-

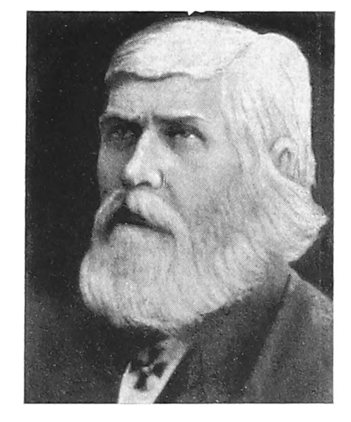
ЯПОНСКО-РУССКІЙ

СЛОВАРЬ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Титульный лист словаря Гошкевича

И. А. Гошкевич

Русскаго Чиновника

Подарокъ

Японскимъ Дѣтямъ

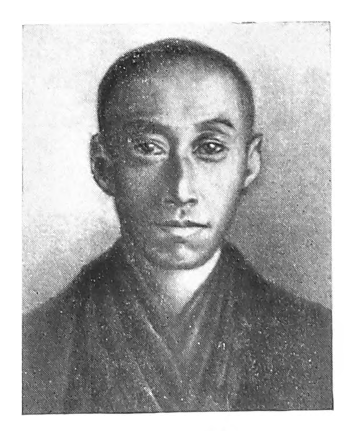
Русская Азбука

изданiе И. Махова

Хакодате.

1861 г.

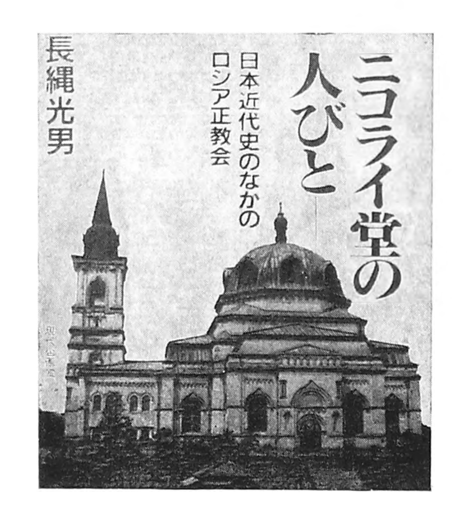
Обложка букваря Ивана Махова

Портрет Татибана Косай

1 Зак. 456

Русская церковь в Хакодате

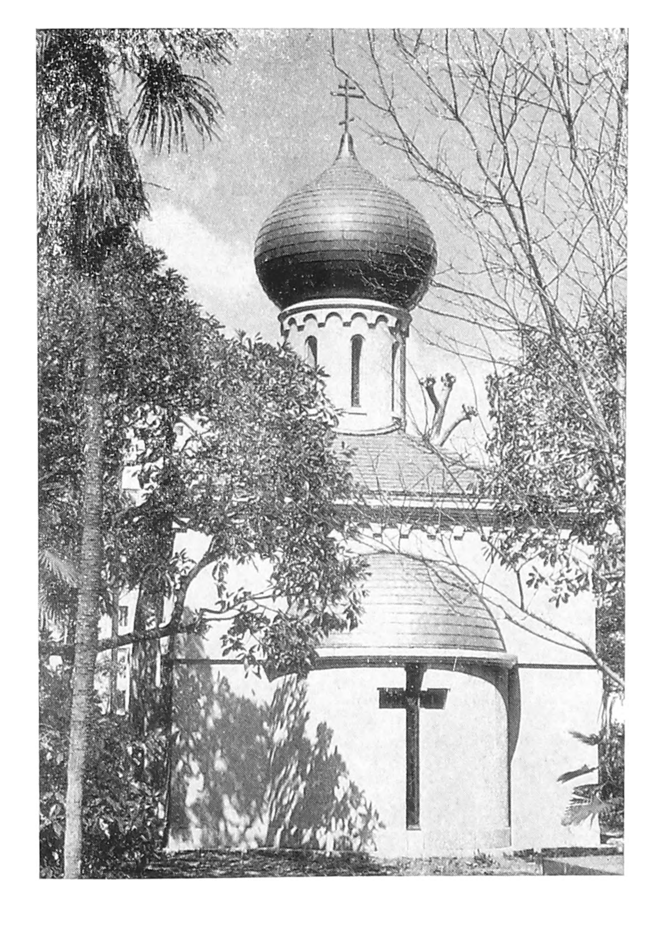
Обложка книги Наганава Мицуо «Вокруг Николаевского собора. Из истории православия в Японии»

Архиепископ Николай Японский

Николаевский собор в Токио, современный вид

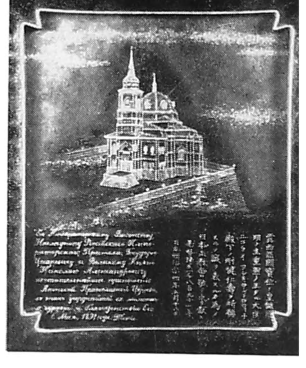

Часовня при Николаевском соборе

Интерьер Николаевского собора

Икона работы Ямасита Рин, подаренная цесаревичу Николаю в Японии (1891 г.). Хранится в Эрмитаже

Обратная сторона иконы с изображением Николаевского собора и дарственной надписью на русском и японском языках

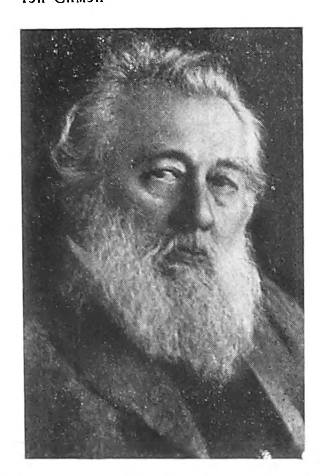
Иллюстрация к первому переводу «Капитанской дочки» А. С. Пушкина — Маша Миронова на приеме у Екатерины II

Л. И. Мечников

Переводчик и писатель Фтабатэй Симэй

Профессор Р. А. Кебер

вавшая буржуазная революция. К власти был приведен молодой император Муцухито, провозгласивший своим девизом Просвещенное правление (Мэйдзи). Сорок четыре года его правления (1868—1912), именуемые эпохой Мэйдзи, оказались поистине переломным периодом в японской истории.

Новое буржуазное правительство направило все силы на создание «богатой страны, сильной армии» (фукоку кёхэй). Колониальные судьбы соседних стран Азии красноречиво напоминали: для сохранения национальной независимости страну надо срочно выводить из отсталости. Первоочередной задачей стало развитие промышленности, при этом существенную роль играло расширение контактов с государствами Европы и с США. Политика японского правительства, таким образом, резко повернулась «лицом к Западу». В корне менялась система землепользования, согласно аграрной реформе 1872—1873 гг. государство выкупало земли у крупных князей и передавало их в аренду крестьянам; сохранились лишь средние и мелкие поместья. Ликвидировали феодальную раздробленность: деление на княжества было упразднено, территория разделена на сорок три префектуры (кэн).

Благодаря целому комплексу реформ менялся весь привычный уклад жизни. Отрекаясь от вековой замкнутости, Япония закладывала фундамент материально-технического и культурного развития нового времени. На процесс духовной модернизации японцев заметное влияние оказывало христианство, которое соединялось в их сознании с Западом, с более развитой цивилизацией[7]. Вскоре после революции Мэйдзи и отмены антихристианского закона (1873 г.) на всех основных островах Японского архипелага возникли миссионерские центры. На Хоккайдо таким центром стал Аграрный колледж в Саппоро (основан в 1872 г.). На Хонсю (в Йокогаме) христианскую общину возглавил переводчик Библии Уэмура Масахиса (1857—1925). На Кюсю (в Кумамото) протестантский пастор Л. Джейнс основал Школу европейской науки, где только в одном 1876 г. приняли новую веру 35 его учеников — выходцев из самурайского сословия; их назвали «кумамотским отрядом».

Молодежь потянулась в миссионерские школы прежде всего ради возможности прорубить для себя «окно в Европу», изучать западные языки. Христианство воспринималось как ключ к европейской культуре, знакомство с Библией открывало доступ к литературе, искусству. Чутких к красоте японцев привлекал эстетический антураж западных

церквей — колокольный звон, органная музыка, поэтичность молитв.

Отдельные группы японского общества использовали христианство в своих целях. Так, для буржуазных просветителей 1870—1880-х годов оно служило как бы противовесом консерватизму традиционных идеологий — конфуцианства, буддизма. Просветитель Цуда Мамити предлагал даже, чтобы Япония официально приняла религию процветающих европейских наций.

Как известно, в христианстве насчитывается множество направлений, и многие из них оказались представленными в Японии. В образованных кругах — в колледжах и университетах лидирующее место занимало протестантство, мелкие буржуа («владельцы рыбных и зеленных лавок») тяготели к католицизму. В первые десять лет после отмены антихристианского закона доминировали четыре ветви: англиканская епископальная церковь, пресвитерианская, голландская реформатская, баптистская.

Возникали причудливые сплавы христианства с местными религиями. Появилась «христианская церковь с буддийскими мотивами». Известный педагог Эбина Дандзё (1856—1937) соединял учение Христа с «высокой этикой синто», т. е. с исконным японским язычеством.

Своеобразием отличалась Независимая община г. Саппоро (Саппоро докурицу кёкай). В отличие от большинства христианских учреждений она отвергала материальную помощь иностранцев, что давало ей возможность сохранить подлинную самостоятельность. В ней придерживались принципа бесцерковности (мукёкай), выдвинутого идеологом Утимура Кандзо (1861—1926). «Бесцерковность не содержит в себе негативизма, свойственного анархистам или нигилистам, мы ничего не намерены ниспровергать. Она просто дает прибежище для лишенных храма, приют для бездомных, сиротских душ... Где наш храм? Природа — вот истинная обитель Бога. Голубое небо, украшенное роскошью звезд, составляет ее потолок. Зеленые поля с их красочным ковром образуют пол. Ветви сосен — чем не трубы органа, где музыкантами лесные пичуги? С амвона горных высей правит службу сам Господь Бог. Такова наша церковь, с которой не сравнится ни один храм в мире — ни в Лондоне, ни в Риме» (цит. по [276, с. 854]). Если можно говорить о специфически японской версии христианства, таковой явилась именно «бесцерковность». Своим пантеизмом она приближалась к религии синто.

Предложения сделать христианство государственной ре-

лигией Японии высказывались в начальный период Мэйдзи, не только упоминавшимся Цуда Мамити, но и рядом других идеологов модернизации — сторонниками западного пути развития. Свидетельства об этом сохранились и в наших исторических архивах — в документах, которые присылали российские служащие в Японии. Например, обнаружена следующая копия с донесения статского советника Давыдова (от 18 августа 1884 г., № 25):

«В течение прошлых трех месяцев в японской прессе появились статьи, в которых обсуждается вопрос о том, насколько было бы желательно и полезно введение христианства в Японии; особенно сочувственно к присоединению в исполнение столь важного переворота относились те газеты, в которых выражают мнения правительства... Буддийское духовенство, внимательно следившее за журнальной полемикой, напрягло все свои силы, чтобы наглядно доказать, что народ еще дорожит своими верованиями, ему действительно удалось возбудить религиозное рвение своих приверженцев, что и имело последствием несколько стычек в разных местах Японии между ними и христианами. Хотя стычки эти были незначительны, тем не менее они доказали как миссионерам, так и правительству, что влияние буддизма на низшие классы народонаселения еще настолько сильно, что с ним нужно считаться. Вместе с тем, позабыв на время свои распри с синтоистами, буддийские жрецы в Киото, духовном центре Японии, соединились со своими соперниками и стали отправлять депутацию в Токио с просьбами о заступничестве.

Правительство, ввиду разраставшейся агитации и по предварительному соглашению с высшим духовенством, издало на днях Указ, начинающийся словами „официальное священство уничтожено", затем следует объяснение этой меры. Она состоит в том, что начальники различных сект, на которые распадаются буддизм и синтоизм, не будут назначаемы правительством, как было доселе, а избираемы и только утверждаемы в должности министром внутренних дел. Вот главный пункт Указа, в котором, кроме того, в весьма неопределенных выражениях излагаются обязанности и права начальников сект относительно низшего духовенства.

Один из министров признался мне, что неопределенность умышленная и имеет целью, не лишая правительство права вмешиваться в духовные дела, довести это вмешательство до минимума.

Таким образом, Указом этим устанавливается почти со-

вершенное отделение церкви от государства и сверх того полное уравнение синтоизма и буддизма, которые до сих пор находились в постоянной борьбе из-за первенствующего положения. Принцип независимости церкви от государства принимается с радостью буддийским духовенством, которое видит в нем гарантию, что правительство не допустит христианство сделаться государственной религией... мера окажется выгодной для протестантских сект, не имеющих правильной духовной иерархии, и затруднит существование римского католичества в Японии» [4, ф. 797].

Отношение к иностранцам на глазах менялось «от презрения к уважению» (слова архиепископа Николая). Будучи свидетелем глубоких перемен, о. Николай предчувствовал в дальнейшем более широкое поле деятельности. В 1869 г. он отправился в Петербург хлопотать перед Синодом об открытии православной миссии в японской столице. Благо существовал пример: в Пекине Российская духовная миссия успешно функционировала еще с XVII в.

Заручившись санкцией Синода, о. Николай вернулся на Хоккайдо (1871 г.). С этого времени к нему пришло как бы второе дыхание. Начался титанический труд по переводу церковных текстов на японский язык (ранее богослужение в хакодатском соборе велось на церковнославянском). К этому времени уже существовала китайская версия Нового Завета, она служила подспорьем в работе, хотя, по отзыву о. Николая, перевод протестантских миссионеров страдал значительными неточностями. Он писал: «...дошел до окончательного разочарования в авторитетности китайского перевода. Я выписал из Китая другой перевод Нового Завета. Оказалось, что один — буквален до шероховатости языка и часто до непонятности, другой — изукрашен до совершенной перефразировки и до пропуска или вставки многих слов. Это заставило меня тщательно следить за текстом по русскому и славянскому переводам. Изредка встречающиеся несогласия между тем и другим побудили меня заглядывать еще в Вульгату и английский текст; наконец, я достал и греческий Новый Завет. Просматривая каждый стих во всех этих чтениях, а в трудных местах прочитывая и толкование св. И. Златоуста, я, наконец, дошел до такой медленности в переводе, что в 5 часов, которые посвящались в сутки на эту работу, переводил не более 15 стихов... Так переведены были: Евангелия, книга Деяний, Соборные послания, послания Ап. Павла к Галатам, Ефесянам, Филиппийцам, Ко-

лоссянам и половина послания к Римлянам... В промежутках этой работы переведены с китайского языка: Православное исповедание Димитрия Ростовского, катехизис для оглашенных, краткая священная история Ветхого Завета, утренние и вечерние молитвы; с славянского — обряд присоединения иноверных и крещения» [314, март 1896 г., с. 436]. Эта поистине грандиозная работа требовала мобилизации всех сил, к ней подключились П. Савабэ, И. Сакаи, Я. Урано, бессменным помощником о. Николая являлся Павел Накаи. Переведенные тексты тиражировались на доставленном из России печатном станке. Появилась возможность вести богослужение на родном для местного населения языке, что существенно способствовало дальнейшему распространению православия.

Миссионеры прошлого века, как правило, с вниманием относились к культуре народов, среди которых вели проповедь. В Пекине в составе одной только 12-й русской миссии сформировались три крупных китаеведа — Палладий (Кафаров), будущий академик Васильев, врач Татаринов. «Много раз меня также манила на свое поле наука, японская история и вся японская литература — совершенно непочатые сокровища, — стоит лишь черпать целыми пригоршнями, все будет ново, интересно в Европе и труд не пропадет даром», — писал о. Николай митрополиту Московскому Иннокентию [311, 1869, № 12].

Японоведческие труды архиепископа Николая содержали значительный по тем временам элемент первооткрывательства. Его наблюдения над японской историей, верованиями, обычаями адресовались не только церковному ведомству. «Московские ведомости» печатали в 1860-е годы его «Письма из Японии», его публикации появлялись в таких изданиях, как «Русский архив», «Миссионер», «Древняя и новая Россия», «Странник».

Очерки «Япония с точки зрения христианской миссии» [311, 1869, № 9, 11, 12] рассматривали положение страны в конце периода Токугава, т. е. именно в те годы, когда о. Николай приехал в Хакодате как консульский священник. Основываясь как на письменных источниках, так и на личных наблюдениях, он рассказывал о междоусобных войнах князей-самураев, о жестком центральном правлении, исходившем из столичного города Эдо.

Феодальная раздробленность и отгороженность от внешнего мира справедливо назывались автором в качестве при-

чин отсталости страны, на будущее он предсказывал объединение всех княжеств и широкое отворение портов для «заморских флагов».

Первым из русских ученых архиепископ Николай изучал развитие и упадок японского феодализма. Современный владивостокский исследователь А. А. Щербина видит его большую заслугу в создании «целостной концепции истории Японии от возникновения государства до буржуазной революции» [203, с. 163]. Накамура Кэнноскэ, историк из г. Саппоро, пишет, что очерки о. Николая «как в зеркале отразили Японию кануна Мэйдзи». Накамура Кэнноскэ перевел их на японский язык и издал отдельной книжкой под заглавием «Япония конца феодализма глазами Николая» [253]. Книжка снабжена вступительной статьей и комментариями переводчика, на ее обложке воспроизводится икона св. Николая Японского (написанная после его канонизации).

Другой япdоноведческий труд назывался «Сёогуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам»[8]. В нем о. Николай писал: «Японцы, всего пятьдесят лет тому назад казавшиеся такими же непробудно сонными и неподвижными, как китайцы, в настоящее время имеют уже военный флот паровых судов, на котором ни человека европейцев, имеют специалистов ученых, получивших дипломы в европейских школах, механические заведения, могущие собственными средствами соорудить пароход, наконец, либеральную конституцию с выборным началом в основании. А между тем эти факты как нельзя более естественны, и странно было бы, если бы их не было. Но чтобы судить так, нужно изучить не костюм и внешние приемы японца, а его дух в историческом развитии, словом, изучить его литературу» [311, 1869, № 11, с. 207—208]. Очерки завершаются следующим резюме: «Распущение князей на Едо, случившееся семь лет тому назад (имеется в виду отмена системы заложничества. — *Г. И.*), было началом революции, приведшей в прошлом году к падению династии Токугава и к ниспровержению сёгунского престола. Но ход этой революции должен быть предметом особой статьи» [311, 1869, № 12, с. 460].

С первых же лет пребывания на японской земле о. Николай усвоил убеждение, что между странами-соседями нет поводов для разногласий, что им надлежит лучше знать друг друга и теснее сотрудничать. «Все, что делается в Японии, более, чем всякое другое государство, должно интересовать Россию, как непосредственную соседку ее на крайнем востоке. Оба государства — молодые, полные свежих сил и

надежд на долгую историческую жизнь. Притом же оба — совершенно различные по своему географическому положению, вследствие чего в будущем они могут только помогать друг другу, но не встречаться одно с другим на перекрестных дорогах и не мешать одно другому» [301, 1875, № 10, с. 228—229].

Желанием упрочить взаимное понимание проникнуто все его публицистическое и эпистолярное наследие. Уже после 1905 г. он писал члену Императорского Географического общества П. Ф. Унтербергеру: «Не было бы и нашей несчастной войны с Японией, если бы глубже знали Японию» [316, 1912, № 16, с. 664].

Был составлен специальный доклад директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел: «Япония. Докладная записка иеромонаха Николая П. Н. Стремоухову. 1869». Обращая внимание на стремительное развитие страны, миссионер предрекал Японии большую государственную будущность, указывал на необходимость более глубоких с нею контактов. Казалось бы, информация компетентного лица должна была привлечь внимание министерства, учитываться им при выработке политического курса. Однако, как водится у нас в России, важнейший документ почти сорок лет пролежал в пыли без всякого внимания. Опубликовали его лишь в 1907 г. [310, 1907, № 4].

Известны и другие публикации о. Николая: «Письмо к митрополиту Московскому Иннокентию» [311, 1869, № 12], «Рапорт совету православного миссионерского общества» [302, 1879, № 28—29], «Письмо к преосвященному Вениамину, епископу Камчатскому, о состоянии японской миссии» [314, 1884, № 5].

Еще при жизни ученые оценивали архиепископа Николая как «всемирно известного японолога» [304, 1911, № 11]. Императорское общество востоковедения и Русско-японское общество избрали его своим почетным членом.

Зимой 1872 г. из Киевской духовной академии прибыл в Хакодате о. Анатолий, скоро сделавшийся правой рукой о. Николая. Почти двадцать лет (до 1890 г.) прослужил в Японии о. Анатолий, в миру Александр Дмитриевич Тихай (1838—1893). После переезда о. Николая в «столичный стан» он оставался начальником в Хакодате. В дни гонений, когда губернатор Курода Киётака повелел заключить всех крещеных японцев в крепость (1872 г.), о. Анатолий сумел отстоять церковные училища (начальное и женское), сохра-

нил типографию. С 1878 г. он возглавлял приход в г. Осака.

Лично знавшие о. Анатолия давали о нем лестные отзывы. «Последнего судьба, кажется, прямо готовила для Японии, именно для миссионерской деятельности. Невозмутимый характер, ровность и последовательность во всех действиях, тактичность и удивительное терпение, иногда необходимое при общении с японцами, — все это в избытке соединено в нем; прибавьте к этому поразительную способность к изучению языков — в год с небольшим он настолько изучил японский язык, что не только объяснялся с японцами, но и делал переводы. Кроме всего этого, — что самое главное, — иеромонах Анатолий, подобно Николаю, пользовался большой любовью народа, которая так необходима во всяком, особенно же в миссионерском деле» [314, 1896, № 3, с. 436]. Службу в японской миссии запечатлел «Дневник русского православного миссионера в Японии о. иеромонаха Анатолия» [303, 1878, № 28—32; 1870, № 45—50].

Итак, в 1872 г. хакодатская община осталась на попечении о. Анатолия, о. Николай же переехал в Токио.

Тогда же в столице был аккредитован посланник — Евгений Карлович Бюцов, ранее (1866—1870) исполнявший обязанности консула в Хакодате. Политическая линия посланника предопределялась соответствующей инструкцией Зимнего дворца.

«Мы занимаем в отношении Японии совершенно исключительное положение, отличное от того, в котором находятся другие иностранные государства; оно обусловлено, с одной стороны, близким соседством нашим к Японии, с другой — отсутствием, по крайней мере на некоторое время, торговых интересов, привлекающих туда другие нации; наше соседство не позволяет нам оставаться равнодушными ко всему происходящему в Японии, мы должны зорко следить за внутренним ее развитием; отсутствие же торговых интересов дает нам возможность быть гораздо снисходительнее других держав в наших требованиях и даже оказывать поддержку японскому правительству» [222—223].

Большинство иностранцев, служивших тогда в Токио, — дипломаты, коммерсанты, миссионеры — размещались в районе Цукидзи; там же поселился и о. Николай. Первый год он посвятил преподаванию русского языка, число его учеников постепенно достигло полутора сотен. Отец Николай постоянно внушал им, что японцы и русские имеют все возможности жить в дружбе, «не мешать один другому». Вместе с учащимися он составил русско-японский словарь, который являлся незаменимым пособием для изучавших рус-

кий язык вплоть до 1887 г., когда в Токийской школе иностранных языков подготовили более основательный лексикон (Рова-дзии).

Разносторонние преобразования всех сфер жизни продолжались интенсивными темпами. В 1873 г. японцы перешли с традиционного лунного на григорианский солнечный календарь. По всей стране был установлен единый выходной день — воскресенье.

Православные училища и печатные издания

Отмена антихристианского законодательства в 1873 г. открывала новый простор для миссионерского дела.

Первым долгом о. Николай основал катехизаторское училище — для подготовки проповедников православия из местного населения. В 1875 г. открылась Духовная семинария (Сэйкё сингакко), куда набирали подростков с начальным образованием. Программа, рассчитанная на семь лет, предусматривала как теологические, так и общие предметы: в ней преподавали языки, историю (российскую и японскую), читали китайские классические книги. Первый выпуск мужской семинарии состоялся в 1882 г.[9].

Появилась и семинария для девушек, где наряду с Законом Божьим и т. п. ученицы усваивали навыки домоводства и шитья, рисования и пения. Семинария быстро приобрела репутацию одной из лучших женских школ, включая национальные и европейские. Желающих поступить в нее оказывалось значительно больше, нежели она могла принять. Поначалу женская семинария ютилась в ветхом домишке, ее первая директриса М. А. Черкасова не уставала взывать к соотечественникам с просьбами о благотворительности. «Отец Николай, — писала она, — не имеет средств для женской половины японского христианского общества. Ему едва хватает на мужское отделение миссии. Что до жен и детей, это, конечно, дело матери, которой они доселе не имели и были как бы сиротами. Я с своей стороны бесконечно благодарна о. Николаю за то, что им сделано: им положен прочный нравственный фундамент, возбуждено в детях желание слышать слово Божие и ревностное искание сообразовать свою жизнь с духом христианского учения; существует уже школа, в которой развитие детей равняется по крайней мере курсу нашей прогимназии. Что касается удовлетворения материальных нужд, то много и того, что

им все-таки уделено хотя временное и какое ни есть помещение, и бедным детям дается пища и одежда. Дальнейшее же попечение о них, конечно, возлагается на меня. Вот и судите теперь о моем положении при огромном количестве и разнообразии потребностей и при неимении средств для удовлетворения их» [194, с. 377].

Токийская миссия считалась автокефальной, от российского Синода она получала мизер, поэтому денег на содержание школ, печатных изданий хронически не хватало. По свидетельству архимандрита Андроника (Владимир Никольский, 1870—1919) [10], в отличие от западных держав Россия не проявляла большой заботы о своих миссионерах, хотя последние нередко идут «впереди консульских мероприятий и дипломатических завоеваний». Он писал: «Инославные дают прекрасное обеспечение своим деятелям, наши же катехизаторы получают 7—12 иен в месяц, а священники — 12—20 иен. Если учесть, что никаких побочных занятий они иметь не могут, поскольку им некогда да и неприлично, то это — скудный кусок хлеба. Поэтому немного находится охотников ради проповеди жить впроголодь» [311, 1904, № 10].

Служители миссии жертвовали значительную часть своего жалованья на поддержание семинарии. Уповать на благотворительность приходилось сплошь и рядом. Иеромонах Владимир просил у российских меценатов книги и учебные пособия, он перечислял: нужны библии на русском языке, малого формата; жития святых; атласы по церковной, русской и всеобщей истории; «Православное догматическое богословие» арх. Филарета; сочинения научные по философии и психологии; сочинения по географии (путешествия и описания), этнографии, истории церковной и гражданской, как русской, так и всеобщей; сочинения по физике, метеорологии и астрономии; также физические инструменты и химические препараты; ноты церковные и светские для обучения японцев пению.

«Великое бы спасибо, если бы кто пожертвовал фортепьяно и фисгармонию для русской диакониссы в Японии — дочери полковника Черкасова, Марии Александровны, руководящей туземным женским образованием православной японской паствы. Все доставлено будет в Японию с полной безопасностью и в целости через три месяца, если пожертвования адресовать: в Петербург в контору Ивана Ивановича Суздальцева, Васильевский Остров, 1 л., д. № 5» [303, 1879, № 9, с 72].

Глава миссии знал всех семинаристов поименно и в ли-

цо; он высоко ценил любознательность японского юношества, верил в его будущее. «Взгляните на этот молодой кипучий народ... Желание просвещаться, заимствовать от иностранцев все хорошее проникает его до мозга костей. С каждым днем ко всем миссионерам, в том числе и к русским, приходят новые люди, жаждущие знать о Христе...» [155, с. 35—36].

Отрадное впечатление о «братстве Николая» вынес владивостокский путешественник Д. И. Шрейдер (сотрудник Императорского Географического общества), дважды посетивший Японию (в 1891 и 1893 гг.). Д. И. Шрейдер описывает уютный внутренний двор, засаженный молодыми кедрами, географические карты по стенам классных комнат, отмечает образцовую чистоту. Унылых, заморенных лиц не наблюдал, наоборот, в манерах молодежи отметил непринужденность и даже воодушевление [200, с. 558].

Духовная миссия выпускала свои периодические издания. Выходили (раз в две недели) «Сэйкё симпо» («Православные вести») — частично на японском, частично на русском языке. Издавался ежемесячный журнал «Сэйкё ёва» («Православные беседы»). Наибольшую известность получил орган женской семинарии «Уранисики» («Скромность», с 1892 г.). Его название, буквально означавшее «подкладка из парчи», заключало в себе целое мировоззрение. Дорогая парчовая ткань символизировала человеческую душу. Человеку надлежит прежде всего заботиться о внутренней чистоте, о совести, показной же суетой следует пренебрегать. Словом «скромность» название «Уранисики» передается лишь очень приблизительно.

В разные годы выходили и другие издания: «Синкай» («Духовное море»), «Нива» («Сад»), «Нироку симбун» («Круглосуточная газета»), «Симэй» («Предназначение»). В первую очередь они, естественно, печатали религиозно-нравственные тексты — «Сокращенное изложение догматов православной церкви», жития святых, извлечения из журнала «Воскресное чтение». Но определенное место отводилось и светской литературе — поэзии и прозе. Архиепископ Николай высоко ценил изящную словесность и резонно полагал, что, полюбив Пушкина и Толстого, японцы не смогут не полюбить Россию.

В «Уранисики» печаталось «Детство» Л. Н. Толстого (перевод Мори Окако), «Борис Годунов» А. С. Пушкина (в сокращенном переводе Дзангэцу Ан драма была названа «Лжецаревич», публиковалась в 1893—1895 гг.). На страницах ежемесячника «Синкай» появлялись философские

трактаты Л. Н. Толстого — «Неделание», «Много ли человеку земли надо» и др. Переводились басни Крылова, стихи Кольцова, Никитина, Некрасова.

Первый перевод произведения русской литературы — «Капитанской дочки» А. С. Пушкина — на японский также принадлежал выпускнику православной семинарии, Такасу Дзискэ (ум. в 1910-х годах, известен как составитель «Карманного русско-японского словаря» и разговорника). В 1883 г. повесть была издана отдельной книжкой [11].

В соответствии с переводческой практикой той поры текст оригинала был сокращен, адаптирован к восприятию японского читателя. Озаглавили его в духе старых развлекательных повестей (гэсаку): «Удивительные вести из России. Записки о душе цветка и думах бабочки» («Рококу кибун. Касин тёси року»). Судя по всему, переводчик имел смутное представление о крестьянской войне под предводительством Пугачева, произведение Пушкина представлено им как приключенческий рассказ о женитьбе Гринева на Маше Мироновой. Имена героев переделаны на английский лад (Мэри, Смит), что, однако, вряд ли свидетельствовало о работе Такасу Дзискэ с английским переводом Пушкина (суждения по этому поводу см. [105, с. 164—166]).

Художник Тайсо Ёситоси (Цукиока, 1839—1892) снабдил книжку иллюстрациями, которые выглядят довольно забавно. Екатерина Великая похожа на хрупкую японку в европейском платье XIX в., Петруша Гринев смотрит генералом с орденской лентой; голова кучера, управляющего конными санями, покрыта цилиндром [12].

Из семинарских наставников заслуживает непременного упоминания о. Владимир. После того как он приступил к преподаванию (1879 г.), ученики стали столь усердны, что засиживались в классных комнатах до ночи. Отец Николай называл о. Владимира «талантливым профессором» и попутно замечал, что японских учащихся, впрочем, вообще никогда не приходится понуждать к учению, напротив, их надо удерживать от чрезмерной старательности.

Отец Владимир проявлял заботу о здоровье своих подопечных. На собственные средства он построил загородный дом в курортном местечке Тоносава, где вместе с учениками проводил каникулы; так, в 1882 г. он вывез на отдых без малого полсотни человек.

Два срока служил в токийской миссии и преподавал в ее училищах о. Сергий (Иван Николаевич Страгородский,

1867—1944). У него была репутация выдающегося знатока церковных текстов и канонов. Отец Сергий отправился в Японию в 1890 г. вместе со своим однокашником по Петербургской духовной академии о. Арсением (Тимофеевым). Молодые тогда иеромонахи получили золотые наперсные кресты, подъемные и прогонные деньги и из Одессы отплыли в дальние края. Впечатления о длительном океанском путешествии изложены в захватывающей книге о. Сергия «На Дальнем Востоке. Письма японского миссионера» [170].

Отец Сергий образно повествует о том, как нелегко давался ему японский язык, но все же в конце первого года пребывания в стране он совершил на нем литургию, «правда, японские слова были написаны на бумажке русскими буквами».

В 1893 г. о. Сергия отозвали обратно в Петербургскую духовную академию, где он исполнял обязанности доцента по кафедре Ветхого Завета. А четыре года спустя о. Сергий вновь вернулся в Токио — на должность помощника начальника миссии. Его воспоминания о службе на востоке запечатлены в нескольких журнальных публикациях: «Христианство в Китае и Японии» [311, 1892, № 12; 1893, № 2], «На Дальнем Востоке» [297, 1895—1896]; «По Японии. Письма о миссионерском путешествии» [297, 1899] [13].

«Братство Николая» постепенно разрасталось. На его территории появились общежитие семинаристов, типография, построили двухэтажное кирпичное здание библиотеки. О пополнении книг архиепископ заботился лично: однажды им было куплено содержимое целой букинистической лавки, владелец которой закрывал дело.

В Публичной библиотеке Румянцевского музея (нынешняя Ленинская библиотека) глава миссии просил продать миссии вторые и третьи экземпляры книг, которые «в Москве не нужны, а в Токио составили бы ценное приобретение». Запросы он посылал через Н. В. Благоразумова (ум. в 1907 г.) — своего старого друга, однокашника по Петербургской духовной академии. Как член Совета Миссионерского общества, Н. В. Благоразумов принял на себя добровольные обязанности «московского сотрудника Японской миссии» [14].

«Что касается вопроса,— писал архиепископ Благоразумову, — какого рода книги желательны для здешней библиотеки, то, конечно, прежде всего по религиозным вопросам, начиная с Св. Писания, св. отцов, догматики и далее, а затем и по светским наукам, начиная с естественной религии, философии и далее и притом, если можно, не на одном русском, а и на других языках, особенно на английском.

В миссии библиотека уже порядочная, больше 10 т. томов, и, нужно правду сказать, книги не застаиваются на полках, есть кому читать: наши писатели, издатели нашей текущей прессы, наставники семинарии, священники, катехизаторы, ученики. Все серьезное, чем будет одарена библиотека, непременно принесет свою пользу. Скажите все это достопочтенному г-ну директору и попросите не поскупиться одарить нас хорошими книгами» [310, 1912, № 3, с. 395].

На каждый вновь поступавший том о. Николай сам составлял карточку. К сожалению, богатая библиотека миссии погибла во время землетрясения 1 сентября 1923 г., часть фондов сгорела, часть размокла при тушении пожара.

С начала 1870-х годов о. Николай предпринимал ежегодные поездки по стране — он посещал провинциальные общины, где знакомился со списками крещенных, венчавшихся или похороненных по православному обряду. Священник обходил дома христиан, всем старался помочь, произносил проповеди на «братских собраниях» (симбокукай). Вечерами программа дня заносилась для памяти в походную тетрадку. Государственный исторический архив (ЦГИА) хранит семь его тетрадей, исписанных полустенографическим почерком. Дневники эти привлекают внимание японских историков, в университете Хоккайдо (Славянский центр) ведется их расшифровка и публикация. Интерес японцев понятен, ведь о. Николай оставил бесценные свидетельства жизни прошлого века [249, с. 50—59]. Ниже приводится несколько фрагментов, запечатлевших рабочие будни миссионера в Хакодате, его поездки по Северо-Востоку (район Тохоку). Записи проливают свет на бедственное положение православных в провинциальных городках (Маэбаси, Татэбаяси и др.).

«1872 г. Хакодате. Беспрерывные труды по исправлению церкви, по работам с лексиконом, литографией, учениками русского языка и катехизуемыми!» Отмечено пребывание в городе Маэбаси, где находилась фабрика по обработке шелковичных коконов: «9 мая 1881 г., суббота, день святителя Николая. В Маэбаси. Утром — холодно, едва можно терпеть. Приготовившись к обедне, пошел гулять, обдумывая проповедь, и чуть не заблудился. Попавшая навстречу христианка вывела на дорогу к церковному дому. О. Павел сам напек просвир... Проповедь сказал по совету о. Павла больше к женщинам, так как много фабричных мастериц, — Пресвятую Богородицу представлял как высочайший обра-

зец для подражания ее чистоте, смирению и прочим добродетелям...»

Дневник запечатлел отдельные факты, на которых задержалось внимание: «Мариамна, начальница мастериц, из-за твердости в вере должна была оставить фабрику». В селении Татэбаяси (май 1881 г.) записан такой случай. Некий человек не знал, как расплатиться с долгами; ночью он «размозжил деревянным молотком головы жены и двух детей (ниже 10 лет), а потом себе разрезал горло, но, не умерши с первого раза, бросился в колодезь и там кончил».

«19 мая 1881 г., вторник, в Сендае... В 8 часов, при фонарях, грязные и иззябшие мы прибыли в Сэндай и остановились в гостинице. Христиане не были предупреждены, и потому не было встреч — и кстати: без помех погрелись и отдохнули. Первым делом было послать Романа купить по теплой шерстяной рубашке мне и ему, — стужа просто нестерпимая. За записыванием дневника скоро заснул... На другой день отправились в Церковь. Здание то же, что видел четыре года назад — старо и черно... Всех крещеных в Сэндайской церкви: 545. В год со времени прошлогоднего Собора крещено 45 чел. Брак в год был 1, умерло 9...».

«Пришли наконец в Сиракава, в дом сицудзи[15] Петра Накано — продавца иностранных часов. Христиан в Сиракава 47, задумывали построить молитвенный дом. Катехизатор здесь решительно необходим, чтобы церковь не останавливать в росте».

В путешествии по центральному острову Хонсю упоминаются такие места, как Томиока (текстильная фабрика), Никкава, Аннака...

В 1898 г. еп. Николай посетил небольшую христианскую общину на о-ве Шикотан. Этот отдаленный северный остров населяли айны, переселенные с Камчатского округа и говорившие по-русски. Про тамошних жителей о. Николай рассказывал: «...в радости и горе одного участвуют все; что приобрел на охоте или рыбной ловле один, то принадлежит всем; нет также между ними нечистых или нечестных поступков; не знают они лжи и обмана» [316, 1899, № 24, с. 221—222].

Православная миссия послала в айнские селения проповедников Тита Комацу и Алексея Савабэ (сын первого православного японца Павла Савабэ). Их доклад о бедствиях насильственно ассимилируемой японцами народности был напечатан в церковном вестнике «Сэйкё симпо». В пользу айнов провели сбор пожертвований и направили им в помощь постоянного священника (Сайто Ракуу).

Случались в среде российских служащих романтические истории.

Тринадцать лет служил в миссии Яков Дмитриевич Тихай (1840—1887) — брат о. Анатолия. Семья Тихай происходила из старинного городка Хотин в Бессарабии. Высшее образование Яков получил в Московской консерватории, где считался одним из лучших учеников выдающегося дирижера и педагога Н. Г. Рубинштейна. Якову предлагали остаться в консерватории для подготовки к профессорскому званию, но он предпочел уехать по зову брата в Японию. Свой музыкальный талант он вложил в создание первоклассного церковного хора.

Молодой и красивый Яков полюбил шестнадцатилетнюю О-рё из дома Ёкои. Властные родители противились их женитьбе, и лишь заступничество о. Николая помогло им сыграть свадьбу. По тем временам брак с иностранцем представлял собой настоящую сенсацию; газеты, особенно «Ёмиури симбун», не преминули осветить эту историю в подробностях.

От союза Якова и О-Рё (при крещении она получила имя Елены) родилось три сына и две дочери. Благополучие этого многочисленного семейства оборвалось из-за серьезной болезни его главы. Вынужденный срочно возвращаться на родину, Яков всех забрал с собой, но уже на другой год — сорока семи лет от роду — скончался. Вдова с детьми вернулась в Японию, в России остался лишь их старший сын Игнатий, впоследствии морской офицер [241, с. 187].

Вторая поездка о. Николая на родину, его свидание с Ф. М. Достоевским

Во второй раз о. Николай поехал в Санкт-Петербург через Америку. Весною 1880 г. торжественной церемонией в Александро-Невской лавре его возвели в сан епископа Ревельского. Речь его по этому случаю была напечатана в «Православном обзоре» (№ 4, 1880 г.). Почти до конца года он оставался в России, совершил паломничество по святым местам, посетил родную деревню. Предчувствуя, что видится в последний раз с отчизной, еп. Николай воспринимал все с особенной остротой. С большим чувством описано в дневнике богослужение в Исаакиевском соборе, на котором он присутствовал. Среди слушателей Петербургской Духовной академии он искал сподвижников, готовых поехать с ним на Дальний Восток, но молодежь не откликалась. «Боже,

что же это? — в отчаянии вопрошает еп. Николай.— Убила ли нас насмерть наша несчастная история? Или же наш характер на веки вечные такой неподвижный, вялый, апатичный, неспособный проникнуться духом Христовым?» [4, ф. 834, оп. 4, д. 1137].

В конце концов он нашел себе в помощь некоего о. Григория (Воронцова), но уже по дороге в Японию понял, как не повезло ему с этим сотрудником. «Что за бедный душою человек и как горько мне с ним!» — жалуется Николай. Через три месяца с о. Григорием пришлось-таки расстаться [4, ф. 834, оп. 4, д. 1137].

Вынашивая замысел строительства в Токио православного собора, еп. Николай получил на то некоторые средства от Синода, дополнительные же суммы собирал в обеих столицах у частных жертвователей.

В Москве состоялась встреча с Ф. М. Достоевским. Писатель впервые узнал о православии в Японии по журналу «Русский вестник», где печатался очерк «Япония с точки зрения христианской миссии». Загорелся желанием лично повидать подвижника, несущего православную веру в столь дальний угол земли. Находясь в ту пору в Москве, Достоевский сообщал жене в Петербург (28/29 мая 1880 г.) о своих планах: «...хотел бы тоже познакомиться с архиереями Николаем Японским и здешним викарием Алексеем [16] — очень любопытными людьми» [52, с. 158].

Через несколько дней Ф. М. Достоевский писал Анне Григорьевне о том, что встреча состоялась. «Вчера утром заехал к архиерею викарию Алексею и к Николаю (Японскому), очень приятно было с ними познакомиться. Сидел около часу, приехала какая-то графиня, и я ушел. Оба по душе со мной говорили. Изъяснялись, что я посещением сделал им большую честь и счастье. Сочинения мои читали...» [52, с. 165].

Беседа зафиксирована и в дневнике Николая (запись от 1 июня 1880 г., воскресенье). Выразительно обрисована нервная, болезненная внешность писателя, содержание разговора. Достоевский говорил о «нигилистах», утверждал, что они «уже истолковали экономическую область» и в будущем непременно придут к вере. Спрашивал, видоизменяется ли православие на японской почве. По оценке Накамура Кэнноскэ, профессора Славянского центра г. Саппоро, при чтении этих воспоминаний возникает ощутимый эффект присутствия, мы как будто видим напряженно-жесткое лицо Достоевского, «будто собственными ушами слышим его надтреснутый голос» [248, с. 1].

Второй раз еп. Николай видел Достоевского спустя неделю, когда 8 июня 1880 г. тот выступал на заседании Общества любителей российской словесности. В связи с юбилеем А. С. Пушкина более трех тысяч выдающихся деятелей культуры собрались тогда в зале московского Дворянского собрания. По общему мнению, это было незабываемое событие. Как отмечает очевидец, речь Достоевского прозвучала «гениально» [53, с. 442—469]. Глеб Успенский писал: «...всеобщее внимание было поражено и поглощено стройно выраженною мыслию о врожденной русскому человеку скорби о чужом горе» [54, с. 236].

Речь тем более запомнилась современникам, что явилась как бы его завещанием; через полгода писатель скончался.

Собор в Токио строился семь лет (1884—1891). Его воздвигли на холме Суругадай, где в средневековые (токугавские) времена стояла пожарная каланча. Белокаменное здание, увенчанное куполом, воспарило над приземистой в ту пору японской столицей. Его проект в русско-византийском стиле принадлежал зодчему М. А. Щурупову[17], интерьер декорировал художник Пошехонов, создавший золоченый трехъярусный иконостас. Строительные работы выполняла фирма Киёмидзу. Здание было рассчитано на полторы тысячи прихожан.

На церемонии освящения храма служили девятнадцать священников, хор составляли 150 певчих. Равного по масштабу и великолепию православного собора не существовало на всем Дальнем Востоке. О нем упоминают многие японские писатели начала века. Так, в повести Нацумэ Сосэки «Затем» («Сорэкара», 1909 г.) запечатлено происходившее в нем пасхальное шествие. «Дайскэ сообщил приятелю, что несколько дней назад во время пасхи ходил в церковь св. Николая смотреть службу. Служба началась ровно в двенадцать ночи, когда все вокруг уже спят. Обойдя вокруг длинной галереи, прихожане вернулись в главный храм, где к тому времени зажглось несколько тысяч свечей. В глубине шла целая процессия священников в ризах, и по стенам, строго выкрашенным в один цвет, двигались их огромные тени» [130, с. 199].

К открытию собора был приурочен визит в Японию наследника русского престола — будущего царя Николая II. Вместе с кузеном — греческим королевичем Георгием он сошел на берег в порту Кобе, однако до столицы не добрался. Вблизи Киото, в г. Оцу, на цесаревича было совершено

покушение. Террористом оказался полицейский Цуда Сандзо, состоявший в охране. Фанатичный противник сближения с иностранцами, он нанес цесаревичу удар по голове своим самурайским мечом. Тогдашний русский посланник Д. Е. Шевич писал: «Никогда не забуду зверского выражения лица, когда, скаля зубы (преступник был уже связан), он отвечал на мой вопрос, что он „самурай"» [311, 1891, № 8, с. 232].

Император Муцухито поспешил к высокому гостю с извинениями, на встрече августейших особ еп. Николай присутствовал как миротворец и переводчик. Рана оказалась незначительной. Отбыв немедленно во Владивосток, пострадавший смог принять там символическое участие в строительстве железной дороги — собственноручно отвез на дорожное полотно тачку с грунтом.

В. А. Гиляровский написал по случаю «инцидента в Оцу» (1891 г.) короткое шуточное стихотворение [28, с. 441]:

Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.

Государственный Эрмитаж хранит вещественное доказательство инцидента — металлическую каску с вмятиной от сабельного удара. Цуда Сандзо окончил свои дни в тюрьме.

Японцы, учившиеся в России

Православие начало укореняться в северных городах — Хакодате, Сэндай, Мориока, Такасимидзу. Постепенно оно распространилось и на более южные районы. В провинциях, где возникали общины, их храмы нуждались в священниках, в утвари, особенно в иконах. Везти все за тридевять земель из России было невозможно, вставала настоятельная необходимость создавать иконописную школу на месте. Но учиться мастерству иконописи нужно было в России.

Первой в далекий вояж отправили 23-летнюю девушку Ямасита Рин (1857—1939), ее сопровождал о. Анатолий.

Рин происходила из г. Касама (преф. Ибараки) из обедневшей самурайской семьи. С детства любившая рисовать, она шестнадцати лет ушла в Токио, где поступила в Училище ремесленной эстетики (Кобу бидзюцу гакко), там обучали художественному гравированию. Среди преподавателей училища были и приглашенные иностранцы — харак-

терная черта начальных лет Мэйдзи. Наставником Рин оказался итальянец Антонио Фонтанези, который сформировал в ней вкус к европейской живописи.

Когда Ямасита Рин приняла православие (1878 г.), ее нарекли Ириной. Община поручила начинающей художнице сделать эскиз обложки для журнала «Сэйкё симпо» (выходил с конца 1879 г.), тогда-то глава миссии и приметил ее одаренность.

Из Японии Рин отплыла 12 декабря 1880 г., в конце января прибыла в Одессу, откуда проследовала в Петербург. Ее определили в Воскресенский Новодевичий монастырь[18], при котором имелись золотошвейная и иконописная мастерские. Подробности ее пребывания в Петербурге запечатлены в дневнике, из него стало известно, сколь нелегко давалось ей строгое мастерство иконописи. Навыки, усвоенные в Токио, не соответствовали требованиям монастырской школы.

Будни Рин скрасило знакомство с богатейшими коллекциями Эрмитажа. Там она делала копии с картин, в основном с изображений мадонн в живописи итальянского Возрождения. Ревнители иконописного канона бранили ее за «католический» стиль письма, и суровая наставница — мать Евстолия наложила запрет на поездки в картинную галерею. Из полюбившихся русских художников Рин называла И. Н. Крамского — особенно ценила его картину на евангельский сюжет «Христос в пустыне», его портреты Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Рин проучилась в Петербурге два года, она трудно переносила сырой, холодный климат, часто болела. Неоценимую поддержку оказывал ей о. Анатолий, а также епископ Николай, следивший за ее успехами из Токио. В архиве художницы обнаружены его письма, нами они прочитаны по фотокопиям подлинников; их перевод на японский язык и комментарии к ним осуществлены в университете Хитоцубаси [245, с. 2—8]. Письма излучают сердечность, свидетельствуют о внимании главы миссии к каждому своему подопечному, о его личном участии во всех делах «братства» — больших и малых. Приводим два письма епископа Николая.

27 Генваря 1882 г.
Тоокёо. Суругадай.

Любезная Ирина Петровна, Божие благословение да будет над Вами!

Благодарю Вас за известия о себе. Очень рад Вашим успехам. Все здесь, слыша всегда доброе и приятное о Вас, радуются и благодарят Бога за Вас; все ждут от Вас со временем большой службы и пользы для церкви.

Из Сейкёо-симпо Вы отчасти знаете, что делается здесь. Все вообще по-старому; как прежде, церковь Божия не перестает понемногу расширяться; школы также идут.

На нашем Симпо, вероятно, Вам приятно встречаться каждый раз с Вашим старым знакомым и Вашим же произведением — заглавным рисунком; одна медная доска истерлась, недавно вырезали другую. Но хорошо было бы если не переменить, то улучшить рисунок. Не представляется ли Вам, что Ангел несет свиток — как будто в кладовую положить? Потому что виднеющиеся внизу здания, как Вы сами знаете, все похожи на несгораемые японские кладовые, а не на жилые здания. Лицо Ангела также нужно сделать красивое. Вообще сцену не мешало бы оживить, иначе все как будто совершается ночью, без всякого участия каких-нибудь других существ, кроме Ангела. Если бы Вы нашли возможным написать новый рисунок и приложить его в письме сюда, то мы были бы весьма благодарны Вам.

Постоянный спрос на картинки из Св[ященной] истории В[етхого] и Н[ового] завета заставил нас подумать об издании их здесь, так как из России присылают понемногу; теперь режут на меди, а скоро сделаем и выпуск новозаветный. Предлагаю образчик Вам взглянуть, здесь одна картинка прислана из России, другая — сделанная здесь; угадайте — которая русская и которая — японка. Делаем также опыт литографировать здесь иконы; Ваш бывший учитель пишет теперь на камне; очень желательно, чтобы удалось; иначе с иконами — вечные хлопоты, теперь опять здесь нет икон Спасителя и Божией Матери, а пришлют из России — на короткое время нужда удовлетворена, — там опять нет и т. д. То ли диво, когда здесь станем печатать! А вернетесь Вы, станем печатать и иконы святых; здесь вечный спрос на них, а их — нет, а из России-то немногих можно достать. Запасайте, пожалуйста, побольше образцовых рисунков разных святых. Да помогает Вам Бог!

Искренне расположенный к Вам
Епископ Николай.

Из последнего письма Вашего видно, что Вы хотите сделаться послушницей и надеть камилавку. О Вашей одежде там — не мне судить, а постригаться Вам рано, — это и после можно сделать, если желание не пройдет.

10 Октября 1882.
Тоокёо. Суругадай.

Милая наша Иконописица госпожа Ирина. Благодать Божия да будет с Вами во веки веков!

Весьма благодарен Вам за картинку для Сейкёо-Симпо. К Вам уже пошел один номер с ней; к сожалению, резчик не совсем хорошо вырезал на меди; простая случайность тому виной: главный мастер внезапно должен был отправиться к себе в деревню, а его первый ученик сделал вот так, как видите; Стефан Оно, редактор, рассердился, и 20 ен, по условию, не хочет платить, а ждет мастера, чтобы выбранить, мол — не удачно, не по условию.

Впрочем, нужно заметить, картинка — очень нелегкая для выполнения в резьбе; особенно трудна картинка, — трудна потому, что хлебы совсем не ясны, вероятно хлебы Вы хотели изобразить, — иначе нечего для соответствия с виноградом, но подите же, разберите их — хлебы, когда они пекутся в разных местах — разных форм; я сам едва догадался, что это хлебы. Мне кажется, всего лучше было бы изобразить их в виде просфир что ли, по крайней мере просфиры везде одни и те же, стало быть, всякий христианин тотчас поймет. Но вообще картинка всем нравится, и мы все Вам очень благодарны.

Все мы в большой надежде, что из Вас выйдет превосходная иконописица, которая не только сама будет славные иконы писать, но и многих научит тому же искусству, т. е. заведет здесь, вернувшись, иконописную мастерскую, соберет учеников и учениц и обеспечит Православную Японскую Церковь иконописью, так что не нужно будет в этом отношении помощи заграничной церкви, каковую помощь, по дальности расстояния, не легко получать. Укрепит Вас Господь на это важное дело! Вероятно — иногда скучаете Вы по родине, — дело естественное, — что же делать? Со всеми так бывает на чужой стороне, как бы добры ни были люди, среди которых живешь. Переносите с терпением скуку и тоску, ради той великой цели, к которой стремитесь — принести несомненную пользу отечественной церкви. У Вас теперь там есть земляк, Александр Иванович Мацуи, которому так-

же, конечно, грустно по родине. Пусть он иногда приходит к Вам, с позволения матушки игумении; говорите о родной земле и о родной церкви и утешайте друг друга, а еще через год и еще пришлем к Вам соотечественника, через год, даст Бог, и еще (в Дух. академию). Основывайте там маленькую японскую колонию и трудитесь на пользу родной страны и церкви. Только, ради Бога, не хворайте. Избави Бог, если тамошний климат не по Вас, если угрожает опасность для жизни от долгого пребывания на севере! Если бы, чего доброго, страдать так, то немедленно возвращайтесь на родину, чтобы не растратить окончательно здоровье. Но вероятно, Ваше иногда нездоровье — случайное, — не правда ли?
Дай Бог, чтобы так было!
Извещайте о себе почаще.

Да благословит Вас Бог!
Искренне расположенный к Вам
Епископ Николай.

Из России Рин уехала в марте 1883 г., по пути на родину посетила Германию и Францию. Вся ее последующая жизнь (она умерла в 83 года) полностью отдана работе. Семьи она не имела, жила и трудилась на территории миссии. Ее религиозная живопись отличалась яркостью. Писала она темперой, что обеспечило ее творениям хорошую сохранность. Их было много в Николаевском соборе, но во время Катоского землетрясения почти все погибло. До наших дней дошли лишь те иконы, что попали в периферийные города — Хакодате, Саппоро, Нэмуро, Кусиро, Ёккаити (преф. Тиба), Сиракава (преф. Фукусима) [260, с. 40—43].

На тридцать лет позже, чем Рин (в 1909—1913 гг.), в Петербурге осваивала иконописное ремесло еще одна японка — Мария Ои (Хидэко, род. в 1890 г.). В судьбе этой обаятельной девушки принимала горячее участие семья просвещенных купцов Елисеевых[19]. В отличие от Рин профессионалом Мария Ои не стала, посвятив себя мужу и детям. До наших дней дошла как будто бы единственная икона ее работы — в церкви Яманотэ (Токио).

Православные сюжеты в изобразительном искусстве воплощала еще одна японка — примерно в те же годы, что и Ямасита Рин. Окамура Масако (1858—1936) окончила семинарию на Суругадае. Вместе с мужем (Окамура Такэсиро) она открыла литографическую мастерскую, где изготовлялись иллюстрации к церковным изданиям,

Сколько учеников прошло через православные семинарии, точно установить трудно. Число поступавших колебалось в разные годы, и не все из них удерживались до конца обучения. Называют предположительную цифру порядка тысячи человек [240, с. 69—71]. Часть выпускников отправлялась продолжать образование в Россию — во все четыре духовные академии — в Петербург и Киев, Москву и Казань. Сведения о них сохранились отрывочные.

Четыре года (1883—1887) провел в Киевской духовной академии Мии Доро (Симеон, 1858—1939) родом из г. Мориока. Его дальнейшая деятельность полностью посвящена церкви. В частности, он совершал богослужения для русских военнопленных в Нагоя, Сидзуока, под Осака. Остались мемуарные книги: «Ретроспективные заметки» («Кайко дампэн») запечатлели жизнь Мии Доро с детства до возвращения из Киева (1858—1887), «Заметки о прошлом» («Одзи дампэн») отражают дела православной церкви с открытия собора в Токио до русско-японской войны (1891—1905), «Записки о посещении России» («Хоро кико») содержат воспоминания Мии Доро о его присутствии на Всероссийском церковном соборе (1917 г.). Наряду с автобиографическим материалом мемуары сообщают сведения о многих японцах и русских, причастных к миссии.

Три года учился в Петербурге Мацуи Тосиро (Александр, род. в Сэндай), в 1885 г. он безвременно скончался от тифа и был похоронен в Александро-Невской лавре.

Сергей Сёодзи окончил Токийскую семинарию в 1880 г. Посланный в Россию, он был усыновлен известным педагогом-просветителем, профессором ботаники Московского университета С. А. Рачинским (1833—1902). С предисловием Рачинского публиковались его мемуары «Как я стал христианином. I—VI. Рассказ японца С. Е. Сёодзи» [309, 1891, № 11]. Имение Рачинского Татево (Бельский уезд Смоленской губернии) находилось по соседству с селом Егорье-на-Березе, где родился епископ Николай. Возможно, именно в этой связи Рачинский опекал учившихся в России японцев. Некоторые из них отдыхали на каникулах в его усадьбе. В архиве Л. Н. Толстого сохранилось следующее его письмо от 22 августа 1884 г.: «Дорогой граф Лев Николаевич. Моя летняя семья разлетелась. Вчера оставил нас наш милый японец Ивасава[20]. Он прожил у нас целый месяц и стал совершенно членом нашей семьи. Его кроткая веселость, его детское добродушие всех нас к нему привязали. Притом он замечательно интеллигентен и сведущ, большой поклонник русской литературы, восхищается Пушкиным,

Аксаковым и Вами и занимался здесь переводами из „Войны и мира". Один отрывок он вздумал написать мне на память. Посылаю его Вам» [153, с. 238—239].

В духовных академиях России обучались: Пантелеймон Сато, Григорий Нагасака, Андрей Идзуми, Петр Исикамэ, Самуил Исихама, Матфей Кагэта. Несколько выпускников Токийской семинарии (Охара Косабуро, Накадзима Рокуро и др.) овладевали хоровым искусством в Петербургской консерватории. Всего в годы Мэйдзи только в духовных академиях насчитывалось 18 японцев. В дальнейшем командировочная практика почти сошла на нет. Так, за весь период Тайсё (1912—1925) зарегистрировано только три поездки [240].

Важное значение придавалось созданию квалифицированного церковного хора. «Идет японец в костел и кирку и слышит орган,— рассуждал еп. Николай,— кто уверит его, что он не в самом деле был на небе, что испытанное им там — простая игра нервов, приятно раздражаемых и отуманивающих святое и трезвое чувство. Приходит тот же японец к русскому богослужению и слышит какие-то странные, не мелодические звуки и голоса, что-то силящиеся выразить... Вообразите душевный процесс японца... Много значит хорошее мелодичное пение; как необходимо оно в церкви вообще и особенно там, где на внутреннее убеждение человека нужно действовать через его внешние чувства» [314, 1896, № 3, с. 454].

Первый хор образовался в Хакодате под началом псаломщика В. Сартова в 1873—1874 гг. После его кончины певчих обучал Яков Дмитриевич Тихай (брат о. Анатолия).

Двадцать пять лет преподавал клиросное пение Г. Львовский, с его приездом было налажено печатание нот и создано певческое училище. Знавшие Г. Львовского по Токио высоко отзывались о его даровании. «Один из наших талантливых русских знатоков музыки, большой певец и музыкант, к сожалению, неоцененный и непризнанный вниманием народа на подобающее ему место, влачащий жизнь в самой скромной неизвестности» [133, с. 2]. Клиросное пение приобщало японцев к русской духовной музыкальной культуре.

За два года до начала русско-японской войны из Восточной Сибири в миссию прислали двух подростков для изучения японского языка, это были Федор Легасов и Андрей Романовский (в дальнейшем они служили переводчиками в Хабаровске и Харбине). После них из России командирова-

ли еще нескольких молодых людей, миссия помогала подготовить из них переводчиков. Личным содействием архиепископа пользовались приезжавшие в Токио стажеры-японоведы — Д. М. Позднеев[21], Е. Г. Спальвин, В. М. Мендрин. Последний (из Владивостока) занялся переводом «Неофициальной истории Японии» Рай Санъё — сочинения, которое Николай сам изучал в подлиннике и посоветовал перевести на русский язык. Настоятель посольской церкви Петр Булгаков напечатал свою «Нравоучительную хрестоматию», предназначенную для японских начальных школ.

Деятельность главы миссии не ограничивалась церковными проблемами. Сохранились письма еп. Николая к ученому-ботанику К. И Максимовичу (1827—1891). Впервые попав в Японию на «Диане» с адмиралом Путятиным (1854 г.), Максимович в общей сложности провел там около трех лет (1859—1860). Собирать растения ему помогал подросток по имени Сугава Тёноскэ. Десятилетия спустя (в 1890 г.), будучи директором Петербургского ботанического сада, К. И. Максимович обратился в Токийскую православную миссию с просьбой договориться с Тёноскэ о возобновлении сбора растительных коллекций. Отвечая на это письмо, еп. Николай сообщал о договоренности с бывшим ассистентом Максимовича: «Высокоуважаемый Карл Иванович!.. Чоноскэ (Тёноскэ. — *Г. И.*)... просил меня передать Вам... что на будущее время он всегда Ваш усердный слуга и точный исполнитель всех Ваших инструкций и приказаний!» [3].

Осенью состоялась экспедиция по северо-востоку о-ва Хонсю — горам Ивадэсан, Гандзюсан, Сидзуку-яма. Собранные гербарии были доставлены на Суругадай в Токио для дальнейшей их переправки в Россию. «Не может быть, чтобы через Америку или Канаду, через купеческие конторы пути не существовало,— озабоченно писал еп. Николай.— Прошу Вас быть уверенным, что все, что может быть сделано, будет сделано» [3].

В следующем письме (от 4/16 декабря 1890 г.) сообщалось: «Ящик с 320 сортами семян, собранных Чёноске, и 6-ю связками растений от Макино[22] отправлены через Америку. Ни одна из здешних пароходных компаний не берет посылку прямо до Петербурга, берут только до Нью-Йорка или Лондона. Итак, пришлось прибегнуть к следующему способу. Через Канаду (Canadian Pacific S. S. C°) ныне самый скорый путь в Англию: посылка отсюда могла бы быть через 30 с небольшим дней в Ваших руках» [3].

Из Петербургского Ботанического сада в Токио отправили денежный чек на 300 долларов; еп. Николай в своих письмах скрупулезно отчитывался об оплате труда Тёноскэ и его помощника Сайто Мацутаро, о почтовых расходах. В предварительной обработке коллекции участвовали токийские ботаники Ятабэ и Мацумура, дававшие вновь собранным видам латинские названия.

Глава миссии принял горячее участие в судьбе 25-летнего в ту пору Макино Томитаро. Отзываясь о нем как о весьма любознательным и трудолюбивом юноше, еп. Николай писал Максимовичу: «Не позволите ли г-ну Макино приехать к Вам для усовершенствования в ботанических познаниях? На дорогу до Петербурга он деньги имеет...» И далее: «...не дадите ли ему какой-нибудь службы там по ботаническому саду... чтобы он мог там питаться и одеваться. Говорит, только чтобы не умереть с голоду... буду делать все, что прикажут, лишь бы провести два года или три около г. Максимовича и тамошних богатых коллекций; цель моя — изучить там, прежде всего, нашу же, японскую флору, ибо у нас свои коллекции очень недостаточны...» [3].

Был получен благоприятный ответ, и Макино собирался ехать в Петербург, но неожиданно пришло известие о кончине К. И. Максимовича.

Раскрывается, таким образом, еще один аспект многообразных трудов еп. Николая. Благим делом почиталось им укрепление человеческих контактов, тем паче во имя науки [23].

В дни войны

С началом войны в 1904 г. российские дипломаты и коммерсанты немедленно покинули пределы Японии. Положение миссии оказалось в высшей степени сложным. Подвергся разгрому православный храм в Йокогаме. Шовинистический союз Тайро-досикай (Антирусское товарищество) называл русскую церковь «гнездом шпионов». Собрание прихожан 7 февраля 1904 г. просило Владыку не уезжать. Чувство ответственности за судьбы вверившихся ему людей не отпускало еп. Николая, и, пренебрегая опасностью, он принял решение остаться.

Публичные богослужения были прекращены. Извещая об этом, еп. Николай заявил: «Ныне же, раз война объявлена между Японией и моею родиной, я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным

Отечеством. Я также имею обязательства к своей родине, и именно поэтому буду счастлив видеть, что вы исполняете долг в отношении к своей стране» [316, 1912, № 19, с. 786]. Потребовался незаурядный такт, чтобы в тех условиях выработать правильную нравственную позицию — не нарушить долга патриотизма по отношению к своей родине и одновременно не ставить под удар православных японцев (их число к тому времени достигло 28 тыс.).

Можно себе представить, что кровно привязанному к родине человеку душевно пришлось нелегко. Трудно было видеть вокруг ликование по поводу побед над «северным медведем». Еп. Николай старался меньше бывать за пределами миссии, погрузился в богослужебные тексты, которые переводил на японский язык с помощью верного Павла Накаи. В те тяжкие дни с ним оставалось лишь двое соотечественников: Сергей Глебов — бывший настоятель посольской церкви (автор «Грамматики русского языка») и дьякон Львовский.

Миссию поставили под военную охрану, в особо напряженные дни на ее территории дежурило до роты солдат. Специальным циркуляром министра внутренних дел население предостерегалось от «прискорбных инцидентов». Собор и все прилегающие к нему учреждения удалось сохранить. Со свойственной ему мудростью еп. Николай в ту пору однажды сказал, что в своих учениках он видит залог будущего примирения России и Японии.

По мере того как военное счастье все очевиднее склонялось на сторону Японии, накал страстей остывал. Война носила несправедливый характер с обеих сторон, оба правительства преследовали захватнические цели. Материально-техническое оснащение русской армии и флота оказалось слабым, высшее командование проявляло беспомощность. Военно-морская эскадра, призванная поправить дело, в мае 1905 г. подверглась разгрому в Цусимском проливе. За одни сутки было потоплено 22 боевых корабля, погибло более пяти тысяч русских моряков.

Тысячи солдат и матросов оказались в плену. По сведениям на февраль 1906 г., в г. Мацуяма было расквартировано 2329 русских военнопленных, в Нагоя — 1023, в Хиросима — 3000, в Фукудзияма — 906, Ниносима — 2630, Осака — 17 597, Химэдзи — 2194 (моряки), Маругама — 350, Сидзуока — 60 солдат и 60 офицеров, Дайри (Модзи) — 1000, Фукуока — 1000 [93, с. 106].

Оторванность от родины, изоляция угнетали людей. До дыр зачитывались случайно сохранившиеся на руках старые

газеты. «Мы были лишены духовной пищи и, как тени, слонялись из угла в угол», — вспоминал по возвращении на родину один из младших офицеров [178, с. 22].

С появлением в Японии военнопленных все силы миссии обратились на помощь соотечественникам. Соболезнуя их участи, еп. Николай писал: «...многие из них несут крест страдания от ран, а все сообща несут крест скорбей, несравненно более тяжелый, чем несем мы с вами, скорбя за отечество» [155, с. 68].

Семнадцать священников и шестеро дьяконов, владевшие русским языком, составили так называемое Общество утешения верующих. Они отправились по рассредоточенным по всей стране «приютам» пленных, снабжали их религиозными и светскими книгами, составили для них русско-японский разговорник. Болью пронизано письмо еп. Николая в Россию с призывом к благотворительным пожертвованиям. «Серебряный крестик с прочным шелковым шнурком стоит здесь 15 копеек. У миссии решительно нет средств на такой расход, чтобы благословить всех военнопленных... Помогите, добрые соотчичи, сделать это!» (см. [155, с. 66]). Еп. Николай обращается в Россию с мольбами о сборе денег и книг. «Из военнопленных, находящихся ныне в Японии, многие не грамотны, — им нужны первоначальные книжки для обучения чтению и письменные принадлежности для обучения письму, потом грамматики и хрестоматии, всем же прочим, как офицерам, так и грамотным нижним чинам, нужны книги для чтения. Из книг прежде всего нужны религиозные: Св. Писание, творения или извлечения из творений св. отцов, священная история, жития святых, объяснения богослужения и разные другие вероучительные и нравоучительные сочинения. Затем книги серьезно научные для г.г. офицеров: учебники по всеобщей и русской истории, географии, математике, физике и прочим наукам как для школ, заведенных офицерами в разных колониях (т. е. лагерях военнопленных. — *Г. И.*), так и для чтения грамотным нижним, и, наконец, беллетристические произведения и периодические издания, особенно иллюстрированные. Обращаюсь с усерднейшей просьбой ко всем, имеющим возможность жертвовать, не поскупиться для пожертвования книгами для облегчения участи пленников, скучающих и тоскующих как от своего тяжелого положения, так и от неимения, чем занять душу и наполнить время» [316, Прибавление, 1905, № 20, с. 836].

Несмотря на крайнюю бедность, миссия делала максимум возможного, и пленные высоко ценили ее заботы. За

эти выдающиеся труды после войны Синод возвел Николая в сан архиепископа с присвоением ему титула Японский [316, 1905, № 42, с. 471].

Неожиданную роль сыграл еженедельник «Япония и Россия» — печатный орган семинарии г. Кобе. Его сумел использовать народник Н. К. Судзиловский-Руссель (1850—1930), приехавший в Японию с целью помощи военнопленным. Разворачивая в лагерях просветительную работу, он обратил внимание на русскоязычный журнал. Это «пахнущее ладаном издание» он сумел превратить в революционное. Напечатал на его страницах обращение «К офицерам русской армии» — прямой призыв к свержению царского самодержавия, опубликовал 16 статей, в которых разворачивал перед пленными программу борьбы за социальное освобождение.

В «Японии и России» сотрудничал баталер А. Новиков (1877—1944), будущий известный писатель Новиков-Прибой, — участник Цусимского сражения, отбывавший плен на о-ве Кюсю. Он давал правдивое освещение Цусимского разгрома (заметка «Подвиги русской мафии». — «Япония и Россия», № 14), за что «бдительные патриоты» в лагере готовили над ним расправу.

Японские власти поначалу смотрели сквозь пальцы на пропаганду среди пленных, не усматривая себе вреда в агитации против царизма. Они спохватились лишь после того, как уловили контакты русских со «своими» бунтовщиками. Отношение российских офицеров к революционной агитации было, естественно, разным — в зависимости от политических взглядов. Что касается самого вице-адмирала З. П. Рожественского, интернированного после Цусимы в г. Киото, то он грозил инженеру В. П. Костенко «засадить его в крепость» за общение с Н. К. Судзиловским-Русселем.

Так православное издание «Япония и Россия» косвенно содействовало подъему свободомыслия среди военнопленных. «Из 70 000 пленных по крайней мере 50 000 возвратились с новыми понятиями о правительстве и более ясным представлением о причинах войны», — писал Судзиловский-Руссель в послесловии к статье Джорджа Кенана «Как велось просвещение русских солдат в Японии» [302, 1927, № 2].

На о-вах Кюсю и Сикоку, на Хонсю (в районе Кобе, Осака, Киото) остались могилы русских воинов. Миссия собирала пожертвования и устанавливала памятники. В г. Ма-

цуяма, где погребено 97 человек, а также в г. Осака на кладбище 89-ти порт-артурских солдат были воздвигнуты часовни.

Российская Национальная библиотека (С.-Петербург) хранит альбом «Храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Осака» (Токио, 1911). В предисловии говорится: «...храм... воздвигнут для молитвы о спасении погребенных близ Оса́ка русских воинов, но также и для явления славы Божией среди языческого народа». Содержится план церкви, ее фотографии снаружи и изнутри. Снята панорама на церковное здание из-за реки Ёдо-гава, кладбище военнопленных в пригороде Хамадэра. На альбоме осталась дарственная надпись: «Достолюбезнейшей Марии Григорьевне На́заровой с благословением и всеми лучшими пожеланиями архиепископа Николая. 19 января 1911 г. Токио, Суругадай».

О памятнике русским воинам в Нагасаки сообщал Д. М. Позднеев в газете «Россия» (1909 г.). В Порт-Артуре японцы установили монументальный обелиск в честь Р. И. Кондратенко (1857—1904) — начальника обороны сухопутного фронта крепости, убитого снарядом на форту № 2. Противники отдали тем самым дань уважения не только личности достойного генерала, но и всем мужественным защитникам города.

В Петербурге жертвам Цусимской битвы был посвящен памятный храм — Спас-на-Водах, построенный в 1911 г., средства на строительство собирал сенатор П. Н. Огарев. Проект принадлежал архитектору М. М. Перетятковичу. Храм воздвигли недалеко от стапелей Нового Адмиралтейства (ныне это территория Петербургского Адмиралтейского объединения). В 1932 г. он был разрушен. А. А. Игнатьев, племянник Н. П. Огарева, в своей книге «Пятьдесят лет в строю» упоминает: «Все внутренние стены храма были покрыты досками с именами павших в бою офицеров и матросов» [60, с. 345].

Сохранился мемориал эсминцу «Стерегущий» на Каменноостровском проспекте; его экипаж, не желая сдаваться врагу, открывает навстречу своей гибели корабельные кингстоны.

Кстати, похожий случай самозатопления, хотя и при других обстоятельствах, произошел тогда же на японской стороне фронта. Капитан Хиросэ Такэо (1868—1905) пошел ко дну вместе со своей канонеркой в гавани Порт-Артура, чтобы блокировать выход русской эскадре. Официальная пресса использовала этот повод для прославления японского духа, Хиросэ Такэо был объявлен «богом войны», ему по-

ставили памятник (в токийском районе Канда). Между тем Хиросэ представлял собою далеко не однозначную фигуру. Еще в 1897 г. он был аккредитован в Петербурге в качестве военно-морского атташе. Очаровался Северной Пальмирой и своей учительницей русского языка Ариадной Сперанской — воспитанницей Смольного института (см. [266]). Противоречия между любовью и патриотическим долгом раздирали его душу.

Передовые русские люди считали войну с Японией бессмысленной. Достаточно привести характерный пример. Царское правительство предложило некоторым политическим ссыльным «загладить свою вину» вступлением в действующую армию. Один из ссыльных в Архангельске, доктор С. В. Мартынов, ответил на это категорическим отказом: «Я считал бы для себя возможным трудиться только в направлении преобразований народной жизни, на что готов отдать в распоряжение правительства свои силы и знания. Всякого же рода деятельность, клонящуюся к расширению территории или к сохранению ненужных для России областей, я считаю несоответствующей жизненным интересам страны и никакого участия в ней принять не нахожу возможным. Полагал бы, что ни международным положением государства, ни потребностью обеспечить свои границы, ни интересами торговли не может быть оправдана русско-японская война» [298, № 4, с. 276].

Небезынтересно узнать, что по другую сторону фронта трезвые люди вопреки официальной политике мыслили аналогичным образом: они были уверены в никчемности войны, показывали чудовищную безнравственность этого кровопролития. Ставший позднее популярным писателем Накадзато Кайдзан (1885—1944) опубликовал эпитафию «На смерть Верещагина»[24] (газета «Хэймин симбун», май 1904 г.), там говорилось: «Как возликовали шовинисты обеих стран, узнав, что капитан Хиросэ погиб на поле брани, а морская пучина поглотила адмирала Макарова! Но мы, пацифисты, с глубочайшей скорбью оплакиваем смерть миролюбивого художника Верещагина. Так же, как и Толстой, который ведет пропаганду мира силой слова, наш Верещагин кистью старался показать людям, что война — самая ужасная, самая нелепая вещь на свете» (цит. по [307, с. 130]).

Протест против войны с Россией выразили также социалисты, группировавшиеся вокруг газеты «Хэймин симбун» и ее лидера Котоку Сюсуй (1870—1911). В разгар войны руководство «Хэймин симбун» установило контакты с российскими социал-демократами. В адрес газеты «Искра» бы-

ло направлено письмо с призывом к единству действий, в котором говорилось, что от войны в равной степени страдают оба народа и что заботой здравомыслящих людей обеих стран должна быть не победа или поражение, а скорейшее восстановление мира.

В те дни в лондонской «Таймс» появился гневный памфлет Л. Н. Толстого «Одумайтесь» — великий писатель взывал к благоразумию, призывал остановить кровавую бойню. Котоку Сюсуй и его ближайший сподвижник Сакаи Тосихико немедленно сделали его перевод на японский язык и, пренебрегая непредсказуемыми в той обстановке для себя последствиями, опубликовали.

Газета «Хэймин симбун» занимала последовательную интернационалистскую позицию. Общеизвестен факт демонстративного рукопожатия на трибуне Амстердамского конгресса II Интернационала (1904 г.): Катаяма Сэн и Г. В. Плеханов приветствовали друг друга в знак солидарности пролетариата воюющих стран.

Контакты с русскими (а также с китайскими и американскими) единомышленниками — серьезная заслуга Движения простого народа (Хэймин ундо), органом которого являлась газета «Хэймин симбун».

Вскоре после войны Н. К. Судзиловский-Руссель основал в Нагасаки русскую газету «Воля» (с апреля 1906 г., всего вышло 99 номеров), японские прогрессивные жуналисты приняли в ней участие. Связь между их штабом в Токио и о-вом Кюсю осуществлялась через сотрудников газеты «Нагасаки симпо» («Нагасакские новости») Хосои Хадзимэ и Куцуми Кагэ (последний был дружен с Котоку Сюсуй по прошлой совместной работе в токийской газете «Ёродзу тёхо»). В число издателей «Воли» входили Г. А. Гершуни (1870—1908), попавший в Японию после побега из Акатуйской ссылки; Л. А. Волкенштейн, приехавшая с Сахалина, куда она была сослана за покушение на царя (вместе с В. Фигнер и М. Тригони); Б. Д. Оржих — бывший узник Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Эти люди объединились на платформе критики самодержавия. «Волю» распространяли среди русских военнопленных, нелегально проносили на суда («Якут», «Камчадал»), которые по пути с океанских просторов на родину заходили в Нагасакский порт.

Консул Поляновский[25] доносил в Петербург, что «листок сеет смуту» среди репатриируемых солдат и матросов, которые по прибытии домой могут стать «взрывчатым материалом».

С японской стороны сотрудниками «Воли» стали Фтабатэй Симэй[26], его товарищ Ёкояма Гэнноскэ[27], Оба Како, служивший переводчиком в лагерях военнопленных, а затем вместе с русскими репатриантами уехавший во Владивосток [214, с. 109].

Так в сопротивлении деспотизму и его преступной милитаристской политике смыкались устремления здравомыслящих людей России и Японии.

Кониси Масутаро, Сэнума Какутаро, Сэнума Каё, Нобори Сёму и другие

Японский историк Ивама Сэйко приводит имена выпускников семинарии, в разные годы преуспевших на службе. Абэ Хироси был губернатором Токио, Андо Кэнскэ — мэром Йокогамы, Като Мацуо дослужился до ранга министра, Омаэ Тайдзо являлся советником японской миссии в Петербурге, Сато Сёскэ — президентом университета Хоккайдо, Судзуки Отохэй заведовал русским отделением в Токийской школе иностранных языков, Каваками Тосихико — видный дипломат и бизнесмен [223, с. 106]. Нам представляется более примечательным другое: православные школы вырастили не одно поколение глубоких знатоков России, ее языка и культуры.

Кониси Масутаро (1862—1940) по окончании семинарии в Токио девять лет провел в России, где его величали Даниилом Петровичем. Духовная Академия в Киеве, три года в Московском университете (занятия психологией у профессора Л. М. Лопатина) довершили его блестящее образование. Ученый-психолог Н. Я. Грот представил его Л. Н. Толстому (1892 г.), после чего Кониси не раз бывал в Ясной Поляне, консультировал ее хозяина, интересовавшегося философией древнего Китая. Остались воспоминания Кониси: «Учитель Толстой в изображении вашего покорного слуги» (1912 г.), «Первое посещение учителя Толстого» (1913 г.), «Трехчасовое путешествие в поезде с учителем Толстым» (1913 г.), «Облик старца, перед которым я преклоняюсь». Им был написан очерк «Толстой — сын России».

Будучи в Москве, Кониси Масутаро печатался в основанном Н. Я. Гротом журнале «Вопросы философии и психологии». В январском номере за 1893 г. находим публикацию его перевода из Конфуция — «Великая наука». Редакционное примечание поясняет: «...перевод сделан с китайского подлинника (в обработке комментатора Сю-Ки)

кандидатом Киевской духовной академии и членом Московского Психологического Общества японцем Д. П. Конисси...»

В другом номере того же журнала (март 1893 г., с. 25—45) печатался трактат Кониси Масутаро «Философия Лаоси»[28]. В ней Кониси отвергает «зависимость учения Лаоси от буддийской философии» и полемизирует с китаеведом В. П. Васильевым, писавшим об этом предмете.

В журнале «Русский паломник» печаталась автобиография Кониси; он рассказывал о детстве, прошедшем в г. Ямагути, о поступлении в православную семинарию.

Кониси Масутаро привез в Японию собрание сочинений Л. Н. Толстого. Им переведены «Крейцерова соната» (в содружестве с известным писателем Одзаки Коё[29]), рассказ «Два старика», повесть «Детство». В обстановке происходивших в Японии поисков новой морали «Крейцерова соната» вызвала особенно большой резонанс. По возвращении в Токио Кониси преподавал в семинарии философию и богословие.

Выпускник семинарии Сэнума Какутаро (Иван Акимович) в тридцатилетнем возрасте был назначен ее ректором. Как и Кониси Масутаро, он был страстным поклонником Толстого, причем не только его религиозно-нравственного учения, но и художественного творчества. В 1902 г. он послал в Ясную Поляну письмо, где сообщал о намерении перевести «Анну Каренину» и почтительно задавал автору связанные с текстом романа вопросы. Это первое и последующие письма Сэнума Какутаро сохранились в архиве Л. Н. Толстого (цит. по [199, с. 114]):

Ваше Высокопревосходительство Высокопочитаемейший Граф! Простите, что я, человек Вам совершенно неведомый, решаюсь беспокоить Вас следующими покорнейшими просьбами — не отказать дать мне милостивое разрешение перевести на японский язык Ваш бессмертный роман «Анна Каренина», распространяющий свою славу и в далекой от своей родины нашей Японии, а также осчастливить меня Вашею собственноручной записочкою хоть бы в двух строках для приложения к будущему изданию этого перевода.

Как Вам, может быть, известно, уже Д. П. Кониси, мой товарищ по Киевской Духовной Академии, удостоившийся побывать у Вас, по возвращении из России явился здесь проповедником Вашего имени. И ныне у нас в Японии толь-

ко и знают Вас из русских писателей. Имена остальных великих писателей вроде Гоголя, Тургенева, Достоевского, а в самое последнее время — Горького известны лишь самому ограниченному кругу посвященных во всемирную литературу. Поэтому хоть какой перевод, если он носит Ваше имя, везде нарасхват берут в печать. А мало-мальски знающие русский язык — хотя их у нас еще немного — дерзают браться за перевод Ваших произведений. И в результате выходит то, что все, какие и есть, переводы этого рода, по правде сказать, отличаются недоброкачественностью, неточностью, отсутствием изящества в языке и подчас даже крайнею неверностью с подлинником. Например, у нас уже переведены следующие Ваши произведения: половина «Войны и мира», «Крейцерова соната», «Хозяин и работник», «Ходите в свете, пока есть свет», «Два старика», «Севастопольская оборона» («Севастопольские рассказы». — *Г. И.*), некоторые части из «Детства, отрочества и юности» и, может быть, еще другие. Но, к сожалению, почти все они переведены на скорую руку и большею частью с английского перевода, что много портит точность перевода.

Вот ввиду всего этого я возымел смелость взяться за перевод с подлинников Ваших сочинений, а прежде всего — «Анны Карениной», которая слывет у нас лишь по одному заглавию, а самое содержание редко кто знает. Возымел я такую смелость именно потому, что я имею достойнейшего сотрудника по внешней отделке перевода в лице корифея нашего литературного мира Коёо Озаки (Одзаки Коё.— *Г. И.*), многочисленные романы которого пользуются у нас наибольшею славой. Он шлет Вам вложенный здесь портрет в знак своего глубочайшего уважения к Вам. Что же касается моего знания русского языка, то хотя я и теоретически изучал его семь лет в здешней Семинарии, а практически пять лет в России, да преподаю его здесь шестой год, но все еще боюсь сделать какие-нибудь ошибки в переводе. Поэтому я не тороплюсь с изданием, а намерен не щадить ни времени, ни сил, чтобы выпустить возможно верный перевод. Как только выйдет из печати наш труд, мы вместе с сотрудником будем счастливы прислать Вам экземпляр оного.

Наконец, не можем ли мы утруждать Ваше Высокопревосходительство еще одною, не менее дерзкою, просьбой дать нам Вашу фотографическую карточку новейшего сним ка с Вашею собственноручною подписью? Она вместе с Вашею собственноручною записочкою составит драгоценное украшение для будущего нашего издания.

Прося великодушного извинения Вашего за всю дерзость мою, имею честь быть с чувством глубочайшего уважения к Вам

Вашего Высокопревосходительства
Высокопочитаемейшего Графа
покорнейший слуга
Иван Акимович Сенума
13 апреля 1902 года
Токио.

Ответное письмо по поручению Л. Н. Толстого было написано его помощником Н. Н. Ге. Переписка между Токио и Ясной Поляной продолжалась, Сэнума обращался к Толстому с различными вопросами. Просил разъяснить связь между толстовским учением и христианством, спрашивал, за что писатель был отлучен от церкви. Уточнял: являлась ли Анна Каренина старшей или младшей сестрой Стивы Облонского? Дело в том, что в японском языке эти термины родства обозначаются разнокоренными словами и, кроме того, в диалогах между персонажами необходимы знаки почтительности к старшим (что выражается в выборе лексики и грамматических форм).

В январе 1903 г. Сэнума поздравил Толстого с пятидесятилетием творческой деятельности и сообщил, что перевод «Анны Карениной» уже печатается по частям в журнале «Бунсо» («Литературная роща»). Он просил автора написать несколько строк для отдельного издания перевода, чтобы использовать их в качестве предисловия, и выслать фотографию, которую можно было бы напечатать в книге. Ответ Л. Толстого гласил [199, с. 312]:

Милостивый государь Иван Сенума!

Желаю успеха Вашему переводу «Анны Карениной», но боюсь, что роман этот покажется скучным японской публике, вследствие тех больших недостатков, которыми он переполнен и которые я ясно вижу теперь.

Исполняю Ваше желание, прилагаю мою фотографическую карточку и остаюсь готовый к услугам

Лев Толстой.
7 марта 1903. Ясная Поляна.

Что касается перевода «Анны Карениной», то в начале 90-х годов на японском языке вышла лишь первая часть. Дальнейшая работа застопорилась, так как не стало Одзаки Коё, который помогал Сэнума в качестве стилистическо-

го редактора. Позднее роман вновь переводился другими людьми и издавался неоднократно.

Женою Ивана Акимовича Сэнума была Сэнума Каё (1875—1915) — выпускница, а затем учительница женской православной семинарии на Суругадае (в девичестве Ямада Икуко, она приобрела известность под фамилией мужа и псевдонимом Каё «Летний лист», который взяла себе по созвучию с литературным именем почитаемого учителя Одзаки Коё — «Багряный лист». В России ее называли Анной Лукиничной). Еще в годы ученичества она активно сотрудничала в семинарском журнале «Уранисики». Реферат об «Илиаде» («Уранисики», 1800, № 2) назывался «Читая сказание о Троянской войне»; судя по характеру транскрипции греческих имен, с гомеровским эпосом она познакомилась по его русскому переводу. На протяжении нескольких номеров «Уранисики» печатался ее роман «Сироты» («Минасиго»), действие которого происходило в Петербурге; в качестве персонажей выступали трудолюбивые и набожные сестры — Катя и Ольга.

Всеми помыслами обращенная к России, Каё в 1909 г. сумела побывать во Владивостоке. Газета «Ёмиури симбун» печатала ее путевые заметки, где описаны владивостокские улицы, типы женщин, отмечено большое различие в облике представительниц разных сословий.

Два года спустя (1911 г.) Каё отправилась в Петербург. С грудным ребенком она проследовала через всю Сибирь, дорога длилась полмесяца. Самостоятельно путешествующая японка в начале века представляла большую редкость; неудивительно, что ее красочное кимоно и особенно привязанный за спиной младенец привлекали всеобщее внимание.

Полгода, начиная с мая, прожила она в русской столице. Писала заметки для «Ёмиури симбун» — о посещении Эрмитажа, о поездке на Карельский перешеек к Л. Андрееву (благодаря переводам Фтабатэя, Мори Огай и Нобори Сёму этот писатель уже успел приобрести популярность в Японии). Преподавала разговорный японский язык; не исключено, что в число ее учеников попали будущие выдающиеся японоведы Н. А. Невский и Н. И. Конрад — в ту пору студенты. Какое-то время Каё служила продавщицей в магазине Панова на Невском проспекте (кажется, эта лавочка специализировалась на восточных товарах).

На сохранившихся фотографиях Каё выглядит миловидной и хрупкой. Как жена ректора семинарии, она исполняла многообразные обязанности «маленькой хозяйки большого

дома». Принимала многочисленных гостей и — шутка сказать! — растила семерых детей. Тем более удивительно, что у нее оставалась энергия для переводческой деятельности, причем весьма и весьма продуктивной.

Переводила она многих авторов: Тургенева («Стихотворения в прозе»), Л. Толстого (фрагменты «Анны Карениной»), Достоевского (адаптированная ею повесть «Бедные люди» вышла под заглавием «Записки Варвары», 1904 г.), И. Н. Потапенко, А. И. Куприна («На трамвае», 1911 г.), М. Горького («Крымские рассказы», 1911 г.). Из творчества забытого ныне писателя Сеславина представила (1906 г.) рассказ «Новая надежда». В 1909 г. перевела новеллу Мопассана «В Альпах» (по всей видимости — с русского текста).

Но главной любовью Каё является А. П. Чехов, очаровавший ее мягким юмором, соединенным с проникновением в драматичность человеческой жизни. Собрание сочинений Чехова имелось в библиотеке православной миссии (приложение к журналу «Нива», 1903 г.), Каё перевела из него ряд рассказов и три пьесы: «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Иванов»[30]. Ею был составлен сборник «Шедевры великого русского писателя Чехова» («Рококу бунго Чехов кэссакусю», 1908 г.), предисловие к которому написал Р. Кебер[31]. Известны ее статьи: «Проза Чехова и российская философия жизни», «Рассказы и пьесы Чехова». Репутация ученицы высокочтимого в литературных кругах начала века Одзаки Коё помогла Каё печататься на страницах лучших журналов того времени — «Синсёсэцу» («Новая проза»), «Бунгэй курабу» («Клуб изящной литературы»), «Бунгэйкай» («Мир изящной литературы»).

Чехова переводили в дальнейшем и другие русисты — Нобори Сёму, Ёнэкава Масао. «Но именно Сэнума Каё принадлежит историческая заслуга — дать японской литературе Чехова в тот момент, когда это было для нее особенно нужно» [81, с. 454]. Что касается «момента», на который указывает Н. И. Конрад, то имеется в виду обновление японской литературы и театра, происходившее в 1900-е годы. Наряду с другими русскими классиками Чехов предстал тогда как образец гуманизма, нравственных и художественных поисков. О том, что Сэнума Каё явилась не только первым, но и лучшим интерпретатором Чехова, свидетельствует и японский ученый Накамура Ёсикадзу, посвятивший деятельности переводчицы обстоятельное исследование [246, с. 1—78].

Знаменательно, что православное воспитание и окруже-

ние не помешали Сэнума Каё примкнуть к радикальному феминистическому кружку Сэйто (Синий чулок), возникшему в Токио (1911—1916 гг.). Участницы кружка (Хирацука Райтё, Ито Ноэ, Ёсано Акико и др.) боролись за женскую независимость, отстаивали право на «свободную любовь» и пр. В журнале «Сэйто», который они издавали, Сэнума Каё напечатала перевод рассказа Будищева «Бора»[32].

Патриарх современной русистики Нобори Сёму (1878—1958) также воспитанник православной семинарии (окончил в 1903 г.). Уже в 1904 г. он опубликовал книгу о Н. В. Гоголе, а в целом итогом его восьмидесятилетней жизни явились переводы и исследования русской литературы, которые составили более сотни томов. В число авторов, которых он переводил, входили Достоевский («Униженные и оскорбленные», 1914 г.), Горький («На дне», 1910 г.; «Бывшие люди», 1916 г.), Куприн («Поединок», 1912 г.), Короленко («В дурном обществе», 1914 г.), Л. Андреев («Дни нашей жизни», 1916 г.). Особенно много он занимался Л. Толстым: «Войну и мир» он издал на японском языке в 1916 г., фрагменты «Дневника» — в 1919 г., рассказ «Чем люди живы» — в 1921 г., пьесы «Власть тьмы» и «Живой труп» — в 1927 г., роман «Воскресение» — в 1927 г. Нобори Сёму является автором книг «Великий Толстой» (1911 г.), «Двадцать лекций о Толстом» (1917 г.), очерка «О Толстом» (1931 г.), он перевел сочинение Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский». Титанический труд Нобори Сёму упрочил место русской литературы в духовной жизни японцев [81, с. 476—493].

За выдающиеся заслуги в изучении творчества Л. Толстого в 1928 г. его пригласили в Москву на празднование столетия со дня рождения великого писателя. Во Всесоюзном обществе культурных связей (ВОКС) он прочел лекцию «Влияние Толстого в Японии».

Нобори Сёму переводил не только классиков, но и таких писателей, как Аверченко, Арцыбашев, Афанасьев, Азов (Ашкенази), Бальмонт, Билль-Белоцерковский, Сологуб, Тэффи... Он преподавал во многих учебных заведениях — в Духовной семинарии, Военной академии, университете Васэда. Им составлены многочисленные учебные пособия: «Новый самоучитель русского языка» («Синросияго дзисю кодза», 1932 г.) в пяти томах; «Введение в русский язык» («Росияго нюмон», 1934 г.) и др.

Уроженец крохотного островка на крайнем юге Японии (между о-вом Кюсю и архипелагом Рюкю), Нобори Сёму стал признанным корифеем в изучении «северного соседа».

Значителен его труд «Русская литература и Япония» («Росия бунгаку то Нихон бунгаку», 1953 г.), где рассматривается влияние русских авторов на крупнейших японских писателей нового времени — Утида Роан, Одзаки Коё, Уэда Бин, Токутоми Рока, Таяма Катай, Мори Огай. За год до смерти им был завершен капитальный труд «История русской и советской литературы» («Росия то совэтто бунгаку си», 1957 г.).

Миссионерская деятельность архиепископа Николая была поистине выдающейся. Если до 1872 г. число обращенных насчитывалось единицами, то уже в 1880-е годы произошел большой скачок. Дальнейшую динамику роста сообщал журнал «Церковные ведомости», издаваемый при Синоде: 1890 г.— 18 635 православных, 1900 г.— 25 994, 1910 г.— 31 538. Согласно последнему отчету архиепископа («Из донесения начальника Русской духовной миссии о состоянии православной церкви в Японии за 1911 год»), на 1 января 1912 г. насчитывалось 33 017 православных христиан, 266 церковных общин, 43 священнослужителя (в том числе архиепископ и епископ, оба русские); имелось 116 проповедников (катехизаторов), 14 учителей церковного пения и причетников [316, 1912, № 12] [33].

Если при первом своем появлении в Хакодате о. Николай столкнулся с фанатической неприязнью по отношению к русским, то в результате его полувековой деятельности в Японии появилось более 30 тыс. последователей православия, т. е. людей, так или иначе обращенных душою к России, людей, причастных к русской культуре. Оценивая подобный итог, нельзя не согласиться с Д. М. Позднеевым, который назвал Николая, архиепископа Японского, величайшей фигурой в миссионерской истории Японии [316, 1912, № 12].

Миссия испытывала постоянную ограниченность в средствах. Тем не менее удалось построить несколько культовых зданий, из которых по крайней мере три представляли собой достойные образцы русского зодчества. Таковы были храм Христа Спасителя в Хакодате, собор Воскресения в Токио, церковь Богородицы в Киото. Существовал еще небольшой храм в горах около Одавара (в 100 км от Токио); эту семиглавую церковь, посвященную св. Антонию Римлянину, освятили в 1883 г.; иконы для нее пожертвовала петербургская игуменья Евстолия. В Токийском соборе амвон был устроен по образцу таковою в московском храме Хри-

ста Спасителя (стоявшем тогда в центре столицы на месте нынешнего котлована-бассейна). Знакомство с иконами приобщало японцев к совершенно новому для них направлению в живописи. Богатая библиотека, издание художественных переводов способствовали тому, что русская литература завоевала прочные права гражданства в далекой Японии. Недаром после русско-японской войны появилась выразительная присказка: японцы победили русских в сражениях, сами же побеждены их литературой.

От петербургского Синода токийская миссия зависела больше на бумаге, она управлялась не обер-прокурорскими циркулярами, но канонами древнего христианства. Ревность и усердие священников, их умение убеждать прихожан напоминали, по выражению японоведа С. Елисеева, «времена апостольские». Епископа Николая по размаху деятельности он сравнивал с такими столпами православной церкви, каким являлся Владимир Креститель, а из современников — Иоанн Кронштадтский [309, 1890, № 18].

Православие распространилось в значительной степени благодаря незаурядной личности о. Николая. Он очаровывал даже своей наружностью, полной достоинства: «Могучая, почти атлетическая фигура. Лицо изобличало волю, но глаза светились добротой» [200, с. 121]. Все, знавшие его близко, отмечали, что и в архиерейском звании он остался прежним самоотверженным тружеником. Все свои средства глава миссии отдавал на ее благоустройство. Аскетический образ жизни архиепископа описан многими современниками. Вставал он в шесть утра и бодрствовал до полуночи. Занимал две небольшие комнаты при соборе: одна служила гостиной (единственным украшением в ней была гравюра с «Мадонны» Рафаэля), другая совмещала функции кабинета и спальни. Вегетарианский обед составлял, по существу, его единственную трапезу за день.

«Одевался очень просто, но чисто и прилично, — вспоминал М. Кониси. — Единственным его щегольством было употребление крахмального воротника. Только в большие праздники он надевал на себя роскошную шелковую рясу» [314, 1912, № 3, с. 391].

На плечах архиепископа лежало немало забот. С немногими лишь помощниками он нес львиную долю педагогической нагрузки. «В мое время, — писал Кониси, — он сам преподавал нам догматику и всеобщую гражданскую историю (последняя — его любимый предмет)».

Поддерживалась переписка со служителями из провинциальных приходов, с корреспондентами из России. Надо

было принимать посетителей, приходивших за советом и утешением. Публичные выступления — проповеди, речи на всякого рода собраниях прихожан — произносились постоянно. Отец Николай свободно говорил по-японски: северное произношение, смолоду усвоенное на Хоккайдо, не умаляло его дара увлекать аудиторию. Однажды он выступил в Ассоциации молодых христиан (1907 г.) с двухчасовым докладом на тему «Японская культура как благоприятная почва для распространения христианства». По свидетельству Д. М. Позднеева, зал, вмещавший более тысячи человек, слушал, затаив дыхание [316, 1912, № 12].

Работа по переводу Священного Писания на японский язык должна быть оценена как подвиг. Изо дня в день в келью о. Николая приходил его главный помощник по переводческой части Накаи-сан, человек «ростом не более двух аршин», но великий знаток религиозных книг. Осуществленные их трудами переводы позволили уже с 1873 г. начать богослужения на понятном для прихожан языке.

Отец Николай уважительно относился к исконным обычаям народа, приурочивал молебны к почитаемым аграрным праздникам. Успеху дела содействовал мощный отряд катехизаторов, т. е. проповедников, подготовленных из японцев. Они непроизвольно вносили в православие некоторую адаптацию, придавали ему более понятные местному населению формы. Всех сотрудников, приезжавших из России, глава миссии обязывал изучать местные обычаи и язык. По его поручению Иван Сэнума составил для этой цели «Практическое руководство к самостоятельному изучению японского языка». Приобщение к православной вере входило в русло главных задач времени, стоявших перед японцами. Мыслящие люди осознавали необходимость преодоления обособленности, отсталости страны. В учреждениях же русской миссии можно было узнать о новостях большого мира, научиться языку соседней гигантской державы.

Скончался архиепископ Николай семидесяти шести лет от роду от внезапной остановки сердца, его перо осталось лежать на раскрытой тетради. Проводы архиепископа в последний путь отличались большой торжественностью. «В 7 час утра в Крестовой церкви совершил Литургию протоиерей посольской церкви П. И. Булгаков, в сослужении двух иереев-японцев (за теснотой церкви только 2), при дьяконе Львовском, при пении русских воспитанников духовной семинарии...»— вспоминает преемник архиепископа Николая епископ Сергий [34] [172].

С вечера до утра возле покойного бодрствовали прихо-

жане. «Вокруг тела Владыки сидят по-японски девочки нашей Женской Миссийской Школы, человек 40... У всех в руках Св. Евангелия и зажженные свечи...». На заупокойную службу прибыли послы всех христианских стран, министры японского правительства. Венки возложили премьер-министр Сайондзи Киммоти, министр иностранных дел Утида, его помощник барон Исии, наместник в Корее граф Тэраути, барон Гото, маркиз Сайго... Громадный венок из живых цветов возложили от императорского дома.

«Начав при смертных опасностях, закончил свою деятельность в Японии Владыка Николай при одобрении с высоты Трона», — резюмирует епископ Сергий.

На токийском кладбище Янака (район Уэно) высится его могила с надгробием из белого мрамора.

Русская церковь причислила архиепископа Николая к лику святых. Канонизация осуществлена уже в послеоктябрьское время Московской патриархией в рамках церковной традиции [31, с. 35].

Православная миссия в Токио приобщила к русской культуре не одно поколение японцев, воспитанники ее семинарий самоотверженно трудились на благо взаимопонимания двух соседних народов.

ТОКИЙСКАЯ ШКОЛА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (1873—1885). РУССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Нехватка переводчиков с европейских языков начала ощущаться уже в последние годы правления феодального дома Токугава; сам сёгун отдал распоряжение овладевать заморской грамотой, и в Эдо был учрежден так называемый Департамент освоения варварских[1] письмен (Бансё сирабэдокоро, 1857 г.). После буржуазной революции Мэйдзи на базе этого незначительного по масштабам Департамента была создана Токийская школа иностранных языков (Токё гайкокуго гакко, 1873 г.).

Помещалась она в районе Канда, в той части столицы, где возникали тогда многочисленные учебные заведения и велась бойкая книжная торговля, что придавало Канде атмосферу своего рода Латинского квартала. В школе открыли пять отделений — английское, французское, китайское, корейское и русское. Наряду с отечественными учителями в ней преподавали приглашенные иностранцы; в начальный период их насчитывалось 15 человек: шестеро англичан, американец, три француза, три немца, китаец и русский [230, 1940, № 2].

Запланированная на пятьсот учащихся, школа набирала подростков с начальным образованием. Возраст поступающих колебался от 13 до 17 лет (такой разброс объяснялся отсутствием единообразной системы обучения в княжествах — единые для всей страны начальные школы были введены лишь с 1872 г.).

Первоначальный отбор абитуриентов происходил на вступительных экзаменах. Известно, например, что в 1881 г. на русское отделение было подано 250 заявлений, зачислили же только 48 человек. Через несколько недель после начала занятий провели тесты на способность усваивать русское произношение; в результате был произведен отсев и осталось всего 25 учеников [283, с. 22].

Учебный год начинался осенью, занятия шли с сентября по июль. В жаркий сезон (июль и август) ученики распускались на каникулы. Существовали и зимние вакации (с 25 декабря по 7 января), но зимой выезжать за пределы Токио разрешалось лишь по особой надобности. Занятий не было по воскресеньям, а также по обозначенным в календаре праздничным дням.

Праздники отмечались следующие: Осеннее равноденствие, связанное с поминовением предков Императорского дома (23 сентября); Праздник урожая (17 октября); День рождения императора (Тэнтёсэцу, 3 ноября); день памяти Комэй (Комэй — последний император при феодальной династии Токугава, 30 января); годовщина основания Японской империи (Кигэнсэцу, 11 февраля); Весеннее равноденствие (Хиган, 21 марта); день памяти Дзимму-тэнно (мифического основателя Японии, 3 апреля).

Порядок в школе и ее интернате определялся строгими правилами. Напоминала казарменный уклад пропускная система, досмотр выносимого багажа. Отлучавшимся в город ученикам надлежало возвращаться к строго назначенному часу, опоздание полагалось объяснять в письменном виде. Школьная библиотека имела свой устав из пятнадцати пунктов; один из них, к примеру, запрещал брать повторно уже однажды читанную книгу[2]. В спальных комнатах общежития размещалось по восемь человек, свидания с родственниками происходили в особом помещении.

Первые годы учащимся предоставлялось казенное содержание, позже финансовые возможности школы ухудшились, и тогда стали взимать плату за жилье, питание, осветительный керосин и уголь для обогревательных жаровен-хибати. Детям из неимущих семей выдавалась денежная дотация, но фонд ее был невелик. Ученикам русского отделения, в частности, выделялось 25—30 стипендий в год, нуждающихся же в них оказывалось вдесятеро больше.

В программу школы входили общеобразовательные дисциплины: история, география, логика, физика, математика (арифметика, алгебра, геометрия). На всех отделениях проводились уроки «морали», классического конфуцианства (изучались китайские книги «Лунь Юй», «Да Сюэ» и др.). Полчаса ежедневно уделялось оздоровительной гимнастике. Старшие семестры русского отделения равнялись на программу российских гимназий; использовались популярные гимназические учебники: Иловайского (древняя история), Смирнова (всеобщая география), Лебедева (география России). Арифметику учили по пособиям Малинина и Буренина, Ива-

ницкого, курс физики — по Краевичу, логику — по Владиславлеву.

Два часа в неделю отводилось риторике — прививали навыки публичных выступлений. Наряду с учебниками на уроках использовали художественные произведения; таким образом, литература, не значившаяся отдельным предметом, фактически занимала существенное место.

Начальные четыре семестра, пока учащиеся делали первые шаги, уроки русского вели преподаватели-японцы. За 12 лет существования школы на русском отделении работало около полусотни учителей, их имена сохранились в списке «Итиран» (с указанием местности, откуда они прибыли).

Среди них примечательна личность Сага Дзюан (Кадзумаса; 1848—1898) из провинции Кага. Биография этого человека похожа на приключенческий роман. Смолоду он практиковал как лекарь в г. Канагава (ныне Йокогама). Перебрался на Хоккайдо, где принял православие и выучил русский язык. В 1870 г. прибыл из Хакодате во Владивосток на корабле «Ермак», откуда в одиночку проследовал на перекладных через всю Россию. Его маршрут включал Хабаровск, Иркутск, Томск, Казань, Москву. Сага побывал также в Новгороде и Петербурге; его смелое странствие продолжалось три года. Им был составлен русско-японский словарь, изданный Министерством просвещения [265, с. 25]. В школе работал в 1876—1877 гг.

Преподавал в Токийской школе (1873—1885) Итикава Бункити (1848—1927), живший до этого в Петербурге. Еще в дореформенное время он попал в группу стажеров, отправленных из Хакодате (1865 г.) с помощью консула Гошкевича.

Фурукава Цунэитиро (ум. в 1900 г.) освоил русский язык, попав на службу во Владивостокское консульство. В школе преподавал как в ее первый период (1873—1885), так и после ее восстановления в 1899 г.

Из более позднего поколения учителей выделяется фигура Куроно Ёсибуми (1859—1918). Выпускник первого набора школы (1879 г.), он стал преподавателем русского языка и истории. Основанное им общество Хокумэйкай (Северное сияние) являлось центром распространения знаний о России. Его участники перевели, в частности, Уложение о российских военных прогимназиях — по личному заказу императора. Более десяти лет (с 1887 г.) Куроно Ёсибуми преподавал в Петербургском университете, где его называли Иосиф Николаевич. Им был подготовлен целый ряд учебных материалов [3].

По запросам Министерства иностранных дел и военных ведомств преподавателями и учениками школы переводились всевозможные справочные издания: «Уголовный кодекс» Анисимова (пер. Тэрада Минору, 1882 г.), «Русская история» (пер. Тиба Бундзи, 1883 г.), «О системе образования в России» (пер. Такасу Дзискэ, 1891 г.). Сага Дзюан опубликовал «Историю Камчатки» («Камусакка тихо си»), составленную по подборкам из русских газет, и написал реферат «О казаках» («Даттан дзидзё») с подзаголовком «Вести из Сибири» («Сибэри симпо»). Казачество интересовало японские власти в связи с тем, что прорабатывалась возможность создания аналогичных аграрно-военных поселений на о-ве Хоккайдо.

Пятилетний курс школы давал учащимся общее среднее образование и знание избранного иностранного языка. Часть ее выпускников (преимущественно с западноевропейских отделений) поступала затем в университеты, другие шли на службу в правительственные учреждения, торговые фирмы. Само собой разумеется и то, что по мере надобности из их числа черпались переводческие кадры для военных и разведывательных учреждений. Лишь со временем для этих особых целей появились специальные закрытые учебные заведения.

На старших курсах русский преподавали приглашенные для этого Министерством просвещения служащие российских учреждений в Японии. Работали в школе и политэмигранты, попадавшие в Японию уже, как правило, из Европы или Америки: Л. И. Мечников, А. А. Коленко, Н. Грей, С. Ю. Готский-Данилович.

Весной 1874 г. в йокогамский порт рейсом из Марселя прибыл Лев Ильич Мечников (1836—1888) — брат известного биолога, лауреата Нобелевской премии Ильи Ильича Мечникова[4]. К своим тогдашним тридцати шести годам Л. Мечников успел объехать полмира. Он учился в Петербургском университете на двух факультетах — физико-математическом и восточных языков. За участие в студенческих волнениях был исключен, после чего переводчиком при дипломатической миссии Мансурова отправился на Ближний Восток — побывал в Палестине, Турции, Греции. Убеждения народника, анархиста привели его сначала в польское национально-освободительное движение, затем в отряд Гарибальди. В битве при Волтурно он получил тяжелое ранение.

Близкий по взглядам к радикальной демократии 60-х годов «с долей социализма» [122, с. 27], он, попав на Апеннинский полуостров, вместе с М. Бакуниным вынашивал планы создания итальянской коммуны. Далее перебрался во Фран-

цию, познакомился в европейской эмиграции с Герценом и Огаревым, печатался в «Колоколе».

Возвращение в царскую Россию для него было невозможно, и он обосновался в Швейцарии. На жизнь зарабатывал журналистским трудом — писал на близкие ему этнографические и географические темы, сопрягая данные науки с социальными идеями. По подсчетам исследователей, в периодических изданиях разных стран им опубликовано более четырехсот работ (под разными псевдонимами). Сотрудничал он и в российских журналах — «Исторический вестник», «Русский вестник», «Отечественные записки» и др. С октября 1876 до конца 1880 г. его имя появлялось почти в каждом номере «Дела»; сохранилась его переписка с первым редактором этого издания Г. Е. Благосветовым и со сменившим его К. М. Станюковичем. Жена его брата Ильи Ильича нарисовала весьма привлекательный портрет: «...талантливый, остроумный, блестящий, красивый, к тому же необыкновенно добрый и мягкий, он производил чарующее впечатление» [122, с. 37—38]. Вращаясь в среде российской революционной эмиграции, он дружил с Ткачевым, Степняком-Кравчинским (переписку с последним см. [101]). Примыкал к левому, бакунинскому крылу I Интернационала, содействовал нелегальной переправке герценовского «Колокола» в Россию.

Обстоятельства, приведшие Л. И. Мечникова на Дальний Восток, подробно описаны в его «Воспоминаниях о двухлетней службе в Японии» (печатались по частям в газете «Русские ведомости» в течение трех лет: 1883, 1884, 1885). После поражения Парижской коммуны в 1871 г. политэмигранты почувствовали себя в Европе неуютно. Весть о революции Мэйдзи поманила Мечникова «светом, забрезжившим на Востоке». Вынашивая идею поездки, он перечитал все сочинения западных путешественников: Кемпфера, Зибольда, Диксона. С целью изучения японского языка обратился к парижскому востоковеду Леону де Рони (1837—1914) — переводчику японской литературы, издателю японской газеты в Париже [281]. Уверение последнего, что для овладения языком потребуется не менее четырех лет, показалось Л. И. Мечникову преувеличением. Незаурядный багаж полиглота, уже владевшего тринадцатью языками, позволял ему надеяться на иные темпы.

Он сумел найти в Женеве японца и наладить «взаимное франко-японское обучение». Японец был не кто иной, как Ояма Ивао (1842—1916), будущий маршал и влиятельный министр [5]. В 1870-е годы Ояма дважды наезжал в Европу, усовершенствуясь в познании языков и присматриваясь к ар-

мейским порядкам на Западе. Встреча этих двух незаурядных (хотя и совершенно разных по политической ориентации) людей принесла обоюдную пользу. Как определяет сам Л. И. Мечников, они занимались по «своего рода ланкастерской системе». В результате ежедневного общения, совместных прогулок («случалось играть и на биллиарде») уже через полгода он не только объяснялся, но и писал по-японски.

В 1873 г. Женеву посетило посольство Ивакура[6], успевшее до этого объехать Америку и несколько европейских столиц. Ояма представил Л. И. Мечникова его лидерам — Ивакура Томоми, Кидо Такаёси, Окубо Тосимити. У себя на родине эти люди занимали важные государственные посты, с их помощью желание Мечникова поехать в Японию осуществилось легко.

Так он попал в Токийскую школу иностранных языков. «Устройство русского отделения, — отмечал Л. И. Мечников, — с первых же шагов встретило такие затруднения, о которых не было и помина при устройстве всех других иностранных школ. О первом русском учителе в Токьо до меня дошли уже только полулегендарные слухи. Знаю я, что он сам называл себя просто Сидором, без всякого прибавления, и что о происхождении его решительно никто ничего не знал. Лучшими моментами его педагогической деятельности были те, когда он, являясь в класс мертвецки пьяным и усевшись на кафедре, тотчас же засыпал непробудным сном... На смену ему явился молодой, очень щеголеватого вида джентельмен — еврей с польской фамилиею, уроженец Варшавы, воспитанный в Берлине... Новый директор[7], конечно, счел одною из первейших своих обязанностей посетить класс русского учителя, о разнообразных достоинствах которого он уже был много наслышан даже раньше своего возвращения в отечество. К немалому изумлению директора, тот язык, на котором заговорил с ним этот обворожительный молодой человек в золотых очках, может быть и не был чистым польским языком, но на русский походил очень мало» [312, 12.04.1885].

Знатоки западноевропейских языков находились скорее, что же касается русских, то первое время использовались случайные люди, возможно заброшенные каким-либо крушением моряки, рыбаки. Ранее Л. Мечникова в школе появился Трахтенберг — студент, учившийся в Японии в 1872—1873 гг. Сохранились нелестные отзывы о небрежности тогда еще молодого Трахтенберга[8] к обязанностям наставника. В классы он являлся только тогда, когда не представлялось

«уже решительно никакой возможности» для развлечений, вспоминает Л. И. Мечников, а свои уроки «систематически ограничивал книжкою басен Крылова». Не желая распространять дурную славу о коллеге, Мечников именует его завуалированно: «Тр...» [312, 12.04.1885].

Архив Университета Хитоцубаси хранит рукопись, озаглавленную «Уроки первоначальной алгебры, составленные для учеников Русского отдела Токью гвайкок[у] гаккоу Л. Мечниковым». Математическое образование, к которому Л. И. Мечников приобщился в Петербургском университете, он смог применить в Токио.

Записи помечены 1875 годом. По всей видимости, они составлялись как пособие для учащихся. «Цель этого учебника, — говорилось во вводной части, — сообщить японским ученикам те сведения по алгебре, которые требуются от учеников, кончающих курс в средних учебных заведениях Европы. Профессора европейских университетов предполагают у своих слушателей эти сведения; и японские студенты, ими не обладающие, могут на каждом шагу встречать затруднения, не существующие для их европейских сверстников...»

Разносторонняя образованность позволила ему преподавать и историю. Рассказы о Египте, Вавилонии, Ассирии, Древней Греции впоследствии получили развитие в известной книге «Цивилизация и великие исторические реки» (первое издание вышло в Петербурге в 1889 г.). Значительное внимание уделялось реформам Петра Великого в России. Л. И. Мечников сравнивал их с преобразованиями Мэйдзи, с тем процессом европеизации, очевидцем которого он стал в Токио.

Через руки Мечникова прошло около ста пятидесяти учащихся разных возрастов, их прилежание он оценивал весьма высоко: «Во всей своей преобразовательской деятельности японцы делали, да и продолжают еще, по всей вероятности, делать на каждом шагу очень крупные промахи и ошибки; но они очень легко научаются не падать два раза в один и тот же ров; уроки прошлого идут им в прок, и замеченная ошибка исправляется всегда очень радикально и скоро» [312, 12.04.1885].

Японское общество 1870-х годов отличалось исключительным динамизмом. Обновлялись все сферы жизни. Громко заявляло о себе Движение за свободу и народные права (Дзию минкэн ундо, 1874—1889), которое добивалось введения конституции, парламента. Неоднородный социальный состав движения определил в нем два крыла: умеренное правое и радикальное левое. Лидеры, опиравшиеся на крестьянство и

мелких предпринимателей, критиковали буржуазное правительство за неспособность обеспечить «счастье каждого человека».

Наиболее радикальным сторонником народоправства являлся Накаэ Тёмин (1847—1901). По оценке современного историка, он «заложил философскую материалистическую основу идеологии движения за свободу и народные права и впервые в истории японской философии практически связал ее с чаяниями народных масс» [186, с. 187]. Избранный депутатом впервые созданного парламента, Тёмин не был удовлетворен его компромиссами с бюрократической властью. Он вышел из состава этого высокого органа, обругав его на прощание «террариумом бескровных червей» [175, с. 93—111]. В 1875 г. Тёмин, после трехлетнего пребывания в Париже, был назначен директором Токийской школы иностранных языков. Таким образом, судьба свела Л. И. Мечникова с этим видным педагогом и мыслителем. Конфликт с Министерством просвещения вынудил Накаэ Тёмина через три месяца уйти из школы, но завязавшееся знакомство продолжалось. Понимали они друг друга прекрасно, и не только по-японски. Л. И. Мечников, по отзыву Тёмина, говорил по-французски лучше, чем сами французы. Но дело было не только в языке, точки соприкосновения обнаруживались в их воззрениях. Революция 1868 г. положила конец замкнутости Японии, но свобода ее граждан по-прежнему ограничивалась диктатурой клановой бюрократии, угнеталась «божественной» монархией. В едком памфлете Тёмина «Беседа трех подвыпивших о государственном управлении» высмеивались чиновники. Вольнолюбивый дух русского народничества встречал естественное сочувствие автора. Накаэ Тёмин питал интерес к истории человечества в самом широком плане. Л. И. Мечников в своих трудах рассматривал развитие народов в масштабах всей земли — в зависимости от географической среды, климатических условий. Накаэ Тёмин при всем своем «западничестве» не разделял вестернизаторских крайностей мэйдзийских чиновников. Мечников также выражал сожаление по поводу чрезмерного подражательства, наносящего урон самобытности японской культуры.

Сохранилось свидетельство, что Л. И. Мечников собирался написать о своих диалогах с Тёмином что-то вроде эссе: об этом он извещал М. Е. Салтыкова-Щедрина, в бытность его редактором «Отечественных записок». Но вскоре после покушения на Александра II журнал был закрыт, замысел этого мемуарного очерка не реализовался [101, с. 361].

В классе Л. Мечникова учился некий Мурамацу Айдзо

(1856—1939), его имя фигурирует в списке учащихся («Итиран») за 1875 г. Позднее Мурамацу вступил в Общество справедливости (Кодо кёкай), примыкавшее к Движению за свободу и народные права (Дзию минкэн ундо). Активисты Движения выдвинули манифест, утверждавший вину правительства Мэйдзи перед народом. От них исходили требования сократить налоги, отменить воинскую повинность. Лидеры Общества справедливости (Уэки Эмори, Найто Роити, Яги Сигэхару) надеялись привлечь на свою сторону крестьян, недовольных высоким налогообложением. Они изучали опыт русских народовольцев: пользовалась успехом книга С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», вышедшая в японском переводе под заглавием «Демоны вопиют» («Они сюсю», 1884 г.; сочинение преследовалось цензурой, его переводчик Миядзаки Мурю подвергся тюремному заключению). Вместе с другими борцами за народ Мурамацу Айдзо стал участником так называемого заговора в Иида (Иида дзикэн, 1884 г.). Заговорщики организовали вооруженный отряд и готовы были из городка Иида двинуться в соседний центр Нагоя, склонить к сочувствию солдат тамошнего гарнизона. За причастность к «делу Иида» Мурамацу сидел в в тюрьме [286, с. 262].

Среди японских знакомых Л. И. Мечникова (в его архиве сохранилась визитная карточка) числится еще один «народоволец», Иидзука Осаму (1845—1929) — поэт и ученый [101, с. 477].

В Японии Л. И. Мечников быстро усовершенствовался в языке, что позволяло ему общаться с людьми разных сословий. Путешествуя по стране, он побывал на побережье Японского моря в Ниигата, на медных копях и мраморных карьерах Асио, посетил древнюю столицу Киото. Впечатления от природы, обычаев, ни с чем не сравнимой архитектуры легли в основу его последующих книг (см. раздел «Л. И. Мечников о Японии»). Покинуть полюбившуюся землю вынудило лишь пошатнувшееся здоровье: сказывались старые раны. Он вернулся в Швейцарию, где стал профессором Невшательского университета.

Последний приют Л. И. Мечников нашел в местечке Кларан. В некрологе Г. В. Плеханов писал: «Лев Ильич был не только ученым, но был борцом, который умел с оружием в руках отстаивать дело свободы. Само собой понятно, что при современных русских условиях такой ученый должен был умереть изгнанником... Забывать таких людей, как Л. И. Мечников, было бы совсем непростительно. Их безупречная жизнь наглядно показывает, как умели бороться и

работать „люди шестидесятых годов", на которых так часто клевещет у нас торжествующая реакция» [156, с. 331].

В Токийской школе иностранных языков заложенные им традиции продолжили другие русские учителя.

Василий Яковлевич Костылев (1848—1918) — сын приходского священника в Холмогорском уезде, учился в Архангельской семинарии (1863—1869). В Петербургском университете окончил китайско-маньчжурско-монгольское отделение (1874 г.). Был зачислен на службу в Министерство иностранных дел, откуда вскоре получил командировку в Японию как «студент генерального консульства»[9]. Девять лет (1875—1884) пребывания в Токио сделали его основательным знатоком страны, в дальнейшем ей посвящен ряд ученых трудов [85—87] (в Архиве востоковедов в Петербурге хранятся и другие его работы).

Около двух лет работал В. Я. Костылев в Токийской школе иностранных языков. Текст его соглашения с дирекцией школы сохранился в Архиве востоковедов [2] (Петербургский филиал Института востоковедения Академии наук). Этот любопытный документ помогает составить представление о порядках в школе, о въедливой скрупулезности ее правил.

Проект контракта Токио гайкокуго гакко г. Ватанабэ Тадзуну с г. Костылевым — русско-подданным.

I. Г. Костылев обязывается преподавать в Токио гайкокуго гакко: русский язык, историю, географию и литературу в течение двух лет, начиная с 12 числа 3-го месяца 9-го года Мэйдзи, т. е. с 12 мая 1876 года, до 12 числа 5-го месяца 11-го года Мэйдзи, т. е. до 12 мая 1878 года, по новому стилю.

II. Следующее г. Костылеву содержание по 250 ен звонкою монетою и 20 ен на наем квартиры в месяц будет выдаваться ему в конце каждого месяца. Этим ограничивается его содержание.

III. Определение часов преподавания и его порядка зависит от г. Директора училища. Количество часов преподавания не превышает 6 часов в день.

IV. В случае каких-нибудь изменений в преподавании г. Костылев должен спрашивать разрешения г. Директора.

V. Если г. Костылев, кроме праздничных дней, определенных училищем, без болезни и без особого разрешения не будет исполнять обязанностей, то из его жалованья будет производиться вычет за каждый опущенный день пропорционально количеству жалованья. Если г. Костылев не в состоянии исполнять обязанности преподавания, или бу-

дет безнравствен в поведении, или не будет выполнять условий контракта, то Директор имеет право уничтожить этот контракт, и со дня уничтожения контракта содержание ему прекращается.

VI. Если г. Костылев по болезни не будет исполнять своих обязанностей свыше 10 дней, то он должен представить вместо себя другого, который бы мог заменить его, или же будет получать содержание только за первые 10 дней болезни. Если болезнь продлится свыше 60 дней, то контракт уничтожается.

VII. Если г. Костылев вынужден будет уничтожить этот контракт, то это дозволяется, и со дня уничтожения контракта ему прекращается содержание. (Но он обязывается заявить о желании уничтожения контракта Директору за месяц до уничтожения.)

VIII. Если Токио гайкокуго гакко по какому-нибудь случаю откажет г. Костылеву от места раньше срока этого контракта, то обязывается уплатить ему то, что приходится ему получить за три месяца, считая со дня уничтожения контракта, но обязывается объявить об этом за месяц до срока уничтожения. Но если при уничтожении контракта будет оставаться меньше 3-х месяцев до срока контракта, то будет выдано содержание не на 3 месяца, а на полный срок.

IX. В случае смерти г. Костылева этот контракт уничтожается, и содержание до дня его смерти передается ближайшему русскому консулу.

Директор Токио Гайкокуго гакко Ватанабэ Тадзуну
Русско-подданный Костылев

Контрактом предусматривается двухгодичный срок: май 1876 — май 1878 г. Какое время сотрудничество продолжалось реально — неизвестно. Среди бумаг Костылева остался обрывок записки (видимо, адресованной русскому генеральному консулу) с просьбой освободить его от преподавания[10]. Училищное начальство, жаловался он, «ставит меня в неловкое положение». Шесть уроков ежедневно, да еще «подготовка к классам», писал Костылев, «будет в ущерб исполнению лежащих на мне прямых обязанностей студента». Он не мог добиться от директора школы «удовлетворения потребности в книгах», сетовал на то, что ученики «не владеют порядочным произношением» [2].

Сохранился классный список, где поименно перечислены его ученики, против каждой фамилии проставлены отметки

(в шестибалльной системе) по следующим предметам: история литературы, всеобщая история, география, сочинение, диктовка, разговор.

Шесть лет (1878—1884) работал в школе Андрей Андреевич Коленко (род. в 1849 г.). Образование он получил в Земледельческом институте в Петербурге (ныне Лесохозяйственная академия). В 70-х годах прошлого века будущие лесничие отличались особым демократизмом, в их кружках бурлило свободомыслие, читались всевозможные доклады и рефераты. Сохранились некоторые их названия: «О выгодах и невыгодах общинного и частного владения землею», «О парламентском делопроизводстве», о Н. Г. Чернышевском. А. А. Коленко вспоминал одного из студенческих лидеров, Петра Червинского, сосланного на поселение в Колу (Архангельская губерния): «Как сейчас слышу его простую, спокойную и плавную речь, его ясный и точный разбор как личности, так и деятельности Чернышевского, его романа „Что делать?", беседы в этом романе с „проницательным читателем", сны Веры Павловны; его выводы, что под резкой, часто как будто грубой, формой речи Чернышевского проявляется не только мощный ум, но и благородное сердце писателя» [77, с. 70].

Весь Земледельческий институт был возбужден «делом Энгельгардта». Лекции этого известного химика собирали тысячную аудиторию: помимо увлеченности своей наукой его отличали «смелые речи». III Отделение, обеспокоенное растущей популярностью профессора, состряпало ложное обвинение, и его выслали в Смоленскую губернию. По делу Энгельгардта попал под арест и А. А. Коленко — сидел в Петропавловской крепости (1870 г.), затем был выслан под надзор полиции в Черниговскую губернию [50, с. 618]. В 1871 г. ему удалось уехать в США, и уже оттуда он попал в Токио. Через много лет вспоминал: «Протекло четверть столетия. Более 13 лет я прожил за границей — сначала в Соединенных Штатах Северной Америки, затем в Японии, откуда и уезжать не собирался. Все же в 1884 году я вернулся в Россию» [77, с. 77].

На деятельность А. А. Коленко в Токио проливают свет недавно обнаруженные и опубликованные японским историком тетради Кодзима Куратаро. Эти рукописи, помеченные 12 г. Мэйдзи (1878 г.), представляют собой конспекты уроков по русской литературе. Из них явствует, что курс начинался с «века Екатерины» — рассматривались Державин, Ломоносов, Херасков, Фонвизин. Далее шло знакомство с классиками XIX в. — Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, а также с ав-

торами «второго ряда» (Загоскин, Булгарин, Сенковский и др.) [219, 1983].

А. А. Коленко рассказывал об эпохе, к которой относилось то или иное произведение, выявлял его гражданскую направленность. Ученики постигали смысл «горя от ума» в бессмертной комедии Грибоедова, приобщались к таким непростым материям, как гоголевский «смех сквозь слезы» и т. п. Для уроков декламации (два часа в неделю) учитель подбирал стихи, проникнутые духом вольности. Знакомил с поэтами-декабристами Бестужевым и Рылеевым, например с их песней:

> Ах, тошно мне
> И в родной стороне!
> Все в неволе,
> В тяжкой доле,
> Видно, век вековать...

Заучивался в классе ответ Александра Одоевского на послание Пушкина «Во глубине сибирских руд».

Использовалось стихотворение Николая Огарева «Кабак» (1841 г.), в котором речь шла о бедном парне, полюбившем девушку из зажиточной семьи. «Что я ей за пара?» — с отчаянием восклицает бедолага, а собеседник его утешает: «Выпьем, что ли, Ваня, с холода да с горя; Говорят, что пьяным по колено море...». Класс Коленко заучивал наизусть хлесткие строчки А. И. Полежаева из баллады «Четыре нации» (1827 г.):

> В России чтут
> Царя и кнут.
> В ней царь с кнутом,
> Как поп с крестом:
> Он им живет,
> И ест и пьет...

Ученикам было знакомо произведение В. С. Курочкина «Двуглавый орел» (1857 г.), в котором звучало проклятье царизму.

Со стихами декабристов, политических ссыльных ученики впитывали дух протеста против деспотизма, проникались жаждой социальной справедливости.

Много лет спустя, 10 ноября 1925 г., газета «Харупин нити-нити» («Харбинская ежедневная») опубликовала письмо Коленко, где он вспоминал, что проработал в Японии 6 лет и 4 месяца (1878—1884). «До сих пор у меня стоит перед глазами величественный силуэт горы Фудзи, Никко, горячие источники Хаконэ, живописная гавань Нагасаки». В старости он жил одиноко в России, на небольшую пенсию.

Признательные воспоминания оставил по себе Николай Грей. Старшеклассникам запомнилось его выразительное чтение вслух: лучшие страницы русской прозы оживали перед слушателями в его драматическом исполнении — с мимикой и жестами. Потом ученики писали изложение прочитанного, а Н. Грей тщательно правил их упражнения красной тушью. Благодаря этим талантливым урокам формировались склонности будущих замечательных переводчиков — Фтабатэя Симэй (см. ниже), Саганоя Омуро (1863—1947) [11].

Метод обучения «с голоса» родился, можно сказать, от нужды — в школьной библиотеке русские книги имелись лишь по одному экземпляру, но вынужденный этот прием оказался эффективным: прислушиваясь к мелодике речи, ученики усваивали правильное произношение.

Н. Грей запомнился также тем, что «с большой горячностью осуждал самодержавные порядки в России, на своей бывшей родине» [127, с. 245].

Пытаясь выяснить его биографию, японские исследователи узнали немногое: отечество он покинул по политическим мотивам, принял американское гражданство. Прибыл в Японию в 1884 г., по-видимому, из Сан-Франциско и оставался там до 1886 г. Дату отъезда историки уточняли, кропотливо изучая списки пассажиров, отплывавших из Йокогамы во второй половине 80-х годов [217, 1980]. На этом сведения о Н. Грее исчерпывались.

Поиски дальнейшей информации упирались в то, что Н. Грей выступал под своей американской фамилией, настоящая же, русская, оставалась под покровом тайны. Революционные эмигранты, бежавшие за границу от царской тюрьмы, соблюдали конспирацию. Было бы очень заманчиво установить подлинное имя этого человека. Надежда на это появилась у нас однажды при чтении трудов известного народника П. Лаврова: рассказ шел о русской коммуне в США, и среди ее членов упоминался Н. В. Чайковский (Н. Грей). Цитируем примечание № 229: «Cedar valley» — Кедровая долина — название коммуны в Америке, по поводу которой писал Лаврову в журнал „Вперед" состоявший в ней В. Фрей. В этой коммуне кроме В. Фрея (Гейнса) состояли Н. В. Чайковский (Н. Грей), „нечаевцы" Вл. и Наталья Святские (Райт), С. Клячко, Ив. Логинов, Линев и др. Письма их имеются в архиве Лаврова, хранящемся в Архиве германской социал-демократии, перевезенном в Париже немедленно после захвата власти Гитлером» [96, с. 412] (см. также [114]).

Отождествление Н. Грея с Н. В. Чайковским (1850—1926)

открывало возможность дальнейших поисков. Н. В. Чайковский находился в эмиграции с 1874 по 1907 г. (далее несколько лет пробыл на родине, потом снова вернулся в Европу, где и умер). За эти долгие годы он побывал в разных уголках Старого и Нового света. Сопоставление обстоятельств и дат позволяло предположить, что в Токийской школе преподавал именно этот народник-семидесятник, основатель известного кружка «чайковцев»[12], в который входили П. Кропоткин, С. Перовская, С. Степняк-Кравчинский [308, 1987, с. 170—171]. Но документально подтвердить факт его преподавания в Токио пока что, к сожалению, не удалось. Оставшиеся после Н. В. Чайковского бумаги хранятся в Пражском архиве. В Российской Национальной библиотеке в Петербурге удалось найти его «Воспоминания» (Париж, 1929), но о пребывании в Японии там не говорится.

Фигурирует в этой книге его многолетний товарищ по освободительной борьбе землеволец Волховский, который в 1880-х годах побывал в Японии. Феликс Вадимович Волховский (1846—1914) в 1847 г. был заключен в Петропавловскую крепость, после чего сослан в Тобольскую губернию. В своих «Отрывках одной человеческой жизни» писал: «...в молодости и в зрелом возрасте почтен особым вниманием начальства, которое шесть с лишним лет держало меня на казенном иждивении в Петропавловской академии, Доме Предварительного Удушения и многих иных политических учебных заведениях, после чего командировало в Сибирь для изучения местной топографии, что я и выполнял в течение одиннадцати лет» [25, с. 254—267].

Из Сибири Ф. В. Волховский при содействии американского журналиста Дж. Кеннана[13] совершил побег. Н. В. Чайковский пишет о его маршруте через Японию и Америку и о появлении в Лондоне. Длительность пребывания Волховского в Японии остается неясной; не исключено, что он назвался там Николаем Греем, воспользовавшись псевдонимом своего друга, но уверенности в этом опять-таки нет.

Некоторые детали как будто бы говорят в пользу этой последней версии. Ф. В. Волховский характеризуется Н. В. Чайковским как человек умный, образованный, обладавший сценическим талантом (Н. Грей запомнился в Японии именно артистичностью, склонностью к выразительному чтению). Н. В. Чайковский пишет: «Поразительная живучесть и находчивость сказались и в перипетиях Феликса Волховского на чужбине. Как только он попал в Канаду без связей и почти без языка, он ухитрился приобрести там в самое короткое время друзей и не без успеха прочел им на своем

ломаном английском языке ряд лекций о Сибири и России» [191, с. 234].

Среди знакомых Волховского на Дальнем Востоке упоминается «знаменитый китайский доктор Сун Ятсен».

Итак, вопрос о личности Н. Грея остается открытым.

Еще одно имя значится в списке преподавателей Токийской школы иностранных языков — Готский-Данилович. Эту фамилию нам удалось встретить в числе лиц, входивших в тайный филиал «Земли и воли». Н. П. Огарев, друг и соратник А. И. Герцена, упоминал С. Ю. Готского-Даниловича среди тех, кто распространял герценовские издания в русской армии, посланной на усмирение польского восстания 1863 г. Вместе с офицерами Огородниковым и Зейном Готский-Данилович попал за революционную агитацию в крепость Модлин на годичное заключение [134, с. 106].

В списке учителей Школы иностранных языков упоминается и некто Богомолов, но об этой личности сколько-нибудь убедительных сведений пока найти не удалось.

Токийская школа иностранных языков закрылась в 1885 г. Она была расформирована по приказу министра просвещения Мори Аринори (1847—1889) — ввиду финансовых затруднений. В течение двенадцати лет через стены школы прошло около пяти тысяч учащихся (400 выпускников в год). На русском отделении обучалось 567 человек, состоялось шесть выпусков; но что удивительно, полный курс окончили весьма немногие — всего 20 человек [277, с. 13—15].

Дефицит переводчиков с русского (а также с китайского) языка обнаружился во время японо-китайской войны 1894—1895 гг. Проблема представлялась настолько серьезной, что ее поставили на обсуждение в парламенте. По настоянию военного министра Кодама Гэнтаро и высокого чиновника Генерального штаба Тэраути Масатакэ курсы русского языка (Рого гаккай) были открыты в Саппоро в 1896 г., вскоре они разрослись до масштабов Училища русского и китайского языков (Росияго гакко).

Токийскую школу иностранных языков восстановили в 1899 г., дав ей права колледжа с трехлетним обучением. Взамен прежних пяти языковых отделений открылось семь (добавили испанское и итальянское). Помимо языка избранной страны студенты профилировались по одной из трех специальностей: экономике, международному праву, педагогике. С момента основания «старой школы» к этому времени прошло уже четверть века, успели сформироваться отечественные кадры, поэтому иностранных учителей стали приглашать меньше. В конце века главными специалистами в области

русского языка считались Фурукава Цунэтиро, Итикава Бункити и Фтабатэй Симэй.

По мере развития дипломатических и коммерческих связей потребность в переводчиках неуклонно возрастала. В фирмах, которые вели торговлю с Россией, при Министерстве иностранных дел, в железнодорожной компании Южно-Маньчжурской железной дороги создавались свои краткосрочные курсы. С ухудшением русско-японских отношений в начале 1900-х годов повысился спрос на переводчиков в военных ведомствах. Для преподавания охотнее всего приглашали выпускников Токийской школы, ее марка оставалась непревзойденной.

Наряду с английским, французским и немецким русский язык помогал японцам приобщаться к передовой по тем временам науке и технике.

Школа иностранных языков давала серьезную подготовку: преподавание языка сочеталось с изучением истории, географии, обычаев страны. Комплексному обучению способствовало широкое использование художественной литературы. Произведения Гоголя, Л. Толстого, Достоевского апеллировали не только к разуму, но и к чувствам учащихся, оказывали формирующее воздействие на их души.

По мере усвоения русского языка учащиеся получали доступ к огромному культурному богатству России. Знакомство с непреходящими ценностями, созданными великим соседним народом, оказывало на них многостороннее воздействие. Раскрывались новые горизонты, преодолевалась вековая островная ограниченность. Уходил страх перед могущественным северным соседом и соответственно умерялись воинственные настроения. Возрастали перспективы мирного сосуществования и взаимного культурного обогащения.

В отсталой тогда Японии, едва успевшей сбросить с себя оковы феодализма и вековой изоляции, преподавание русского языка было поставлено на высоком уровне. Классическая литература XIX в., а также передовая общественная мысль сделались достоянием целого поколения молодых японцев. Трудно переоценить тот факт, что основы русистики в Японии закладывались народниками-семидесятниками; прямые и отдаленные последствия этого обстоятельства были значительны.

Рассмотрение истории Токийской школы иностранных языков расширяет наше представление о географическом распространении русской революционной эмиграции. Давно известны такие ее центры, как Женева, Париж, Лондон; отныне в этот список по праву может быть включен Токио.

В. И. Ленин в работе «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» писал: «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [98, с. 8]. Эти слова оправдываются и применительно к нашим политэмигрантам в Японии.

Русистика, зародившаяся в Японии 1870—1880-х годов, получила в дальнейшем широкое развитие. Ныне русские кафедры занимают одно из значительных мест во многих университетах страны (Токийском, Васэда, Хосэй, Хитоцубаси, Досися, София, Рицумэйкан, Осака гайкокуго, Хоккайдо-дайгаку и др.). Корпус специалистов, таким образом, постоянно пополняется. Постоянно выходят переводы классиков и современных писателей, русская литература читается в самых широких кругах общества. Уважение к русской культуре прочно укоренилось в сознании японцев.

Фтабатэй Симэй и Россия

Яркий след в истории контактов двух стран оставил Фтабатэй Симэй (1864—1909). Подлинное имя писателя — Хасэгава Тацуноскэ, Фтабатэй Симэй — его пародийный псевдоним, возникший по созвучию со словами «Кутабаттэ симаэ» («Пропади пропадом!»). Таково было любимое присловье его отца — самурая невысокого ранга, не одобрявшего пристрастия сына к книжкам.

Со Школой иностранных языков Фтабатэй связан самыми тесными узами — сначала как учащийся ее первого набора, потом как высоко почитаемый профессор.

Его отроческое сознание формировалось в обстановке настороженного отношения к России. Шла борьба вокруг Сахалина, завершившаяся Петербургским договором 1875 г. Посол Эномото Такэаки и директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел П. Н. Стремоухов подписали трактат об обмене южной половины Сахалина на Курильские острова. Для России соглашение было мало выгодным, «Александр II и его сановники допустили просчет исторической важности» [95, с. 185]. Тем не менее японская пресса печатала ожесточенные протесты против «агрессивных поползновений России». Фтабатэй Симэй пришел на русское отделение, так сказать, из патриотических побуждений — из

желания овладеть языком противника, чтобы родина не оказалась перед ним беспомощной.

Занятия в Школе иностранных языков перевернули всю душу Фтабатэя. Высокие идеалы русской классической литературы развеяли предрассудки против «северных варваров». Приобщаясь к миру тургеневских и гоголевских героев, он почувствовал отзывчивость русских людей на любовь и правду.

По свидетельству его одноклассника Отагуро Дзюгоро (1866—1945), Фтабатэй читал полюбившиеся книги ночи напролет. В результате вместо прежнего намерения идти после школы в армию в нем проснулось страстное желание трудиться на ниве художественной словесности [250, 1946, № 5].

В школе широко использовался ланкастерский метод взаимного обучения. Старшие и более успевающие ученики становились помощниками учителей. Именно такую роль нередко исполнял способный Фтабатэй, он охотно разучивал с товарищами стихи, репетировал драматические сценки. Томики Тургенева, Белинского, Островского бессменно ночевали у него под подушкой.

Об ученической поре Фтабатэй Симэй вспоминал в своей «Исповеди за полвека» («Ё-га хансэй-но дзангэ», 1908 г.): «Честность — два иероглифа этого слова стали для меня символом веры. Всегда поступать так, чтобы не стыдиться перед богом и людьми. Идеал честности мне внушили конфуцианское учение и русская литература» [239, т. 17, с. 113].

Положенный в Школе иностранных языков пятилетний курс обучения Фтабатэй не завершил. Оставался всего один семестр до получения диплома, когда школу расформировали (1885 г.). Учащихся западных отделений (английского, французского) перевели на подготовительное отделение Имперского университета, русистов же передали в Высшее коммерческое училище (Токё кото сёгё гакко) [14]. Сугубо деловая направленность училища не оставляла надежды на занятия изящной словесностью. Директор Яно Дзиро (1845—1906) обещал Фтабатэю протекцию при дальнейшем устройстве на службу, но, несмотря на все уговоры, он решил уйти.

На его дальнейшее становление как переводчика и литератора оказал существенное влияние Цубоути Сёё (1859—1935) — профессор университета Васэда. По тем временам Цубоути Сёё слыл лучшим знатоком европейских авторов, достаточно сказать, что он перевел на японский язык почти всего Шекспира (правда, в соответствии с принятой тогда практикой переводы были сокращенные и адаптированные).

Явившись на поклон к «мэтру», Фтабатэй произвел на него впечатление глубокой осведомленностью в таком малоизвестном тогда еще предмете, как литература России, и молодой человек был взят под высокое покровительство. Если предметом поклонения Сёё являлся прежде всего Шекспир, то для Фтабатэя таковым стал И. С. Тургенев. В первую очередь он взялся за перевод романа «Отцы и дети». «Тургенев... — писал он, — представил таких персонажей, как Базаров, который не выходит у меня из головы. Кроме этого автора, я внимательно читал Чернышевского, Герцена и Лассаля, хотя последний, правда, и не русский» [239, т. 17, с. 112—113].

Такое объемное и сложное произведение, как «Отцы и дети», оказалось новичку не под силу, начатая работа осталась незавершенной. Первый успех Фтабатэя-переводчика связан с более короткой вещью Тургенева — рассказом «Свидание» из «Записок охотника» («Аибики», 1888 г.). Японские читатели были заворожены экзотикой северного пейзажа (свидание персонажей рассказа происходит в березовой роще), ошеломлены новой для них манерой описания природы — ее олицетворением. «Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось...» [179, с. 205]. Японцы всегда ощущали органическую близость к природе, но в их литературе природа не «улыбалась», не «шушукалась», не «лепетала», она не участвовала в переживаниях человека.

Окрыленный читательским вниманием, Фтабатэй перевел затем десять тургеневских произведений, среди них были «Три встречи» («Мэгурнаи», 1888 г.), «Ася» («Катакои», 1896 г.), «Рудин» («Укигуса», 1897 г.), «Дым» («Кэмури», 1903 г.) и др. Для японцев распахнулся неведомый прежде мир — многоликая среда дворянско-крепостнической России. Привлекало все: незнакомый быт, разнообразие человеческих типов, умение писателя оттенить поэтические стороны повседневной жизни.

Начался период всеобщего увлечения Тургеневым, в студенческих кружках Токио и Киото заговорили о «нигилистах», о «лишнем человеке».

Писатели подражали его стилю. Куникида Доппо включал в свои рассказы целые куски тургеневской прозы, восхищавшей его мягкой лиричностью. В свою «Долину Мусаси» («Мусасино», 1908 г.) он вставил фрагменты из «Свидания», в рассказе «Незабываемые люди» («Васурээну хитобито», 1898 г.) отозвались мотивы «Рудина». О Куникида Доп-

по критик Миякава писал: «Первые произведения его проникнуты тургеневским духом. Рассказ ведется от первого лица, что до него было совершенно чуждо японской литературе. Эта форма создалась, несомненно, под влиянием Тургенева, с которым он впервые познакомился в переводе Хасэгава...» [123, с. 304].

Популярный автор начала века Таяма Катай использовал в повести «Конец Дзюэмона» («Дзюэмон-го сайго», 1902 г.) композиционные и художественные приемы, заимствованные из тургеневского рассказа «Конец Чертопханова» [174, с. 14]. В дебютной повести Мори Огай «Танцовщица» («Маихимэ», 1890 г.) улавливаются мотивы, созвучные «Вешним водам».

Фтабатэй познакомил своих соотечественников с целым рядом писателей. «Старосветские помещики» и «Записки сумасшедшего» Гоголя, «Преступление и наказание» Достоевского, «Красный смех» Л. Андреева, «Четыре дня» Гаршина — всего по приблизительным подсчетам им переведено более трех десятков произведений. Их число, может быть, не особенно впечатляет (хотя в список входили и крупные романы), но качественный уровень переводов оказался несравненно выше предыдущих. Если прежде с русской литературой далеко не всегда знакомились по оригиналам (использовались английские или немецкие посредники), то Фтабатэй переводил исключительно с русского. Если раньше делались лишь приблизительные пересказы, то Фтабатэй передавал оригинальные тексты с максимально возможной точностью. Шла вдумчивая работа над каждым словом. В его «Исповеди» рассказывается, например, как однажды в поисках адекватного соответствия какому-то простонародному русскому слову он отправился слушать говор посетителей общественной бани.

Помимо русской прозы, Фтабатэй приобщил современников к критической литературе, особенно к В. Г. Белинскому. Под впечатлением от трудов великого критика им была написана «Общая теория романа» («Сёсэцу сорон», 1886 г.). Белинский помог ему осознать назначение писателя: не развлекать читателя, но «вникать в сущность жизни», помог уловить связь между содержанием и способом его выражения: «форма не отделима от идеи, идея выявляется посредством формы...» [270, с. 105—107].

Знакомство с русской литературой послужило могучим толчком и для собственного писательского творчества Фтабатэя. Его главное художественное произведение называлось «Плывущее облако» («Укигумо», 1889 г.). Само название содержало аналогию с «Рудиным», ибо тургеневский роман вышел в японском переводе под заглавием «Плывущая трава»

(«Укигуса»). Герой романа Фтабатэя — мелкий чиновник Уцуми Бундзо представлял собою японский вариант «лишнего человека». Не желая угождать начальству, он оказался уволенным со службы. Не удалась и личная жизнь: его невеста О-Сэй предпочла другого — преуспевающего дельца Нобору (имя которого означает «Идущий вверх»).

Японские рецензенты сравнивали Бундзо не только с Рудиным, но и с Обломовым — за его неумение приспособиться к окружающей буржуазной действительности, за бесконечные душевные терзания, пассивность. Соприкосновение с творчеством И. А. Гончарова, несомненно, оставило свой след в сознании Фтабатэя; «Обломова» он переводил частично, правда, работа осталась незавершенной [66, 1950].

Советский литературовед К. Рехо предлагает третий вариант сравнения, указывая на сходство Бундзо с «униженными и оскорбленными» персонажами Достоевского. По мнению К. Рехо, в 1880-е годы, когда создавался роман, японцы еще не изжили иллюзий относительно созидательных возможностей буржуазного строя. Поэтому действительность не давала тогда материала для художественной реализации типа лишнего человека [165, с. 117].

Независимо от того, какое сопоставление предпочесть, очевидно одно: в самом образе Бундзо, не способного на лесть и подхалимство, содержалась резкая критика общества Мэйдзи, которое его отвергло.

Знакомство с классической русской литературой и критической мыслью сыграло огромную, если не решающую роль в становлении и развитии прогрессивного направления буржуазной литературы — критического реализма в литературе ряда стран. Одной из таких стран явилась и Япония.

80-е годы прошлого века являются для японской литературы годами зарождения художественной литературы эпохи развитого капитализма и в то же время годами возникновения в ней художественного метода критического реализма. Первым произведением этой новой литературы в Японии стал роман Фтабатэя «Плывущее облако».

Подлинной революцией явилось обращение Фтабатэя-писателя к разговорному языку. В прежней Японии для литературы был характерен особый письменный стиль со своей лексикой и синтаксисом. В новое же время, когда распространялась всеобщая грамотность и расширялся круг читателей, возникла проблема демократизации литературы, ее доступности для широких масс. Фтабатэй раньше других писателей почувствовал эту назревавшую потребность. И он стал писать так, как говорит народ; соединив звучащее и пись-

менное слово, он заложил основу так называемого стиля гэмбун-итти (буквально: «слово и письмо — одно целое»).

Многие его собратья по перу сочли обороты живой речи в литературе вульгарным новшеством, рассчитанным на неучей. Целесообразность подобной реформы приходилось отстаивать в ожесточенной полемике, понадобилось почти два десятилетия, чтобы стиль гэмбун-итти получил всеобщее признание.

Скудные писательские гонорары не давали возможности содержать семью (у Фтабатэя от двух браков было четверо детей). Поэтому наряду с интенсивной литературной деятельностью он почти постоянно где-то служил. Около восьми лет (1889—1897) был штатным переводчиком русской прессы в Бюро информации при кабинете министров, а после восстановления Токийской школы иностранных языков (1899 г.) получил в ней должность профессора. В очерке «Облик учителя Хасэгава» (напомним, что подлинное имя Фтабатэя было Хасэгава Тацуноскэ) Идэ Кохэй, один из его учеников, вспоминал о первом появлении учителя на кафедре. Вошел элегантный мужчина средних лет и без лишних слов написал на доске стихотворение Пушкина. Намереваясь выяснить подготовленность своей аудитории, он попросил прочесть и перевести написанное. «Раньше я по серости считал, — пишет Идэ Кохэй, — что из беллетриста никогда не выйдет профессора, но в данном случае оставалось только склонить голову» [127, 1978, с. 250].

В войну 1904—1905 гг. Фтабатэй служил в газете «Осака асахи симбун», делал для нее обзоры русской прессы. Написал очерк «Витте вчера и сегодня» («Саккон Витте», 1905 г.) — о государственном деятеле, который долгие годы играл важную роль в дальневосточной политике России[15], опубликовал составленный им «Путеводитель по деловому миру Маньчжурии» («Мансю дзицугё аннай», 1905 г.).

По окончании войны в Японию попало несколько политических ссыльных с Сахалина, среди них оказался Бронислав Пилсудский (1866—1918), старший брат Юзефа Пилсудского, президента Польши в 1926—1935 гг. В студенческие времена примкнувший к антимонархическому заговору петербургских народовольцев, Б. Пилсудский был арестован (вместе с А. Ульяновым, в марте 1887 г.) и приговорен к восемнадцатилетней сахалинской ссылке. По Портсмутскому мирному договору в сентябре 1905 г. южная половина Сахалина отошла к Японии, тогда-то Б. Пилсудский и объявился в Токио (февраль—июль 1906 г.).

Б. Пилсудский занимался культурой айнов, с которыми

соприкоснулся еще на Сахалине (см. [293а]). Установил контакты с близкими по духу людьми: встречался с Н. К. Судзиловским-Русселем, выступал в токийском зале Канда на митинге по случаю возвращения из Европы Катаяма Сэн. Дружеские отношения с Фтабатэем вылились в заключенный между ними «японо-польский союз».

После отъезда Б. Пилсудский присылал из Кракова книги, благодаря чему Фтабатэй собрал целую библиотечку польских писателей в русских и западноевропейских переводах: Серошевский, Василевский, Шиманский, рассказы Сенкевича, «Конрад Валенрод» Мицкевича и др. Шли посылки и в обратном направлении. Отправленный Фтабатэем в Краков роман христианского социалиста Киносита Наоэ «Признание мужа» («Рёдзин-но дзихаку», 1906 г.) был переведен и издан на польском языке. Повесть Фтабатэя «Заурядность» («Хэйбон», 1907 г.) была послана в авторском переводе на русский язык.

Несколько лет продолжалась оживленная переписка. Высоко оценивая таланты Фтабатэя, Б. Пилсудский уговаривал его наряду с русской литературой вплотную заняться польской: «Пробовали ли Вы беседовать с кем-либо о возможности послать кого-либо для изучения языка польского? Я говорил с некоторыми, и все считают, что знающему по-русски несравненно легче было бы научиться по-польски. Я всегда имел в виду Вас и крайне был бы рад, если бы Вы имели возможность и решились сделаться первым знатоком нашей родины. Я бы принял еще больше мер и стараний, чтобы достигнуть желанной цели. Не выслать ли несколько учебников польских на русском или английском языке, если только последние имеются?» [271, с. 88].

Б. Пилсудский помогал Фтабатэю печататься в петербургском журнале «Русское богатство» и в польском издании «Сфинкс», приглашал его посетить Литву, Польшу и описать эти края для своих «милых соотечественников». Обширные планы сотрудничать в области журналистики и перевода мало реализовались ввиду безвременной кончины Фтабатэя.

Поистине исключительны заслуги Фтабатэя по ознакомлению соотечественников с русской классикой. Кроме того, он успешно проявил себя как «обратный переводчик», т. е. представлял образцы современной японской прозы для русскоязычных читателей. Только в одном журнале «Восток» (выходил в Йокогаме на русском языке в 1907—1908 гг.) им были напечатаны «Танцовщица» («Маихимэ») Мори Огай, «Говядина и картофель» («Гюнику то барэйсё») Куникида Доппо, «Плесень» («Каби») Масамунэ Хакутё. Повесть Мо-

ри Огай (в русском варианте Фтабатэя она озаглавлена «Моя танцовщица» [299, 1907, № 1—2]) нам довелось сверять с оригиналом, и потому уверенно говорим о достоинствах этой переводческой работы. Передано не только содержание, но и эмоциональные всплески такого непростого автора, каким был Мори Огай.

В библиотеке частного университета Васэда (Токио) хранятся 64 письма, полученных Фтабатэем от русских и поляков. Среди отправителей — Л. П. Подпах (31 письмо), Б. Пилсудский (16), Ф. А. Постников (3), Н. Ф. Анненский (21), Н. С. Арефьев (2), В. И. Немирович-Данченко (2), Смысловский (; в 1900-х годах Смысловский был преподавателем Токийской школы иностранных языков).

Первый из названных корреспондентов Фтабатэя — Леонтий Павлович Подпах — приехал в Йокогаму из Владивостока и издавал журнал «Восток». Целью было знакомить русское общество с политической, экономической и культурной жизнью Японии, «с ее литературой, публицистикой и выдающимися талантами всех ступеней, с фактами, имеющими то или иное отношение к интересам России» [299, 1908, № 1—2, с. 3]. Судя по косвенным свидетельствам, всего вышло шесть номеров этого издания [16]. Закрылся журнал из-за денежных трудностей. Л. П. Подпах жаловался Фтабатэю: «Отовсюду получаю одобрения, пожелания — и только. Нет самого главного — „презренного металла", а без него, как там не рассуждай, долго не протянешь... Я Вас очень прошу еще об одном — если можно, подождите гонорар до 29 или 30, очень меня обяжете» [272, с. 64].

Из общего числа писем 57 написаны по-русски и семь — на эсперанто; в целом переписка свидетельствует о весьма оживленных деловых и дружеских связях Фтабатэя.

С Ф. А. Постниковым Фтабатэй познакомился во Владивостоке (1902 г.), их свело увлечение эсперанто, на этот искусственный язык возлагались в те годы большие надежды [17]. Составленную Постниковым «Хрестоматию международного языка» Фтабатэй перевел на японский («Сэкайго токухон», 1906 г.), вслед за тем издал собственное учебное пособие «Мировой язык» («Сэкайго», 1906 г.). Свой учебник он послал Постникову уже в Калифорнию, куда тот эмигрировал. В письмах оба они выражали горячее желание преодолеть барьер, разделяющий людей разных стран.

Н. С. Арефьев — житель Харбина; будучи в Маньчжурии в 1902—1903 гг., Фтабатэй получил от него приглашение сотрудничать в газете «Рассвет». Издание это, однако, застопорилось, о чем Арефьев и сообщал 19 июля 1904 г. Взамен

он просил Фтабатэя принять участие в «Торгово-промышленном справочнике и указателе по Дальнему Востоку» (для русских предпринимателей в Маньчжурии и Монголии).

С Василием Ивановичем Немировичем-Данченко (братом основателя МХАТа) Фтабатэй встретился весной 1908 г. Будучи тогда редактором «Русского слова», Немирович приезжал в Японию по приглашению газетного концерна «Асахи». Фтабатэй сопровождал московского гостя по Токио, и тот с большой похвалой отозвался о его русском произношении.

Добрые слова не остались без последствий; издательство «Асахи» командировало Фтабатэя в Петербург своим специальным корреспондентом. Как русист он чувствовал ответственность своей миссии. На прощальном банкете с друзьями Фтабатэй говорил о том, что надо приложить максимум усилий, чтобы в будущем исключить столкновения с Россией.

Итак, сбылась заветная мечта: 15 июля 1908 г. Фтабатэй Симэй прибыл в столицу России. Остановился поначалу в «Англетере», но отель был не по карману, через несколько дней он по газетному объявлению подыскал себе жилье подешевле. Квартира помещалась в доходном доме по адресу: Столярный переулок, 13 (ныне ул. Пржевальского); в ней была снята меблированная комната. Район Сенной площади был выбран не случайно. Населенный ремесленниками и мелким чиновным людом, он связывался в сознании Фтабатэя с Достоевским — с давно полюбившимися произведениями «Белые ночи», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание». Поселившись здесь, Фтабатэй жадно всматривался в сумрачные дворы-колодцы, заглядывал в закладные лавки и пивные, ходил по следам своих старых знакомых [279, с. 2]. Можно себе представить чувства человека, попавшего, наконец, в те заочно знакомые края, к которым давно были прикованы все его труды и думы.

Строились самые радужные, обширные планы. В «Асахи» надлежало регулярно посылать хронику местных политических и культурных событий. Он ставил себе также целью контакты с петербургскими газетами и журналами, в которых ему хотелось представить достоверный облик сегодняшней Японии; встречался с издателем влиятельной ежедневной газеты «Новое время» А. С. Сувориным, вел переговоры с Н. Ф. Анненским[18] — тогда сотрудником ежемесячного литературного и научного журнала «Русское богатство». В этом либерально-народническом издании предполагалось печатать серию очерков о японской культуре, а также переводы новейших беллетристов — Токуда Сюсэй, Масамунэ Хакутё, Ивано Хомэй.

Фтабатэй повидался с супругой своего давнего товарища Марией Пилсудской, гостившей в ту пору у петербургских родственников. Собирался ненадолго проехать в Краков (поскольку уж оказался совсем рядом), чтобы согласовать с Б. Пилсудским издательские замыслы: в журнале «Сэкай фудзин» («Женщины мира»)[19] печатались переводы польских авторов, а польский литературный журнал «Сфинкс» проявлял интерес к японским материалам. О последнем Б. Пилсудский писал: «Относительно польского журнала, то я уже просил послать Вам его. Это прогрессивный журнал, но без яркого отпечатка в политике, — демократический и очень изящно-литературный... Мы все ждем, когда Вы переведете что-либо с польского и когда появится первый выпуск польских авторов... При этом посылаю Вам краткую статейку «Сон о шпаге», написанную выдающимся современным польским писателем под псевдонимом Зых...» [271, с. 55].

К великому сожалению, пребывание Фтабатэя на русской земле оказалось недолгим. Быстро пролетели шесть месяцев. На похоронах великого князя Владимира (12 февраля 1909 г.) он сильно простудился, и вспыхнул смолоду гнездившийся в легких туберкулез.

Посольство настоятельно рекомендовало ему возвращаться на родину. В пути, когда пароход шел через Бенгальский залив, Фтабатэй скончался. Жизнь оборвалась в 45 лет, в самом расцвете таланта.

Признания современников он снискать не успел. Люди склонны недооценивать роль переводчиков, между тем от них во многом зависит восприятие зарубежной культуры. Заслуги Фтабатэя поистине значительны. Его мастерские переводы приобщили к сокровищам русской литературы целое поколение японцев. Представленный им особенно полно И. С. Тургенев способствовал формированию мощного литературного течения 1900-х годов, именуемого «сидзэнсюги» (соединение критического реализма и натурализма). Одного лишь этого переводческого подвига вполне достаточно, чтобы по праву занять достойное место в истории японской культуры.

Проведенная Фтабатэем унификация разговорного и письменного языка явилась реформой большого новаторского значения.

О его романе «Плывущее облако» проницательный критик писал: автор «не упоминает в нем об истории красавицы и гения, служивших до сих пор обычными действующими лицами для японских писателей, и взял совершенно новый тип» [123, с. 303]. В лице Бундзо был впервые представлен герой, отчужденный от общества, т. е. именно тот тип, который в

дальнейшей японской литературе (от Нацумэ Сосэки до Абэ Кобо) получил необычайное распространение.

Литератор широкого диапазона, сложившийся под влиянием русской классики, Фтабатэй, по существу, явился родоначальником психологического реализма в Японии.

Л. И. Мечников о Японии

Итак, выпускник Токийской школы иностранных языков Фтабатэй Симэй стал выдающимся русистом, учитель же его Л. И. Мечников (см. выше) за годы работы в Токио сформировался как японовед.

Эмигрантская неустроенность вынуждала Л. И. Мечникова писать много — ради заработка. Неудивительно, что подчас сюжеты оказывались «проходящими», вынашивать темы и отделывать стиль было некогда, чем объясняется неравноценность его журналистского наследия. Но его научные работы, в особенности две монографии (одна была издана в Женеве, другая — в Петербурге), выдержали длительную проверку временем.

Выше мы уже упоминали его записи о работе в Японии. Рассмотрим их здесь более внимательным образом. «В начале семидесятых годов русскому скитальцу без определенных занятий жить в Европе становилось тяжело», — писал Л. И. Мечников [119, 1883, № 248]. В Японии же к этому времени произошла революция, эта страна «выдвинулась очень решительно на первый план». Решение об отъезде окончательно созрело после встречи с «посольством Ивакура». Князь Ивакура Томоми (1825—1883) в течение двух лет с большой свитой путешествовал по Америке и Европе.

В «Воспоминаниях о двухлетней службе в Японии» Л. И. Мечников дает портреты лидеров этой высокопоставленной группы. Коньком Ивакура Томоми было намерение ввести в Японии европейское законодательство, «для того чтобы отнять у иностранных государств повод к сохранению так называемой внеземельности, в силу которой живущие в стране европейцы не подвластны местным властям»[20] [119, 1883, № 248]. Ивакура преклонялся перед политикой Петра I, открывшего для своей державы «окно в Европу». После посещения Петербурга (1873 г.) он распорядился издать в Японии перевод жизнеописания своего кумира.

Другой член посольства, маркиз Кидо Такаёси (Коин, 1833—1877), мечтал ввести в Японии парламент. По словам Л. И. Мечникова, он «усмотрел, что Швейцария со своим ве-

ковым общинным строем представляется превосходною политическою школою» [119, 1883, № 248]. В Париже Кидо изучал местный уклад жизни, поселившись среди студентов Латинского квартала. Именно от Кидо (по возвращении в Японию он возглавил министерство образования) Л. И. Мечников получил приглашение на преподавательскую работу в Токио.

Путь Л. И. Мечникова от Марселя до Йокогамы на французском пароходе под русским названием «Волга» подробно описан в «Воспоминаниях». Яркость красок и пестрота, свойственные Ближнему Востоку, «исчезают приметно» по мере продвижения «навстречу восходящему солнцу». Среди спутников оказались японские студенты, которых отзывали домой в связи с политическими переменами на их родине. Долгие полтора месяца тогдашней морской дороги позволили Л. И. Мечникову усовершенствоваться в японском языке (особенно запомнились беседы с неким разговорчивым Гэндзиро).

Морские ворота в Японию описаны как столпотворение разноплеменного люда, обилие гражданских и военных судов. «Всегда оживленный йокогамский рейд, сверх неустанного движения лодок, представлял и много других любопытных для наблюдателя предметов. Благодаря прекрасному климату Йокогамы и близости ее к столице Японии тут всегда находилось до десятка военных судов всех наций...» [118, 1883, № 262].

От портового города Йокогама до Токио Л. И. Мечников ехал по первой в Японии железнодорожной ветке; построенная в 1872 г., она представляла собою в ту пору самую свежую «новость». Из окна вагона открывались экзотические картины: бамбуковые рощи, аллеи каменных фонарей возле храмов, киноварно-красные арки-тории на подступах к синтоистским кумирням. Умытые пейзажи, «лишенные малейшего элемента дикости», он сравнивал с красотою ухоженной женщины-горожанки.

По прибытии на место он сразу же столкнулся с трудностью понимания живой речи. «Пришлось убедиться на опыте, что тот литературный язык, которому обучал меня в Женеве японский генерал и которым говорят в парадных случаях или на собраниях в высшем обществе, мало имеет общего с тем йокогамским говором, который мне приходилось теперь слышать вокруг себя» [119, 1883, № 274]. Неожиданным оказалось и то, что люди разных провинций, а также разного социального положения говорят по-своему, что обороты речи отличаются и в зависимости от того, обращается ли говорящий к «своему или чуждому сословию».

Район Цукидзи в Токио, где Мечников поселился, описан как местность малопривлекательная: «Среди наполовину болотистого пустыря возник неприглядный квартал Цукидзи, что означает „наносная земля“. Именно эту сомнительную часть столицы решили отдать под европейскую концессию. Все число проживающих иностранцев в это время едва превышало 250 душ обоего пола» [119, 1883, № 274].

Обитая в обособленных кварталах, европейцы в большинстве своем не изучали японского языка и культуры, им казалось, что до них тут царила «кромешная тьма». Высокомерие «белых» возмущало Мечникова: «Каждый европеец в этой стране считал себя способным стать полководцем или учителем» [119, 1833, № 344]. Между тем японцы, писал он, народ древних традиций, они способны разборчиво отнестись к сомнительным благодеяниям новоявленных просветителей.

Приезжими завладевала «привычка загребать деньги лопатами». Старое название Йокогамы — Канагава (букв. «золотая река») — Л. И. Мечников выразительно переводил «золотое дно», подчеркивая тем самым несметные прибыли, которые черпали в этом и других городах предприимчивые «деловые люди».

Приглашенный в качестве преподавателя, он с особенным вниманием присматривался к существующей в стране постановке образования. Техника японского письма, на освоение которой уходит 10—12 лет, показалась ему «головоломной». По его впечатлению, японские учащиеся несут «трагическую» нагрузку. «В элементарных школах дети принуждены заучивать до 3000 письменных знаков; тот же, кто претендует на репутацию образованного человека, должен знать их от 8 до 10 000... До девятилетнего возраста их заставляют выучивать наизусть, не заботясь о содержании, различные образцы классической поэзии и несколько многотомных сборников» [312, 1884, № 259].

Л. И. Мечникова поразило, что, несмотря на чрезвычайную сложность грамоты, практически все население имеет навыки чтения и письма. По его мнению, решающий вклад в просвещение народа внесли буддийские монахи, создавшие азбуки «кана»[21] и упростившие тем самым освоение письменности. «Книжность», писал он, глубоко проникла в плоть и кровь японцев. «Ни торговля, ни подарок не обходятся в Японии без какого-нибудь литературного или письменного прибавления»[22] [119, 1884, № 204]. Постановкой народного образования, считал он, японцы имеют все основания гордиться перед европейцами. Большое впечатление на него производил уже тот факт, что в 1872 г. японское правитель-

ство установило обязательное всеобщее обучение для детей обоего пола (от шести до четырнадцати лет).

Несколько разделов «Воспоминаний о двухлетней службе в Японии» отведены обзору японской истории. Основные сведения почерпнуты автором из «Неофициальной истории» Рай Санъё («Нихон гайси», 1827—1829); по фундаментальности он сравнивает это сочинение с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина. Отмечено, что с ранних веков японцы охотно впитывали культуру других народов — учились у корейцев и китайцев, позже — у голландцев. В XVII—XVIII вв. внешние связи были прерваны из страха перед вторжением иноземных завоевателей. Изоляцию предписывало правительство, общество же, считает Л. И. Мечников, никогда не испытывало неприязни к иностранцам.

Рассматривая период Токугава, Л. И. Мечников отмечает противоречивую ситуацию: диктатура центрального военного правительства в г. Эдо сочеталась с сепаратизмом «земской системы» феодальных княжеств. Упоминается существование особого «низкого» сословия, которое автор именует принятым в прошлом веке термином «хинин» («нелюди») [23]. Над этой «кастой кожевников и нищих», писал он, тяготеет «какой-то обходительный до крайности и по-своему гуманный гнет, не оставляющий простора ни одному свободному движению» [119, 1884, № 289].

Положению страны в первые годы буржуазного строя посвящены два очерка Л. И. Мечникова: «Эра просвещения Японии» (1876 г.) и «Эра японского просвещения» (1877 г.) [117; 118].

«В 1874 г., — отмечает Мечников, — я застал Японию на чрезвычайно интересном моменте ее внутреннего развития. Не успели пройти и двадцать лет со времени первого, и притом насильственного, заключения договоров с иностранцами, а уже на место пресловутой монгольской косности и застоя, на место общества, застывшего под гнетом традиционного китаизма, — всюду била живым ключом новая и сильная жизнь, деятельно и сознательно стремившаяся усвоить себе плоды высшей культуры и цивилизации» [118, с. 242]. На его глазах шли бурные преобразования, которые он расценивал как «полный и радикальный переворот, какой мы только знаем в истории» [119, 1883, № 349].

Страна, только что вступившая в буржуазно-капиталистическую эпоху, быстро меняла свой облик. Достаточно назвать лишь несколько реформ, осуществленных незадолго до его приезда. В 1872 г. был отменен закон на куплю-продажу земли (установленный в 1643 г.), введено всеобщее обяза-

тельное начальное образование для детей обоего пола, открыта телеграфная линия между двумя столичными городами (Токио—Киото), была проложена железная дорога Токио—Йокогама (28,8 км), вступила в строй шелкомотальная фабрика в Томиока, принят декрет о всеобщей воинской повинности. В 1873 г. с 1 января Япония перешла на григорианский (солнечный) календарь, в Токио был создан первый «национальный банк» торговыми домами Оно и Мицуи, принят закон о реформе земельного налога, основан пороховой завод в Итабаси... Приглашено, отмечал Л. И. Мечников, «до трехсот иностранных учителей, которым ежегодно выплачивается полтора миллиона долларов»; власти «не останавливаются перед издержками» [119, 1884, № 315].

Л. Мечников отмечал похвальное стремление Японии лучше познакомиться с Россией. «Правительство, — писал он, — не только содержит в Петербурге многочисленное посольство, посылает туда своих студентов, но и заводит у себя три школы русского языка; одну в нынешней столице Токио или Иедо, предназначенную более или менее специально для приготовления переводчиков министерству иностранных дел, другую в Хакодате, содержимую за счет министерства колоний (Кайтакуси), и третью в Нагасаки (где, между прочим, вследствие частого привала русских военных судов образовалась уже целая деревня, жители которой от мала до велика все говорили или, по крайней мере, понимали по-русски). Надо заметить, что в столице существует еще самостоятельная школа русских миссионеров, постоянно имеющая полный комплект учеников, и конечно, не интерес религиозной пропаганды привлекает туда японское юношество» [117, с. 137].

На пятом-шестом году Мэйдзи, когда Л. И. Мечников находился в Японии, он, естественно, исходил из чисто интуитивных оценок, ведь историческая дистанция от переворота 1868 г. была еще крайне мала. Значение тех событий выяснялось последующими учеными многие десятилетия. Ныне известно, что наряду с грандиозными преобразованиями длительное время сохранялись и пережитки феодализма; именно это послужило основанием для советских историков квалифицировать события Мэйдзи как «незавершенную буржуазную революцию» [143, с. 187].

Едва ли не первым из западных авторов Л. И. Мечников указал на закономерность происшедшей революции, на то, что она явилась результатом внутреннего развития. Большинство наблюдателей в то время считало, что она спровоцирована вторжением Запада. Л. И. Мечников же находил, что процессы брожения наблюдались в Японии начиная с 40-х

годов (период Тэмпо). Как прямую предтечу Мэйдзи он рассматривал голодный бунт в г. Осака (1837 г.), подавленный правительственными войсками. Бунтующие выдвигали обвинения не только против торговцев и ростовщиков, взвинтивших цены на рис, но и против сёгуната, который поддерживал их привилегии. Ко второй половине столетия, писал Л. И. Мечников, феодальная система себя изжила; сословные перегородки обветшали, ослабла некогда грозная власть сёгуна — верховного военного правителя.

Позитивная в целом оценка происходящих перемен не помешала Л. И. Мечникову увидеть и больные места тогдашнего общества: неудовлетворенность крестьянства, чрезмерную централизацию управления, бюрократизм. Многолетний опыт участия в освободительных движениях ряда стран способствовал его проницательному взгляду на общественные процессы.

Подмечен свойственный тому поколению японцев комплекс неполноценности по отношению к европейцам (кстати сказать, сменившийся в наше время едва ли не на свою противоположность). С другой стороны, писал Л. И. Мечников, они уверены в своем превосходстве над другими народами Азии. Подобную психологическую комбинацию автор считал опасной, способной со временем обернуться политикой экспансии. Остается лишь отдать должное дальновидности его прогнозов, имея в виду последующую агрессию против Китая, Кореи и других стран-соседей.

«Станет ли Япония во главе возрождения остального Востока или нет? — на этот вопрос ответит время, но ее не могут более игнорировать цивилизованные нации, не могут и не должны пренебрегать ее настоящим и будущим значением» [119, 1884, № 313]. И эти слова также оказались пророческими.

Итогом наблюдений Л. И. Мечникова в Японии явилась монография объемом в семьсот страниц. Она вышла в Женеве (1881 г.) на французском языке и была иллюстрирована рисунками автора [290]. Загадочно название издательства: Ацумэ-гуса. Оно звучит как японское словосочетание «Сборные травы», хотя, по сведениям историка Ватанабэ Масадзи, содержал это книгоиздательское предприятие вовсе не японец, а швейцарский итальянец.

«Японская империя» состоит из трех частей: «Государство», «История», «Народ»; сам автор называл ее этнографическим и историческим сочинением. Энциклопедическое содержание книги вполне закономерно при тогдашней скудости сведений о Японии на Западе. Рассматриваются геогра-

фическое положение, климат, растительный и животный мир, население, его язык и обычаи. Читатель узнает об административном делении территории. Крупным планом представлены те районы Японии, где автору довелось побывать лично, например провинция Нагато (по современному делению входит в преф. Ямагути). При наличии детальных сведений о той или иной местности сообщается численность ее населения, характерные промыслы и ремесла, перечисляются названия уездов, селений.

Описывая огромный Токио, Л. И. Мечников указывал на особенности отдельных его частей. Асакуса (на северо-востоке города) он называет ярмарочным кварталом, где день и ночь развлекаются и торгуют, Сиба (район, примыкающий к Токийскому заливу) — царством культовых сооружений. Описана пышность расположенных там буддийских храмов и архитектурная простота синтоистских кумирен (о-мия).

Антропологическое разнообразие человеческих лиц Л. И. Мечников объяснял тем, что японский народ формировался из многих элементов, включая монгольских и полинезийских предков. «Новейшие исследования японской национальности не оставляют никакого сомнения насчет того, что она в антропологическом отношении составляет промежуточное звено этих двух больших отделов современного человечества», — писал он [290, с. 17] [24].

Л. И. Мечников считал, что европейцам недостает понимания Японии «изнутри», что они ошибочно рассматривают ее «исключительно через китайскую призму». Изучая страну на месте, он твердо понял, что слагаемые ее культуры разнообразны, а островное положение (как и в Англии) способствовало тому, что из многих элементов формировалось неповторимое целое. Вслед за ним В. С. Соловьев называет японскую цивилизацию «оригинальной» и вместе с тем отмечает, что своим развитием она обязана «образовательному влиянию чуждых начал», в судьбах японского народа философ находил «указания, важные для общего взгляда на всемирную историю». Оба ученых пришли в общем к единому выводу: изоляция любого этноса ведет к «утрате энергии жизни», контакты же способствуют расцвету. Япония достигла нынешнего уровня развития в значительной мере благодаря тому, что покончила с самоизоляцией и стала вбирать все лучшее, что создало человечество.

«Японская империя» — чрезвычайно информативная для своего времени книга. Л. И. Мечников реализовал себя в ней как ученый, как эмоциональный стилист и еще как художник-график. Им зарисованы представители разных сословий

(крестьянин, самурай, торговец), показаны жанровые сценки (приветствия, поклоны), запечатлены контуры культовых сооружений (усыпальницы сёгунов в токийском квартале Сиба, уникальные храмы горного местечка Никко, о котором сказано в японской пословице: «Не видел Никко — не говори „восхитительно!"». Главы и подглавки книги отделяются друг от друга виньетками, заставками, которые изображают морских коньков, птиц, мифологических персонажей. По манере рисунка они напоминают скульптурные миниатюры нэцкэ. Автором тщательно вычерчено и приложено к работе несколько географических карт.

Сочинение, полное научных и художественных достоинств, наших отечественных издателей не заинтересовало. На русский язык оно никогда не переводилось и на родине автора не печаталось.

Уже после смерти Л. И. Мечникова, в 1889 г., в России вышла другая, последняя его книга «Цивилизация и великие исторические реки» [121]. Ввиду болезни автора монография осталась незаконченной, завершал ее — согласно воле ученого — его друг Элизе Реклю[25].

«Цивилизация и великие исторические реки» повествует о древних колыбелях человеческой культуры в бассейнах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы. В то время, когда среди европейских ученых еще господствовал взгляд на Азию как на символ отсталости, Л. И. Мечников раскрывал исключительное значение азиатских народов в истории жителей Земли.

Согласно его концепции, существовало три ступени цивилизации: речная (с нею соотносится деспотизм), морская (феодализм), океаническая (с которой он связывает «свободный федеративный строй», т. е. анархию). Япония причислялась им к «морским нациям», которые, по его мнению, наделены особым динамизмом.

Напоминая, что первые очаги человеческого общежития складывались в Ассирии, Индии, Китае, Л. И. Мечников преодолевал ограниченность европоцентристских воззрений, согласно которым с Востоком связывали отсталость, с Западом же — прогресс. Опровержение установившихся стереотипов явилось на том историческом этапе несомненным вкладом Л. И. Мечникова в научное представление о развитии мира.

Г. В. Плеханов в рецензии «О книге Л. И. Мечникова „Цивилизации и великие исторические реки"» писал: «Нисколько не преувеличивая дела, можно сказать, что книга Л. И. Мечникова затрагивает самые основные вопросы философии истории и для некоторых из них дает вполне удовле-

творительное решение. Кроме того, она положительно изобилует чрезвычайно меткими замечаниями по частным, второстепенным вопросам науки, и нужно было бы только изложить эти замечания в более систематической форме, чтобы еще более обогатить содержание книги. Вероятно, автор и сделал бы это, если бы смерть не унесла его так преждевременно в могилу» [156, с. 2].

Неполные два года пребывания в Японии позволили Л. И. Мечникову собрать материалы для двух десятков востоковедных работ. В них содержалась разнообразная информация о Японии, раскрывалась панорама ее исторического пути, современного развития и прогнозы на будущее. В статье «Эра просвещения Японии» он расценивал революцию 1868 г. и последовавшие за ней преобразования как «полный и радикальный переворот, какой мы только знаем в истории» [117, с. 133].

Ныне, в конце XX в., нередко встает вопрос о причинах «японского чуда». Разбитая во второй мировой войне страна за два-три десятилетия восстала из пепла. Сожженный американскими бомбежками Токио, как птица-феникс, взмыл в небо высотными зданиями. Небольшая территория и отсутствие полезных ископаемых не помешали Японии выйти в авангард развитых держав мира, в том числе и по уровню обеспеченности (потеснив в этом отношении даже США). Наконец, первое место занято ею по средней продолжительности человеческой жизни!

Читая Л. И. Мечникова, мы видим, что предпосылки подобного взлета открывались наблюдательному взгляду уже в 70-е годы прошлого века. При сравнении с Ближним Востоком, где он бывал ранее, отмечено, что если Турция «окаменела в своем застое», то Япония демонстрирует «быстрое и цветущее возрождение народа». Понять загадочный феномен ему помогло, в частности, изучение постановки народного образования [312, 1884, № 280].

Находясь в Токио, Л. И. Мечников наблюдал жадную любознательность японцев. «Самые заклятые староверы, как Мито или Симадзу, князь сацумский, не только признают несомненные преимущества европейского вооружения, судоходства и т. п., но заводят даже в своих владениях школы иностранных языков, медицинские, инженерные и пр.» [118, с. 254].

Моментом, способствовавшим активности нации, Л. И. Мечников считал присущий ей — несмотря на соблюдение религиозных традиций — рационализм. «Сверхъестественное и фантастическое давно уже перестало играть сколько-нибудь

существенную роль в народном мировоззрении японцев. Их многочисленные буддийские святые и синтоистские духи (ками) давно уже перестали быть предметом веры... а стали героями детских сказок. Образованные классы приучены конфуцианством к логическому анализу, они чужды метафизике и ценят один только путь[26]» [118, с. 273]. В отличие от фанатичных мусульман, отвергающих все иноверное, японцы без особых предрассудков впитывают иноземные знания, считает Л. И. Мечников. Вполне можно согласиться с ним в этом, разве что добавить: впитывая чужое, они не утрачивали и своих ценностей, накопленных вековой мудростью. Последнее обстоятельство тоже немало способствовало успеху.

Впрочем, и эта мысль подтверждается у Л. И. Мечникова. Японцы, писал он, «не падают ниц перед внезапно открывшеюся перед ними западною цивилизацией, не отказываются ввиду ее от всяких самобытных и национальных требований, а сознательно хотят усвоить несомненные преимущества этой цивилизации, сделать их своим национальным достоянием» [117, с. 164].

Призывая откинуть предвзятость и высокомерие по отношению к «азиатам», ученый призывал европейцев «идти в их среду другом».

Многое из написанного Л. И. Мечниковым столетие назад оказывается верным и поныне. Устарела разве что его уверенность в особой защищенности японцев благодаря их островному положению. В век сверхзвуковых самолетов и межконтинентальных ракет подобное преимущество стало эфемерным.

Советские историки не прошли мимо яркой биографии Л. И. Мечникова, подвергались рассмотрению и его социологические взгляды (см. список литературы). Следы же его пребывания в Японии для наших читателей практически затерялись. Японские исследователи отдают должное его роли педагога в Токио и его наблюдениям, сделанным в стране. Профессор университета Досися (Киото) Ватанабэ Масадзи заканчивает о нем монографию. По ироничному замечанию Ватанабэ, суждения Мечникова приятно щекочут самолюбие некоторых японцев, поскольку русский ученый утверждал если не превосходство японской цивилизации над западной, то во всяком случае считал невозможным говорить применительно к ней об «азиатском застое». Ватанабэ Масадзи призывает своих соотечественников не терять самокритичности, сохраняя по крайней мере чувство исторической дистанции.

«Пойдите на литературное отделение[1] и спросите, кто из профессоров здесь самая яркая личность. Девяносто студентов из ста назовут вам фон Кебера и лишь потом, может быть, вспомнят преподавателей-японцев» [252, с. 277]. Слова эти сказаны Нацумэ Сосэки (1867—1916) — признанным писателем-классиком начала века. Другой известный литератор, Арисима Такэо (1878—1923), заметил: «Недавно прочитал „Миниатюры" Кебера[2]; чувствуется неординарная фигура, выдающаяся среди иностранцев в мэйдзийской Японии» [210, с. 11]. Брат писателя — художник Арисима Икума (1882—1974) написал с Кебера портрет маслом. Встречался с ним и Акутагава Рюноскэ (1892—1927), учившийся в Императорском университете; воспоминание о Кебере содержится в его очерке «В ту пору у Красных ворот» («Соно коро-но акамон сэйкацу»)[3].

Кто же этот человек, заслуживший уважение и память крупнейших деятелей японской культуры?

Рафаил Августович Кебер (1848—1923) родился на Волге, в Нижнем Новгороде. Его отец, чиновник в чине тайного советника, был обрусевший немец, мать — русская. По окончании нижегородской гимназии Р. А. Кебер учился в Московской консерватории по классу фортепьяно, где его ближайшим наставником являлся Клиндворт[4]. Среди учителей ему посчастливилось иметь П. И. Чайковского (по композиции)[5] и Н. Г. Рубинштейна.

Успешно завершив консерваторский курс в 1872 г., Кебер решил не вступать на поприще профессионального музыканта. Вместе с товарищем, скрипачом М. Давыдовым, он отправился в Германию, где сначала в Иенском, а затем в Гейдельбергском университете (под руководством Куно Фишера) получил философское образование. Его дипломная работа посвящалась «свободе человека в трактовке Шеллинга».

Япония той поры крайне нуждалась в западных специалистах. Аоки Сюдзо (1844—1914), тогдашний посол в Берлине, искал среди ученых тех, кто мог бы поехать в Токио. На его запрос о преподавателе философии для Императорского университета[6] профессор Э.-К. Гартман (1842—1906), автор «Философии подсознательного» и оригинальной эстетической теории, рекомендовал одного из своих бывших учеников. Р. А. Кебер принял предложение и таким образом в 1893 г. оказался в японской столице.

Императорский университет (Тэйкоку дайгаку), ведущее учебное заведение страны, с самого своего основания (1877 г.)

предусматривался как кузница кадров для государственного аппарата и столичных учреждений. Первоначально в нем действовали четыре факультета: юридический, естественных наук, медицинский, гуманитарный. Р. А. Кебера определили на последний.

Деканом в ту пору был известный философ Иноуэ Тэцудзиро (1854—1944). Штат преподавателей в значительной мере заполняли европейцы и американцы. Еще в 1873 г. приглашенный из США консультант Дэвид Мурри (1830—1905) выработал комплекс рекомендаций для постановки народного образования. По его совету английский язык стали преподавать даже в начальных школах. Министр просвещения Мори Аринори настолько увлекся европеизацией, что предлагал соотечественникам даже и вовсе перейти на английский язык. До такого абсурда дело не дошло, но в высших учебных заведениях английский, приобретавший уже тогда статус международного языка, широко применялся. С ним пришел к студентам и Р. А. Кебер, не знавший по-японски ни слова.

В стенах университета работало немало выдающихся ученых, преданных делу просвещения. Под руководством Дж. Кондера (1852—1920) окончили Имперский университет первые японские архитекторы. В 1880-х годах по проектам этого английского специалиста строился ряд учебных корпусов в стиле псевдоготики.

Сорок лет (с 1873 г.) трудился в Японии англичанин Б.-Х. Чемберлен (1850—1935), владевший десятью языками. Он не только преподавал, но и занимался японской филологией. Наиболее значительной его работой явился английский перевод (и комментарии) письменного памятника VIII в. «Кодзики» («Запись о делах древности»).

Кафедру английской литературы в течение ряда лет возглавлял Лафкадио Хёрн (1850—1904), родом из Греции. В Имперском университете Хёрн начал работать через три года после приезда Р. А. Кебера. Он женился на японке, принял гражданство и фамилию жены (1896 г.) и остался в полюбившейся стране навсегда. Книги Коидзуми Якумо (таково японское имя Хёрна) — «Сердце», «Облик неведомой Японии», «С Востока», «Япония. Попытка интерпретации».

Немецкий язык преподавал Карл-Адольф Флоренц (1865—1933) из Лейпцига. Его фундаментальная «История японской литературы» охватывает время от древности до 1900 г., до недавних пор она являлась лучшим европейским пособием по своему предмету. Флоренц составлял также комментарий к «Нихон сёки» («Древние японские анналы»).

На медицинском факультете долгое время работал Эрвин Бёльц (1849—1913). Примечательную сторону деятельности доктора Бёльца составлял самоотверженный труд в очагах эпидемических заболеваний — холеры, тифа, черной оспы. Бёльца чрезвычайно интересовал японский «этикет ухода из жизни». В своем трактате «О презрении японцев к смерти» он исследовал психологию уникальных обычаев самоубийства.

На ранних стадиях капиталистического развития помощью иностранцев пользовались многие азиатские страны. Мэйдзийское правительство, энергично взявшееся за ликвидацию отсталости Японии, делало это с особым размахом. Тем не менее «европейское просвещение» поначалу внедрялось с трудом. Наряду с подлинными подвижниками науки к японским берегам прибивало немало случайных людей.

Л. И. Мечников по прибытии в Токио (1874 г.) заметил: «Насчитывая в числе своих профессоров нескольких европейских и американских ученых знаменитостей, университет этот страдал всего более от невозможности, так сказать, привести хотя сколько-нибудь уровень своего преподавания к одному знаменателю. Знаменитости стоили страшных денег и к тому же не встречались на каждом шагу, а потому приходилось, рядом с бывшим директором гамбургского Зоологического сада, профессором Рильгендорфом, читавшим зоологию, встречать на кафедре физиологии какого-то полинявшего американского миссионера» [312, 1885, № 98].

Постановка образования оставляла желать лучшего. И двадцать лет спустя французский юрист Генрих Дюмоллар, работавший в Имперском университете в последние годы прошлого века (1897—1899), жаловался на поверхностные знания учащихся. «Из 2 476 студентов Токийского университета, слушавших лекции в 1900 году, можно было по пальцам пересчитать тех, которые знали французский, немецкий или английский языки настолько хорошо, чтобы ими практически пользоваться» [56, с. 199—200].

Долгие десятилетия потребовались для того, чтобы японцы начали приемлемо произносить несвойственные их родной речи звуки, чтобы они пошли дальше простого перечисления громких европейских имен, чтобы их учебники перестали перепечатывать наивные анекдоты из европейских хрестоматий.

Художественная литература начала века запечатлела жадное любопытство к западной культуре. Мори Огай в повести «Юноша» («Сэйнэн», 1911 г.) рассказывал о токийских студентах, их споры вращались вокруг имен Руссо, Золя, Иб-

сена, Толстого, Ницше. Наряду с большой любознательностью Мори Огай показал и большую путаницу в умах молодежи. «На японской почве, — писал он, — все становится маленьким. Толстой стал маленьким, Ницше стал маленьким... Мы, японцы, импортируем различные „измы", жонглируем ими и при этом как будто подмигиваем...» [234, с. 179].

С появлением Р. А. Кебера в Имперском университете был впервые поставлен систематический курс лекций по западной философии, началось преподавание древнегреческого и латыни. На его семинарах читались подлинные тексты античных авторов — Гомера, Горация, Вергилия, Овидия. С Кантом и Гегелем, с Гете («Фауст») и Лессингом («Натан Мудрый») его студенты знакомились по немецким оригиналам.

Занятия, как уже говорилось, велись на английском. По воспоминаниям Кубо Цутому, несколько замедленная манера речи, свойственная Кеберу, нравилась учащимся, его понимали лучше, нежели скороговорку природных англичан или американцев.

Р. А. Кебер явился в Токио во всеоружии разносторонней образованности. Русским, немецким и французским языками он владел как родными, говорил и читал по-итальянски. В 1904—1905 гг. он, между прочим, наряду с работой в Имперском университете вел уроки русского в Токийской школе иностранных языков. Не осталась втуне и консерваторская выучка. В училище Уэно он (с 1898 г.) преподавал историю музыки и руководил классом фортепиано. Подготовленные им музыкантши Татибана Итоэ[7], Кода Сати и Камбэ Аяко учились потом за границей и получили профессорские звания.

Как взыскательный педагог Р. А. Кебер запечатлен в романе Арисима Такэо «Женщина» («Ару онна», 1919 г.). Героиня этого произведения Сацуки Йоко поступила в училище Уэно и «через каких-нибудь два месяца поразила всех своими успехами и заставила говорить о себе и учителей и учащихся. Один только профессор Кебер слушал ее с кислым видом и однажды сказал ей сухо: „У вас есть способности, но нет таланта". — „В самом деле?" — беспечно воскликнула Йоко. Скрипка полетела в окно, а Йоко навсегда покинула музыкальную школу» [12, с. 11].

Р. А. Кебер любил музицировать для себя, вечерами из его окон доносились звуки фортепьяно. Случались и публичные выступления на благотворительных концертах. Современники запомнили его появление в молодежном клубе Канда, в Центральном зале Хонго. Одухотворенно исполнялись

пьесы Шумана, вариации Листа на темы русских народных песен. «Божественным пианистом» назвал его Лафкадио Хёрн в одном из писем.

В училище Уэно Р. А. Кебер осуществил первую в Японии оперную постановку (1903 г.) — инсценировал оперу «Орфей» Глюка[8]. Нередко он водил своих учеников на Суругадай — послушать церковное пение в Николаевский собор, красиво звучавший многоголосый хор был для японцев в новинку.

Общение с молодежью составляло главный талант Кебера, он верил в древний принцип «уча учиться». Студенты бывали у него дома, некоторые жили в его квартире годами, как, например, Фукуда Ясукадзу[9].

Преданные ученики заменяли Кеберу семью, избавляли от одиночества на чужбине. Из его ближайших друзей можно назвать Г. Львовского — регента Николаевского собора. Выходец с Украины, Львовский был обладателем хорошего тенора и веселый собеседник, за воскресным столом они вели нескончаемые разговоры; японцы, жившие в доме, называли Львовского «дьякон-сан».

Полностью поглощенный любимой работой, погруженный в мир философии, литературы, музыки, Р. А. Кебер отличался домоседством, не придавал значения «мельканию пейзажей». Двадцать один год он прожил в Токио неподалеку от православной миссии. Последние девять лет — в соседнем городе Йокогаме; кроме этого, практически никуда не ездил. Рассказывают, что однажды его с трудом уговорили посетить Никко — знаменитый природными и архитектурными красотами национальный парк в 120 км севернее столицы. Его должен был сопровождать студент, который по какой-то причине немного опоздал к условленному часу. Выждав точное время, Р. А. Кебер со вздохом облегчения вернулся с вокзала домой — к своим книгам. «Книгу он выпускал из рук только в двух случаях: когда обедал или играл на фортепьяно», — вспоминает Кубо Цутому, 12 лет проживший в доме Кебера на правах ученика и помощника по хозяйству [232, с. 365].

Один из биографов сравнивал Р. А. Кебера с деревом, которое прочно укореняется на одном месте. Во всем проявлялось постоянство его натуры. За тридцать лет пребывания в Японии он лечился только у двух врачей — Э. Бёльца и Миура Морихару[10]. Семнадцать лет носил одно пальто, пока оно не позеленело от старости. Жалованье предпочитал тратить не на вещи, а на книги, на помощь нуждающимся студентам.

По неприхотливости в быту Р. А. Кебера сравнивали с великим физиком А. Эйнштейном; последний, судя по ходившим вокруг него легендам, отвергал даже услуги парикмахера. Аскетическая скромность сочеталась в Р. А. Кебере с умением радоваться простым дарам жизни — рюмке красного вина, дружескому застолью. Кубо Цутому вспоминал его как гостеприимного хозяина и человека, снисходительного к чужим слабостям. Внушая молодежи идеалы добра и красоты, пишет Кубо Цутому, он всегда первым подавал пример служения высшим человеческим ценностям. «Учителю мы обязаны не только знаниями, воздействовала сама его личность, что особенно глубоко западает в душу» [232, с. 368].

Многие из питомцев Р. А. Кебера играли впоследствии видную роль в различных областях японской культуры. Крупный философ-идеалист Нисида Китаро (1870—1945) оставил благодарные «Воспоминания об учителе Кебере» («Кэбэр-сэнсэй-но цуйкай», 1924 г.). Авторитет в области конфуцианства, член Академии наук Иноуэ Тэцудзиро (1854—1944) написал «Заметки о Феноллозе [11] и Кебере» («Фэнороза оёби Кэбэру си-но котодомо», 1924 г.). Обстоятельный очерк принадлежит этнографу и культурологу Вацудзи Тэцуро (1889—1960).

У Р. А. Кебера учились: Уэда Бин (1874—1916) — переводчик Данте, французской и русской литературы; Такаяма Тёгю (1871—1902) — критик и публицист, имя которого не сходило со страниц ведущих журналов периода Мэйдзи («Тайъё», «Тэйкоку бунгаку»). Называют еще ряд учеников, преуспевших в распространении европейского просвещения: Уодзуми Кагэо, Абэ Дзиро, Абэ Ёсинари, Миямото Кадзукити, Ито Катиноскэ, Куваки Гэн, Анэсаки Масахару, Такаяма Риндзиро, Окано Ёсисабуро, Окада Тэцудзо, Хатано Сэйити, Ёсида Кумадзи, Ниси Гэнъитиро, Сайто Сисаку, Исихара Кэн, Танака Хидэо... [232, с. 368].

Идэ Такаси (1892—1980) — специалист по античной философии и переводчик Энгельса — окончил Имперский университет в 1917 г. К этому времени Р. А. Кебер уже ушел в отставку, так что Идэ слушал его лишь студентом первого курса. В очерке «Мой Кебер» Идэ Такаси вспоминал вводную лекцию по западной философии: «В то время моих познаний хватало лишь на то, чтобы переписывать в тетрадку греческие и латинские фразы, которые учитель демонстрировал на грифельной доске». Позднее Идэ Такаси осознал, как много значило для него даже недолгое соприкосновение с этой выдающейся личностью. «Учитель занял в моей душе

место рядом с бессмертными корифеями — Платоном, Гёте» [224, с. 247—256].

По истечении договорного срока (да и по возрасту) Р. А. Кебер оставил университет. После этого дальнейшее пребывание в Токио словно бы утратило для него смысл. Созрело нелегкое при его характере решение об отъезде. «Вы можете спросить, почему при всей привязанности к Японии и японцам я все-таки вознамерился вернуться в Европу? Никаких преимуществ по существу там нет, просто в моем возрасте тянет к прошлому. Ничего особенно заманчивого, разве что повидать перед смертью дорогие когда-то места...» [233, с. 295].

Уже была зарезервирована каюта на рейс Йокогама — Марсель. Примечательно, что Кебер нарочно выбрал самое медленное полугрузовое судно, чтобы путешествие длилось как можно дольше. Торопиться ему было некуда. Предполагал навестить давнего приятеля Михаила Давыдова, обосновавшегося в Париже, собирался проехать в Германию. В Списке иностранцев, состоящих на службе в Японии (Ятои гайкокудзин мэйбо), Р. А. Кебер значился как подданный России, на выезд во Францию и далее требовалась виза российского представительства [261, с. 9].

В ожидании своего рейса он гостил у А. К. Вильма [12] — русского консула в Йокогаме (1911—1925 гг.).

Шел июль 1914 г. В Европе разразилась первая мировая война. Направляться в те края именно сейчас было по меньшей мере рискованно. Р. А. Кебер, естественно, отложил отъезд. Похоже, что он даже вздохнул с облегчением, как много лет назад, когда отказался от экскурсии в Никко. Да и в самом деле, стоило ли после трех десятилетий безвыездной жизни в Японии плыть на старости лет в никуда?

Он оставался в Йокогаме до конца своих дней. Эти последние девять лет, сколько позволяло здоровье, занимался литературным трудом. Написал эссеистическую книгу, которая так понравилась Арисима Такэо; писал статьи и очерки о древнегреческом эпосе, о любимых философах (Кант, Шопенгауэр, Ницше), о музыкантах — статьи печатались в журналах «Тэйкоку бунгаку» («Имперская литература»), «Ситё» («Мысль»). С удовольствием гулял по морскому побережью «со скоростью улитки». В доме у А. К. Вильма ему было уютно.

Жизненный круг Р. А. Кебера — от Нижнего Новгорода до территории российского консульства в Йокогаме — завершился в 75 лет. Похоронили его на токийском кладбище Дзосигая неподалеку от могилы Нацумэ Сосэки.

Из опубликованного в Японии литературного наследия заслуживают внимания «Миниатюры Кебера» (в трех томах), они содержат разнообразные наблюдения и мысли. Наиболее интересны для нас страницы, где отражен сложившийся в его душе образ Японии.

«Посмотрите на японцев во время цветения сакуры, — пишет он. — В эти мимолетные дни весны особенно проявляется их склонность к элегии. Национальным цветком стала не стойкая хризантема, а именно вишня-сакура, ее недолговечные лепестки олицетворяют быстротечность юности и самого нашего существования» [233, с. 284].

Остроумны, хотя и вполне патриархальны его суждения о японках. «Японские женщины. Сколько мне позволено судить, у них масса достоинств сравнительно с европейскими. Главное из достоинств состоит в том, что они понимают: природа и общество предназначили им отличаться от мужчин. Японки не так стремятся „выглядеть дамами", как быть женами и хозяйками... Что нравится мне в японках, отчего общение с ними легко и приятно? Им не свойственны жеманство, кокетство и нет ни малейшего поползновения повышать голос, оказывать давление. Это бесценные качества; в Европе, особенно в России, они встречаются крайне редко» [233, с. 294].

Кебер отмечает достойную скромность японцев в одежде и убранстве жилищ. «Усовершенствовать японский наряд? Ну разве что прибавить к нему мягкую шляпу. Японцы элегантны от природы, даже поступь рикши отмечена врожденным изяществом. Право, грешно убивать эти свойства современной европейской безвкусицей...» [233, с. 284]. По справедливому замечанию Кебера, даже лучшая европейская мебель выглядит нелепостью в японском доме. Подобно влюбленному в Японию Лафкадио Хёрну, он оценивает эстетический вкус японцев как безошибочный эталон. «Из ведомых мне картин или стихов я отдаю предпочтение тем, что полностью самобытны. Прекрасны творения истинно национальные, без чужеземных влияний. Веера, ширмы, изделия из фарфора — более изысканных вещей я просто не знаю» [233, с. 290]. Традиционная эстетика заслуживает бережного сохранения, считает Кебер [13].

Поверхностная европеизация способна исказить исконные этические нормы, пишет автор «Миниатюр». Добрые патриархальные нравы сохранились нынче лишь где-нибудь в глуши — среди рыбаков и крестьян. Ученых старого закала (таким ему запомнился Хамао Дан — ректор времен его появления в Токио) отличала мудрая простота. Поколение же,

«успевшее отхлебнуть из чаши европеизма», нередко грешит суетностью, тщеславием. Один из младших коллег по факультету, не блещущий начитанностью, любит демонстрировать изобилие книг в своем кабинете. Другой разглагольствует о руководимых им «семинарах», «своей лаборатории», хотя все это не отличается серьезностью.

Недавно, пишет Кебер, ради постройки казенного здания на территории университета пустили под топор вековые вязы. Деревья он называет «нашими братьями», их уничтожение приравнивает к убийству [233, с. 268].

Р. А. Кебер критически оценивает постановку учебного процесса в университете. Головы учащихся забиты информацией, к самостоятельной же мысли их не приучают. Экзамены превратились в самоцель, во время сессии всюду несчастные лица. Студенты заболевают нервными расстройствами, порою доходят до самоубийства. «Передо мной прошли сотни молодых людей, они поступали в университет и оканчивали его. Часть из них становилась преподавателями и предъявляла к ученикам точно такие же требования, какие в свое время предъявлялись к ним» [233, с. 288].

В своих сочинениях, писал Кебер, современные японцы руководствуются принципом «multa», т. е. лишь бы всего побольше; обилие иностранных имен и цитат кажется им несомненным признаком учености. Некий коллега, побывав за границей, представил необъятную программу лекций по западной культуре; Кебер иронически назвал ее «памятник себе нерукотворный». Он призывал направлять образование не вширь, но вглубь — по принципу «multum non multa» (немногим [сказать] о многом). Конечно, человек, впитавший в себя лучшие достижения европейской культуры, не мог обвинять саму по себе европеизацию, на путь которой встали японцы. Протест вызывала поверхностность ее восприятия. Фундаментом добротного гуманитарного образования он считал античную философию и литературу, которые предлагал изучать на всех курсах университета. Без этих основ, считал он, невозможно подлинное усвоение западной культуры.

На выход в свет книги Кебера оперативно отозвался Арисима Такэо. В своей рецензии «Собрание миниатюр профессора Кебера» («Кэбэру хакуси сёхинсю», 1920 г.) писатель вспоминал слова автора, относящиеся к старым ученым: «По-настоящему знающие, свободные от амбиций, от погони за внешним успехом и от какого бы то ни было комедиантства, они не претендовали ни на что иное, чем действительно владели». По мнению Арисима Такэо, указанные достоинства вполне могли составить портрет самого Р. А. Кебера. «Поис-

тине профессор (я рад, что в данном случае этот титул может быть употреблен без лести или насмешки) — один из немногих людей, достойных подобной оценки» [210, с. 153]. Арисима горячо рекомендовал «Миниатюры» японским читателям: «Вероятно, никто из иностранцев в Японии периода Мэйдзи не чувствовал нашу культуру так, как чувствовал ее Кебер (не делаю исключения даже для Феноллозы и Л. Хёрна), Пожелаем же ему доброго здоровья и благополучия» [210, с. 155—156].

Отдельного разговора заслуживают контакты между Р. А. Кебером и Нацумэ Сосэки. Известный писатель был тесным образом связан с Императорским университетом — сначала как его питомец, потом как глава кафедры английской литературы (после смерти Л. Хёрна в 1904 г.). Да и большинство романов Сосэки (а всего их написано 15) посвящены миру интеллигентов начала века; их действие часто привязано к кварталу Хонго, где раскинулись университетские корпуса «За красными воротами».

С Р. А. Кебером Сосэки познакомился еще будучи аспирантом; отношения продолжались и после того, как они стали коллегами-преподавателями. Об одной из встреч рассказывается в очерке «Учитель Кебер» («Кэбэру сэнсэй», 1911 г.).

Впервые посетив уважаемого профессора в домашней обстановке, Сосэки был удивлен необычайной скромностью его быта. Само здание, где он жил, поражало «стародавней ветхостью». Выразительной деталью внутреннего убранства показался писателю кусок пестрой материи на обеденном столе. Судя по специфическому рисунку, эта ткань осталась от починки матраца-футона, и она-то служила «вместо белой скатерти, которую европейцы считают непременной»! Во всех углах громоздились книги, причем видно было, что они «работали», а не просто «сверкали золотыми тиснениями». Хозяин встретил гостя в непритязательной тужурке, отчего Сосэки сразу почувствовал неуместным свой официальный костюм.

Передавая содержание беседы, Сосэки пишет: «Спросил профессора, не тоскливо ли ему на чужбине; он ответил, что ничуть не скучает. Спросил, не возникает ли желание вернуться на Запад; он ответил: не столь там и прекрасно; если чего и не хватает в Японии, то разве что концертов, театров... Вот уже восемнадцать лет учитель спокойно живет в нашей стране... Словно ожившая греческая скульптура, он невозмутимо шагает по дымному городу. Обутый в мягкие кожаные сандалии, вроде тех, что носили древние корейцы,

он не скребет тротуары гвоздями, а мягко ступает вдоль трамвайных линий» [252, с. 277].

Р. А. Кебер представлен как человек, отрешенный от грубой действительности и устремленный к высшим ценностям духа. Его лирический портрет приобретает законченность благодаря выразительному сравнению. Сосэки рассказывает, что профессор долгое время держал ручного ворона, птица свободно летала по дому и саду, пока однажды не погибла, просидев студеную ночь на сосне.

> На голой ветке
> Ворон сидит одиноко.
> Осенний ветер

— сказано в трехстрочном стихотворении — хайку средневекового поэта Басё. Поэзия Басё особенно близка мироощущению Сосэки, и, вероятно, именно поэтому он чувствовал неуловимое родство Кебера с поэтическим образом одинокого ворона. Но Басё у Сосэки как бы в подтексте, прямо же он вспоминает в очерке стихотворение «Ворон» Эдгара По. Герой американского романтика тоскует об умершей возлюбленной; скорбное «Никогда!» повторяется у него в конце каждой строфы.

> ...«Потерпи, придет забвенье, ведь всему своя чреда».
> Ворон каркнул: «Никогда!»
> ...«И затянет рану в сердце, словно мертвая вода».
> Ворон каркнул: «Никогда!»
> ...«Встречусь ли, когда земная кончится моя страда?»
> Ворон каркнул: «Никогда!»

Сосэки хорошо запомнил однажды сказанное Кебером: если, мол, он уедет из Японии, то не вернется никогда.

Цепь грустных ассоциаций, навеваемых очерком, отражает, конечно, душевный склад самого Сосэки, расположенного к меланхолии. Аспирантом Сосэки командировали в Англию (1900—1902 гг.), там он испытывал болезненную ностальгию и потому сочувствовал Keберу, заброшенному судьбой в чужие края.

Прослеживается немало общего во взглядах Кебера и Сосэки на культурную ситуацию в стране; оба отмечали перекосы, порождаемые европеизацией. Сосэки в сатирическом романе «Ваш покорный слуга кот» («Вагахай-ва нэко дэ ару», 1905 г.) писал, что нынешние токийцы готовы нагишом бежать по городу — стоит им только сказать, что так принято в Париже. Подавленность, душевная угнетенность героев Сосэки нередко объяснялась именно натиском внешней, чу-

жой цивилизации. «Давление Запада мешает нам свободно мыслить и с пользой работать. Получив куцее образование, человек работает до полного изнеможения и в результате становится неврастеником» [130, с. 238]. Он свидетельствовал: «Человек находится под двойным гнетом: западной цивилизации и жестокой борьбы за существование» [130, с. 238]. Можно не сомневаться: такой чуткий писатель, каким был Сосэки, знал болевые точки своего поколения. На японцев обрушивалась лавина информации, подлинное постижение мировой культуры в короткий срок оказывалось затруднительным. Исконные же духовные ценности подвергались после революции Мэйдзи нигилистическому пересмотру, отчего возникал ощутимый вакуум.

Об «экзогенности» происходящих в стране перемен говорилось в лекции Нацумэ Сосэки «Расцвет современной японской цивилизации» («Гэндай нихон буммэй-но кайка», 1911 г.): «У себя дома европейская культура развивалась изнутри, в Японию же она хлынула извне. Внутренние побуждения обычно порождают естественные следствия, так расцветает цветок — лопается бутон, плавно раскрываются лепестки. И наоборот: процессы, спровоцированные экзогенными силами, приобретают черты искаженности, насильственности. Конечно, ни одно государство не обходится без контактов с соседями, без их влияния. С древних времен имела свои контакты и Япония: в старину она испытывала воздействие трех корейских царств [14], потом наступила эпоха Китая. Все эти веяния проникали в наши поры постепенно, на протяжении долгих лет. Потому и не воспринимались как чужеродные. Но вот после двух веков изоляции и закрытых портов к нам ворвалась Европа; и все существование японцев перевернулось коренным образом» [253, с. 15].

Сосэки указывал на поверхностность происходящей европеизации, на неоправданное увлечение ее материальными аспектами. Что даст нам, к примеру, стремительное развитие путей сообщения и связи? — вопрошает Сосэки. Там, где японцы прежде всего с успехом ходили собственными ногами, теперь норовят сесть на транспорт. Прежде они радостно встречались с друзьями, теперь же довольствуются холодным телефонным общением. Подобно Л. Н. Толстому, Нацумэ Сосэки считал, что «машинизация жизни» убивает в человеке духовность, т. е. самую его суть.

Еще менее обольщался материально-техническим прогрессом витавший в царстве духа идеалист Р. А. Кебер. Вспомним, что его любимым философом был Шопенгауэр, лейтмотив учения которого состоял в том, что прогресс — это снови-

дение XIX в., подобно тому как воскресение из мертвых было сновидением X в. «У каждого времени свои сны», — говорил он. Верхом карикатуры казался Р. А. Кеберу японец, облачившийся во фрак и цилиндр. Много нелепостей и случайностей видел он и в подходе к духовным заимствованиям, например в выборе авторов для перевода. Так, в 1870—1890-х годах на японский язык перевели 15 романов английского писателя и политика Бульвер-Литтона (1803—1873), в то время как истинная мировая классика оставалась японским читателям практически неведома.

Как воспитатели юношества, и Сосэки и Кебер видели, что под бременем непосильной нагрузки студенты мучаются комплексом неполноценности, заболевают неврастенией. Знаменательно, что в этом смысле совпадали наблюдения коренного «эдосца»[15], каким был Сосэки, и европейца до мозга костей Р. А. Кебера. В Записке к ректору Имперского университета Кебер излагал свои соображения по поводу улучшения учебного процесса. Он акцентировал внимание на том, что именно хорошее гуманитарное образование формирует человека, открывает молодежи возможность плодотворного служения обществу.

«Своим предметом — философией учитель владел блестяще. Новых концепций он не конструировал, но существующим давал исчерпывающее толкование. При этом основной задачей он считал воспитание свободной личности...» — писал Абэ Дзиро (1883—1960), возглавивший в 1920-е годы просветительское движение (кёё бунгаку) [239, т. 17, с. 239].

Человек, аккумулировавший в себе культурные традиции по крайней мере трех стран мира — России, Германии, Японии, — оказался очень нужен в те кризисные годы, когда очевидно назрела необходимость углублять процесс европеизации. Его ученики обретали способность отделять существенное от внешнего, второстепенного. Приобщаясь одновременно к философской мысли, литературному и музыкальному наследию Запада, они обретали целостное представление о западной культуре. С помощью таких наставников, как Р. А. Кебер, японская интеллигенция как бы переходила в новое качество — превращалась из «книжников» (бундзин), знатоков конфуцианской классики и других атрибутов исключительно традиционного знания в образованных людей с международным кругозором (кёёдзин).

К главе «Ученый и дипломат И. А. Гошкевич. Первое российское консульство в Хакодате»

[1] Книги, собранные И. А. Гошкевичем в Хакодате, частично погибли при пожаре в консульской резиденции (1865 г.). «Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг», сделанное сотрудниками ЛО ИВАН СССР (вып. 1, 2. М., 1963, 1964), лишь кратко характеризует содержание коллекции. Подробное ее исследование еще предстоит будущим востоковедам.

[2] Ирохá — старинный японский алфавит, состоящий из 47 слогов.

[3] Катакана — слоговая азбука, используемая поныне, состоит из 50 слогов, расположенных в ином, чем «ироха», порядке.

[4] С 1832 по 1865 г. Российская Академия наук присуждала премии из меценатского фонда, пожертвованного богатыми уральскими заводчиками Демидовыми; отмечались наиболее значительные работы в области истории, географии, филологии, экономики, медицины. Среди лауреатов известны путешественники Ф. П. Литке и И. Ф. Крузенштерн, ученые-медики И. М. Сеченов и Н. И. Пирогов, химик Д. И. Менделеев и многие другие лица, внесшие большой вклад в развитие отечественной науки и культуры.

[5] Основана в 1715 г. по указу Петра I. Из состава ее служащих вышли выдающиеся знатоки дальневосточной культуры: Иакинф Бичурин, о. Аввакум, архимандрит Палладий и др.

[6] Татибана Косáй (Кумэдзо, 1821—1885) — самурай из клана Какэгава. В Петербурге, куда Татибана прибыл вместе с Гошкевичем из гонконгского плена, он принял православие и взял себе имя Владимир Иосифович (почитая названым отцом Иосифа Антоновича) и фамилию Яматов — от старинного названия Японии «Ямато». Женился на русской женщине, от которой имел двух сыновей. Служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел переводчиком, несколько лет (1870—1874) преподавал в Петербургском университете. На родину вернулся после девятнадцатилетнего отсутствия (1874 г.), где скончался в возрасте 65 лет [13, с. 124—125].

[7] Имеется в виду надзиратель (мэцукэ), назначавшийся центральным правительством Японии в г. Эдо.

[8] Гошкевич приехал с женой и пасынком Владимиром. Елизавета Степановна Гошкевич, урожденная Захаревич (по первому мужу Бахштейн), во время пребывания в Японии вела дневник, посылала в европейские газеты очерки о стране. Скончалась в 1864 г., похоронена на Иностранном кладбище г. Хакодате.

[9] В Хакодате работали два человека по фамилии Махов. Иногда их принимают за одно и то же лицо (см. [127, с. 219]). Священник Василий Емельянович Махов плавал в экспедиции Путятина, о том времени сохра-

шились его записки «Фрегат Диана». Знакомый с Путятиным и Гошкевичем, он был приглашен на службу в консульство. Попал в Японию, когда ему было уже за шестьдесят лет, находился там с июня 1859 по июль 1860 г. Вернулся на родину по состоянию здоровья.

Иван Васильевич Махов приехал позже — на должность дьякона. В 1861—1862 гг. он довольно много писал для петербургской газеты «Северная пчела» и для журнала «Морской сборник». По непроверенным данным, эти два Махова состояли между собою в отдаленном родстве.

[10] Букварь И. Махова хранится в Институте востоковедения РАН (С.-Петербург). Обложка имеющегося экземпляра украшена, довольно неожиданно, изображением Эчмиадзинского монастыря. Поскольку книжки делались вручную, отделка каждой из них имела, по-видимому, свои особенности — в зависимости от наличия иллюстрированного материала, а иногда сообразуясь с адресатом, которому конкретный ксилограф предназначался.

[11] В. Л. Сартов умер в Хакодате. Его могила (№ 28) на Иностранном кладбище имеет надпись: «Псаломщик церкви при Российско-Императорском консульстве в Хакодате Виссарион Львович Сартов. Скончался 17 января 1874 г. 36 лет от роду. Господи, упокой его душу!».

[12] Годом позже Сига все же попал в Петербург. Он был переводчиком на переговорах о Сахалине, которые велись министром иностранных дел Японии с начальником Азиатского департамента Стремоуховым. Предложение японцев о демаркации острова по 48-й параллели было отклонено, тем не менее делегация удостоилась приема у самого Александра II. В 1868 г. Сига вновь побывал в российской столице — в качестве секретаря-переводчика хоккайдского губернатора Кондэ Хидэми. После назначения послом Эномото Такэаки (1874 г.) Сига Ураторо (как его земляк) попал на дипломатическую службу — третьим секретарем японского посольства в России.

[13] К этому времени И. А. Гошкевич уехал с Хоккайдо и снова — уже в ранге статского советника — служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. По мере возможности он опекал стажеров, помогал им овладевать русским языком и осваиваться в незнакомой обстановке.

[14] Старший из учеников — Яманоути Садзаэмон по болезни вернулся в Японию еще на первом году обучения.

[15] Русские преподали японцам уроки кораблестроения еще в 1855 г., когда мастерилась шхуна «Хэда» под руководством капитан-лейтенанта А. Ф. Можайского. К постройке этого первого парусного судна европейского типа были привлечены 40 плотников и 150 разнорабочих из Симода. Только после этого японцы начали создавать современный флот, оснащая его паровыми двигателями, которые покупали на Западе. В 1859 г. паровая «джонка „Нифон“ пошла в кругосветное плавание» [313, 22.08.1859].

[16] Тайкун (великий князь) — другой титул сёгуна, верховного военного правителя средневековой Японии.

[17] М. Бакунин провел в Японии еще более месяца [264, с. 49—62]. Лишь 5 сентября он сел в Иокогаме, «в 14 милях от Иеддо», на судно, которое 15 октября благополучно доставило его в Сан-Франциско. В письме от 22 октября/3 ноября 1861 г. он сообщал Герцену: «Хочу к вам, чтобы вместе трудиться над моей давней idee fixe — по польско-словенским делам» [151, с. 78]. Через несколько недель он добрался до Лондона.

К главе «Духовная миссия. Ее дела и люди»

[1] Никита Яковлевич Бичурин (Иакинф, 1777—1853) четырнадцать лет возглавлял русскую Духовную миссию в Пекине. Автор многочисленных научных трудов о Китае и смежных с ним странах — Монголии, Корее, Тибете. Его работы четырежды удостаивались почетной Демидовской премии.

[2] Митрополит Иннокентий, в миру — Иван Евсеевич Вениаминов (1797—1879), собрал ценные для отечественной науки материалы по языку и быту алеутов, среди которых вел миссионерскую работу. Его коллекции переданы в дар Этнографическому музею в Петербурге.

[3] Период Бункю охватывает 1861—1863 гг.

[4] Церковь, именуемая ныне Харисутос-кёкай, действует до сих пор. Охраняемая как памятник старины, она привлекает паломников и туристов. Семь ее колоколов, а также иконостас в 1923 г. были переданы Николаевскому собору в Токио, который восстанавливался тогда после землетрясения.

[5] Савабэ (1835—1913) служил в одном из синтоистских храмов Хакодате как священник-каннуси. В стенах своего святилища под шум барабанов и гонгов он стал проповедовать вновь обретенную им христианскую веру. Отцу Николаю приходилось даже его сдерживать, ибо распространение «иноземной веры» могло в те годы стоить головы. Новообращенный Павел Савабэ проявлял, однако, великий энтузиазм. Не остановился даже перед тем, чтобы на нужды православной общины продать свой самурайский меч. Его не раз сажали под стражу, но он оставался тверд. В 1872 г. Савабэ возглавил православную общину в провинции Сэндай.

[6] Из Хакодате Ниидзима Дзё отправился в Америку, где в 1874 г. окончил колледж Андовер (штат Массачусетс). В роли переводчика сопровождал посольство Ивакура Томоми во время его турне по США и странам Европы. Вернувшись в Японию после десятилетнего отсутствия, основал в г. Киото христианский колледж Досися в 1875 г., где воспитывал молодежь «не для правительства, но для служения обществу».

[7] Первоначальное соприкосновение с христианством относится еще к XVI в. Католическая вера стала тогда быстро распространяться на юге страны — в районе порта Нагасаки, куда приходили мореплаватели из Европы. Опасаясь подрыва своей власти, военно-феодальные правители обрушили на пришлую веру шквал репрессий. Так, при третьем сёгуне династии Токугава в результате казней и ссылок погибло 40 тыс. христиан. Со скалы возле Нагасаки миссионеров сбрасывали прямо в море. Уцелевшие от гонения общины первых японских христиан ушли в глубокое подполье.

[8] Отец Николай называет использованные им исторические сочинения: «Дайнихонси» («История великой Японии»), «Кокусиряку» («Краткая история Японии»), «Нихон гайси» («Неофициальная история Японии»).

Последней из названных книг — фундаментальной «Неофициальной истории Японии» Рай Санъё он придавал особое значение. Создавалось это сочинение более двадцати лет (1802—1826), оно было написано по-китайски и опубликовано с одобрения тогдашнего премьер-министра Мацудайра Саданобу (1758—1829). Произведение Рай Санъё проникнуто конфуцианской моралью, идеей почитания императорской фамилии. После незавершенной буржуазной революции, когда в Японии реставрировали полноту императорской власти, оно пользовалось особым почетом за «лояльность».

[9] Семинария просуществовала до 1918 г. Далее при миссии функционировали только классы русского языка (существуют и ныне).

[10] В 1906 г., когда Николай был возведен в сан архиепископа, епископом стал о. Андроник. Но слабое здоровье не позволило ему задержаться в Японии далее весны.

[11] Ныне книга является библиографической редкостью, ее не находят и в самой Японии. У нас же чудом сохранился экземпляр этого раритета — в Институте русской литературы Академии наук (Пушкинский дом), куда он поступил из Александровского лицея.

[12] Тайсо Ёситоси иллюстрировал и другие переводы с русского — Тургенева, Толстого, Достоевского, популярную в Японии «Подпольную Россию» С. М. Степняка-Кравчинского.

[13] В дальнейшем о. Сергий был епископом Ямбургским, архиепископом Финляндским. Последние годы жизни он являлся главою всей русской православной церкви. См. [47].

[14] Н. В. Благоразумов имел намерение послужить в Японии, но ему пришлось отказаться от этого по настоянию престарелого отца, пензенского священника, которому трудно было отпустить от себя сына в столь далекие края.

[15] Сицудзи (яп.) — дьякон.

[16] Викарий Алексей — А. Ф. Лавров-Платонов (1829—1890), профессор церковного законоведения в Московской духовной академии.

[17] М. А. Щурупов известен как архитектор, живописец и скульптор. По его проекту построен надгробный памятник русским патриотам у Сампсониевского собора в Петербурге.

[18] Воскресенский Новодевичий монастырь 1-го класса учрежден в 1845 г. Первоначально помещался на Васильевском острове (у храма Благовещения), с 1854 г. его перевели к Московской заставе. Частично сохранившееся здание и кладбище можно видеть и ныне (Московский пр., 100).

[19] С. Елисеев (1889—1975) — известный ученый-японовед. Учился в Берлине и Токио. После Октябрьской революции работал в Париже (Музей Гиме, Сорбонна), с 1932 г. — в Гарвардском университете (США).

[20] Ивасава (Арсений) пробыл год в Москве, затем учился в Петербурге.

[21] Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865—1942) окончил Киевскую духовную академию (1889 г.) и китайско-монголо-маньчжурский разряд Петербургского университета (1899 г.). В Токио обучался в Школе японского языка для иностранцев (1905—1910). Преподавал в Практической Восточной академии, Петроградском университете, Восточном институте (Владивосток). Автор японо-русского иероглифического словаря, «Материалов по истории северной Японии» (1909 г.) и многих других научных трудов.

[22] Макино Томитаро (1862—1957) — выдающийся ботаник, родом из преф. Коти (о-в Сикоку). С 1893 г. работал в Имперском университете. Его книга «Иллюстрированная флора Японии» (Нихон сёкубуцу дзукан, 1940 г.) получила всемирное признание.

[23] В Петербургском ботаническом саду осталась заложенная К. И. Максимовичем Японская оранжерея. Как живое свидетельство того давнего сотрудничества цветет в открытом грунте сада кустарник с табличкой «Форзиция японская Макино». Галерея ученых Ботанического института Академии наук открывается портретом Максимовича.

[24] В 1903 г. В. В. Верещагин посетил Японию, делал зарисовки в Киото и на горном курорте Никко. Его этюды того времени «Синтоистский храм в Никко», «Вход в храм Никко» хранятся в Русском музее (Петербург). Погиб в Порт-Артуре вместе с адмиралом Макаровым.

[25] Зиновий Михайлович Поляновский — студент в Токио (1896—1900), вице-консул в Хакодате (с 1900 г.) и, наконец, консул в Нагасаки (1906—1908).

[26] Ему посвящен далее раздел в нашей книге.

[27] Ёкояма Гэнноскэ (1871—1915) — автор документальной книги «Низшие слои японского общества» («Нихон-но касо сякай», 1899 г.), написанной по результатам его «хождения в народ» (в токийские трущобы, в общежития работниц шелкомотальной фабрики).

[28] Лаоси (Лаоцзы) — даосский философ древнего Китая (III в. до н. э.).

[29] Одзаки Коё (1867—1903) — автор популярной романтической прозы, глава творческого объединения Кэнъюся (Друзья тушечницы), славился как стилист.

[30] Независимо от нее два переводчика (Кусуяма Масао и Хата Тоёкити) опубликовали в журнале «Сибаи» («Театр») свой вариант «Вишневого сада». Спрос на Чехова возрос в связи с организацией в 1909 г. Свободного театра (Дзию-гэкидзё), который начал ставить на сцене современную западную драматургию.

[31] Сэнума Каё брала у Кебера уроки фортепьянной игры (см. о нем главу настоящей книги).

[32] Будищев (род. в 1867 г. в Саратове) — популярный писатель начала века, черпал сюжеты из судебной хроники. В основу сюжета рассказа «Бора» (название северо-восточного ветра) положено криминальное происшествие на черноморском курорте.

[33] В учебных заведениях миссии состояло: а) в Токийской семинарии — 94 ученика, из них 82 японца и 12 русских (последних приняли по просьбе воинского начальства в Харбине и Хабаровске «для образования из них переводчиков японского языка»); б) в женском училище Токио — 53 ученицы; в) в женском училище Киото — 27 учениц.

Преподавателей во всех этих школах было 37 (из них трое — с академическим образованием, шестеро — из окончивших курс местной семинарии). В числе 37 наставников значилось 12 учителей-мужчин и 25 учительниц. В иконописной мастерской работала одна Ямасита Рин [316, 1912, № 12].

[34] Сергий Тихомиров (1871—1945) с 1908 г. — помощник начальника миссии и епископ Киотоский (ранее ректор Петербургской Духовной академии).

К главе «Токийская школа иностранных языков (1873—1885). Русское отделение»

[1] Варварами в Японии называли иностранцев, главным образом европейцев и американцев.

[2] В архиве университета Хитоцубаси (г. Кунитати под Токио) сохранился Список служащих и учеников Токийской школы инстранных языков (Токё гайкокуго гакко канъин нараби сэйто итиран; в дальнейшем мы будем для краткости именовать его «Итиран»). Помимо перечня учащихся и преподавателей в каждый семестр обучения в нем указаны изучавшиеся предметы, принятые в школе правила.

[3] В Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения хранится восемь учебных пособий, подготовленных Куроно Ёсибуми.

[4] Интересно отметить, что самый старший из трех братьев Мечниковых — Иван, чиновник харьковской судебной палаты, явился прототипом героя Л. Толстого в повести «Смерть Ивана Ильича» (1886 г.).

[5] С 1885 г. Ояма Ивао находился на посту министра армии и флота, возглавлял преобразование армейской системы по западному образцу. В 1904—1905 гг.— главнокомандующий японскими войсками в Маньчжурии.

[6] Миссия Ивакура в составе полусотни человек выехала из Японии в 1871 г. Ее возглавляли представители правящей элиты, задавшиеся целью пересмотра неравноправных договоров с западными державами; поставленная задача на том этапе не удалась. Однако в делегацию были подобраны способные молодые люди разных специальностей, они присматривались на Западе к постановке образования, здравоохранения и пр. и в дальнейшем многое применили у себя в Японии.

[7] Речь идет об Итикава Бункити, который с 1865 г. жил в Петербурге, а по возвращении возглавил русское отделение школы.

[8] В 1874—1877 гг. исполнял обязанности атташе в Токио.

[9] Как объясняет Л. И. Мечников, студент при консульстве являлся стажером-переводчиком [119].

[10] Далее В. Я. Костылев служил консулом в Нагасаки (1884—1901), состоял приват-доцентом в Петербургском университете на кафедре японского языка и словесности (1907—1908). Как преподавателя его беспокоило то обстоятельство, что «война с Японией застала нас полузнайками». Японцы отлично понимают преимущества, которые дает знание языка соперничающей с ними страны, указывал он. У нас же «хватает только господ Хлестаковых, выдающих себя за знающих язык в совершенстве» [2]. В. Я. Костылев похоронен в Петербурге на Смоленском кладбище.

[11] Саганоя (его подлинное имя — Одзаки Тинсиро) первый перевел «Героя нашего времени» и несколько стихотворений Лермонтова, его «Заметки о русской литературе» («Рококу бунгаку иппан») печатались на протяжении многих номеров в журналах «Сигарами дзоси» и «Мэдзамасигуса». В старости Саганоя стал известным книготорговцем — владельцем лавки в токийском районе Ёёги.

[12] Об участниках кружка П. А. Кропоткин сказал следующее: «Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор горжусь тем, что был принят в такую семью» [91, с. 273].

[13] Джордж Кеннан (1845—1924) состоял в Обществе американских друзей русской свободы. Молодым инженером вел на территории России изыскательские работы (1866—1868 гг.). В 1880-е годы задался целью изучить царскую систему репрессий, для чего объездил почти все тюрьмы и ссыльные поселения между Уралом и Амуром. Эта эпопея отражена в его книге «Siberia and the Exile System» (Vol. 1,2. N. Y., 1891), которая была переведена на все европейские языки, вышла и на русском [69].

[14] На базе этого коммерческого училища вырос в дальнейшем университет Хитоцубаси.

[15] С. Ю. Витте возглавлял российскую делегацию при заключении Портсмутского договора, ему удалось отклонить претензии Японии на весь Сахалин и на контрибуцию.

[16] Единственный номер журнала — № 1—2 за 1908 г.— хранится в библиотеке Восточного факультета Петербургского университета, другие его книжки пока не обнаружены нигде, в том числе и в Японии.

[17] В 1906 г. была создана Японская лига эсперантистов (Нихон эсперанто кёкай). Ее члены (Куроита Кацуми, Осуги Сакаэ, Накамура Сэйо и др.) выпускали ежемесячный журнал, устраивали публичные лекции на языке эсперанто.

[18] Николай Федорович Анненский (1843—1912) — известный публицист народнического направления. До «Русского богатства» сотрудничал в «Отечественных записках».

[19] Его издавала Фукуда (Кагэяма) Хидэко — старейшая деятельница буржуазно-либерального, а затем феминистического движения; известная под прозвищем Тетушка Народные Права (Минкэн обасан). Журнал «Сэкай фудзин» стал органом Японо-польского общества, основанного Фтабатэем и Б. Пилсудским.

[20] Пересмотр неравноправных соглашений тормозился, оскорбительная для национального достоинства японцев консульская юрисдикция сохранялась вплоть до 1899 г.

[21] Слоговые азбуки, дополнявшие или заменявшие иероглифическое письмо.

[22] Письменные комментарии к сувенирным изделиям широко распространены до сих пор.

[23] Ныне это сословие именуется «буракумин», официально оно упразднено после революции Мэйдзи.

[24] Известный философ В. С. Соловьев (1853—1900) внимательно изучал книгу Л. И. Мечникова и в своем очерке «Япония» (1890 г.) прямо на нее ссылался: «Обыкновенно предполагают, что они (т. е. японцы) вышли из Кореи, но по мнению, которое старается доказать Мечников (автор обширного сочинения о Японии), они принадлежат к малайской расе и пришли с островов Полинезии» [177, с. 156].

[25] Э. Реклю (1830—1905) — французский географ и социолог анархистских убеждений, участник Парижской коммуны. Составитель 19-томного издания «Новая всемирная география. Земля и люди» (1876—1894), в которой раздел по Дальнему Востоку написал Л. И. Мечников.

[26] Путь — дао, одна из основных категорий китайской философии. В учении Конфуция имеет этическое значение и означает нравственное поведение и основанный на морали социальный порядок.

К главе «Тридцать лет в Японии»

[1] Имеется в виду гуманитарный факультет Имперского университета (Токио). По принятой в Японии системе на его кафедрах изучаются история, философия, филология.

[2] Это эссеистическое произведение («Кэбэру сёхин сю») вышло из печати в 1920 г.

[3] Красные ворота (Акамон) — на студенческом жаргоне так именовался университет, главный вход которого по традиции красился киноварью.

[4] Клиндворт Карл (1830—1916) — ученик Листа, в 1868—1881 гг. преподаватель Московской консерватории. См. [192, с. 178].

[5] В японской литературе встречается косвенное упоминание о переписке Р. А. Кебера с П. И. Чайковским, но нам тексты писем найти не удалось.

[6] Название «Имперский» университет носил с 1886 г. до окончания второй мировой войны. С 1947 г. в связи с общими процессами демократизации Японии он стал именоваться Токийским.

[7] Татибана Итоэ (1873—1939) три года стажировалась в Австрии, прославилась концертными выступлениями. Проявила себя и как поэтесса — писала стихи в жанре «танка». Активная на профессиональном поприще женщина, Татибана послужила прототипом главного действующего лица в повести Симадзаки Тосон «Художник-акварелист» («Суйсай гака», 1904 г.).

[8] Оперы на ученических сценах в дальнейшем были запрещены вплоть до 1951 г. «Блюстители нравственности» считали, что репетиции любовных драм развращают молодежь.

[9] Фукада Ясукадзу (1878—1928) преподавал в Первом колледже (Дайити котогакко) и в Имперском университете, специалист в области эстетики.

[10] Миура Морихару (1856—1896), особенно известен как специалист по бериберн (разновидность авитаминоза).

[11] Американский ученый Э.-Ф. Феноллоза (1853—1908) преподавал в Имперском университете философию и политэкономию (1878—1886 гг.) Знаток японской живописи, один из основателей Токийской школы изящных искусств (Токё бидзюцу гакко).

[12] Артур Карлович Вильм родился в Петербурге в 1867 г.; окончил факультет восточных языков Петербургского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду (1889 г.), представив в качестве дипломной работы «Историческое обозрение аймака Сэцэн-хана». Работал в библиотеке Петербургского университета, затем в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Оттуда попал на стажировку в Токио (1892—1897 гг.), после чего к его многочисленным востоковедным специальностям прибавилось японоведение. Некоторое время (1899—1903 гг.) служил драгоманом в русском посольстве [291, с. 177, 179]. Являлся постоянным сотрудником журнала «Донесения императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам», где печатался ряд его статей.

[13] В числе любимых изобразительных произведений Кебер называл «Скорбящую Каннон» Кано Хогай (1828—1888). Этот художник вместе с Э. Феноллозой и Окакура Тэнсин создавал Токийскую школу изящных искусств. Хотя он изучал начинавшую распространяться в Японии европейскую технику живописи, но в своих работах сознательно придерживался старого стиля, писал по преимуществу на буддийские сюжеты.

[14] Силла, Когурё, Пэкчё — три царства, сложившиеся в Корее около I в. до н. э.

[15] «Эдокко» — дитя Эдо; это определение прилагалось к истинным носителям традиционной культуры, процветавшей в столице времен Токугава.

Литература и источники

На русском языке

1. Архив внешней политики России, Главный архив 1—1, оп. 781, 1852—1861, д. 479; 1866—1867, д. 481.
2. Архив востоковедов (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН), ф. 65, оп. 1, № 39.
3. Архив РАН (С.-Петербург), ф. 82, ед. хр. 44, л. 12.
4. Центральный государственный исторический архив, ф. 797, оп. 54, ед. хр. 283, л. 1—3. (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода); ф. 834, оп. 4, д. 1137 (Дневник иеромонаха Николая).

5. *Алпатов В. М.* Изучение японского языка в России и в СССР. М., 1989.
6. [*Альбрехт М.*] «Известия из Японии». Извлечение из письма врача морского ведомства при русском консульстве в Японии, надворного советника Альбрехта из Хакодате от 19 июля 1859 г.— Морской сборник. 1860, № 1, ч. 4.
7. *Альбрехт М.* Климат и почва в Хакодате. Внешняя торговля. Удушливая атмосфера города. Наше житье-бытье.— Морской сборник. 1862, № 9.
8. *Андроник, арх.* Миссионерский год в Японии. Уфа, 1904.
9. *Андроник, арх.* В Японии. Воспоминания и впечатления бывшего японского миссионера.— Русский вестник. 1904, № 10 (2).
10. *Арисима Такэо.* Женщина. М., 1967.
11. *Архангелов С. А.* Наши заграничные миссии. СПб., 1899.
12. Архиепископ Николай Японский в переписке с протоиереем Н. В. Благоразумовым.— Русский архив. 1912, № 3.
13. *Бабинцев А. А.* Из истории русского япюноведения.— Японская филология. М., 1968.
14. *Баланева И. И.* Распространение русской культуры в Японии в период Бакумацу (1853—1867).— Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. История, экономика и культура. М., 1984.
15. *Барсуков И.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. М., 1891.
16. *Белов А.* Святые без нимбов. М., 1983.
17. Библиография Японии. Литература, изданная в России с 1734 по 1917 г. М., 1965.
18. Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. Т. 2. СПб., 1898.
19. *Богучарский В.* Активное народничество 70-х годов. М., 1912.
20. Века неравной борьбы. М., 1967.

21. *Вениаминов И. Г.* Религия и христианство в Японии. СПб., 1905.
22. *Венюков М. И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970.
23. *Венюков М. И.* Обозрение японского архипелага в современном его состоянии. М., 1871.
24. *Виноградов В. И.* Русские гарибальдийцы.— Они сражались вдали от родины. М., 1969.
25. *Волховский Ф. В.* Отрывки одной человеческой жизни.— Современник. 1911, № 4.
26. *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Л. И. Мечников и его историко-социологическая концепция.— Философские науки. 1968, № 6.
27. *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970.
28. *Гиляровский В.* Экспромты.— Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М., 1967.
29. [*Головнин В. М.*] Записки флота капитана Василия Михайловича Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Ч. 1—3. СПб., 1816.
30. *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада».— Собрание сочинений. Т. 3. М., 1978.
31. *Гордиенко Н. С.* Православные святые: кто они? Л., 1979.
32. *Городецкий М.* Л. И. Мечников.— *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. СПб., 1898.
33. *Гошкевич И.* Способ приготовления туши, белил и румян у китайцев.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. СПб., 1852.
34. *Гошкевич И.* Китайские счеты и производство на них четырех арифметических действий.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 2. СПб., 1853.
35. *Гошкевич И.* О разведении шань яо (dioscoraca alata'l)— картофель.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 3. СПб., 1857.
36. [*Гошкевич И.*]. Японско-русский словарь, составленный И. Гошкевичем при пособии японца Тацибана-но Коосай. СПб., 1857.
37. *Гошкевич И.* О шелководстве.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 3. СПб., 1857.
38. *Гошкевич И.* Императорское или благовонное пшено (скороспелое).— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 3. СПб., 1857.
39. *Гошкевич И.* О корнях японского языка. Вильно, 1899.
40. *Гошкевич И.* Хонкон. Из записок русского путешественника.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 3. СПб., 1857.
41. *Гошкевич И. А.* Извлечение из письма русского консула в Японии от 1-го февраля 1959 г.— Северная пчела. 13.10.1859.
42. *Гошкевич И. А.* Извлечение из письма русского консула в Японии.— Морской сборник. 1859, № 10.
43. *Гошкевич И. А.* Из письма русского консула в Японии.— Северная пчела. 1861, № 58.
44. *Грекулов Е. Ф.* Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1969.
45. *Грицкевич В. П.* Путешествия наших земляков. Минск, 1968.
46. *Грицкевич В. П.* Беловолосый консул.— Неман. 1973, № 1.
47. *Гузанов В.* Одиссей с Белой Руси. Минск, 1968.
48. *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария. Л., 1984.
49. *Дейч Л. Г.* Шестнадцать лет в Сибири. Из карийских тетрадей. М., 1924.

50. Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический справочник. Т. 2. Вып. 2. М., 1930.
51. *Дивин В. А.* Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971.
52. *Достоевский Ф. М.* Письма (в четырех томах). Т. 4 (1878—1881). М., 1959.
53. *Достоевский Ф. М.* Пушкин.— Собрание сочинений. Т. 10. М., 1958.
54. Достоевский в русской критике. М., 1956.
55. *Дружинин.* Русские мореплаватели в старой Японии. СПб., 1924.
56. *Дюмоллар Г.* Япония. Политическое, экономическое и социальное положение страны. СПб., 1904.
57. *Жуков Ю.* Русские и Япония. М., 1945.
58. *Иванова Г. Д.* Дело об оскорблении трона. М., 1972.
59. *Иванова Г. Д.* Русское отделение Токийской школы иностранных языков.— Проблемы Дальнего Востока. 1987, № 2.
60. *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959.
61. *Ипатов А. Н.* Православие и русская культура. М., 1985.
62. *Исикава Т.* Стихи. М., 1957.
63. История дипломатии. Т. 2. М., 1963.
64. История дореволюционной России в дневниках и в воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 3. Ч. 4. М., 1982.
65. *Иосько М. И.* Николай Судзиловский-Руссель. Минск, 1976.
66. *Карлина Р. Г.* Роман Фтабатэя «Плывущее облако» и романы Гончарова и Тургенева. Автореф. канд. дис. Л., 1950.
67. *Карташова К. С.* Дороги Льва Мечникова. М., 1982.
68. *Кеннан Дж.* Как велось просвещение русских солдат в Японии.— Каторга и ссылка. 1927, № 2.
69. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. СПб., 1906.
70. *Киперман А. Я.* Главные центры русской эмиграции 70—80-х годов XIX в.— Исторические записки. М., 1971, т. 88.
71. *Коваленко И. И.* Очерки истории коммунистического движения в Японии (до второй мировой войны). М., 1979.
72. *Кодзаи Е.* Современная философия. Заметки о духе Ямато. М., 1974.
73. *Козлова М. Г.* Россия и страны Юго-Восточной Азии. М., 1986.
74. *Козловский Ю. Б.* «Европеизация» культуры Японии и ее осмысление.— Народы Азии и Африки. 1974, № 5.
75. *Козьмин Б. Б.* Герцен, Огарев и молодая эмиграция.— Литературное наследство. Т. 41. М., 1941.
76. *Козьмин Б. Б.* Л. И. Мечников — Герцену и Огареву.— Литературное наследство. Т. 62. М., 1955.
77. *Коленко А. А.* Воспоминания о Петербургском земледельческом и Лесном институтах в период времени 1869—1870 гг.— Известия Ленинградского лесного института. Л., 1928, вып. 37.
78. *Комаров В. Л.* Ботаника.— Тихий океан (о русских научных исследованиях). М., 1926.
79. *Кониси М.* Воспоминания японца об архиепископе Николае.— Странник. 1912, № 3.
80. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1966.
81. *Конрад Н. И.* Японская литература. М., 1974.
82. *Константинов Н.* Мировоззрение Л. И. Мечникова. Автореф. канд. дис. Киев, 1972.
83. *Корнилов 2-ой.* Зимовка в Хакодате.— Морской сборник. 1859, № 12.
84. *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1968.
85. *Костылев В. Я.* Очерк истории Японии. СПб., 1888.

86. *Костылев В. Я.* Грамматика японского разговорного языка. Теоретическая часть. СПб., 1888 (перевод из Б. Х. Чемберлена).
87. *Костылев В. Я.* Русско-японский словарь разговорного языка. СПб., 1914.
88. *Красильников В.* А. С. Новиков-Прибой. Жизнь и творчество. М., 1966.
89. Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.
90. *Крони Г.* Об убийстве в Японии мичмана Мофета и матроса Соколова.— Северная пчела. 22.12.1859.
91. *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966.
92. *Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. В., Сырицин И. М.* История Японии. М., 1988.
93. *Купчинский Ф. П.* В японской неволе. Очерки из жизни русских пленных в Японии в г. Мацуяма на острове Сикоку. СПб., 1906.
94. *Куропятник Г. П.* Россия и США. Экономические, культурные и дипломатические связи. М., 1981.
95. *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. М., 1988.
96. *Лавров П. Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах. Т. 4 (1875—1876). М., 1935.
97. *Левин Ш. М.* Очерки по истории русской общественной мысли (вторая половина XIX— начало XX в.). Л., 1974.
98. *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полное собрание сочинений. Т. 41.
99. *Лещенко Н. Ф.* Революция Мэйдзи в работах японских историков-марксистов. М., 1984.
100. *Лиоренцевич И.* Лев Ильич Мечников.— Социологическая мысль в России. Л., 1978.
101. Литературное наследство. Т. 13—14. М., 1934.
102. *Литке, лейт.* Фрегат «Аскольд» в Японии.— Морской сборник. 1860, № 11—13.
103. *Лишина А. К.* Русский гарибальдиец. Россия и Италия. М., 1968.
104. *Лишина А. К., Лишин О. В.* Лев Мечников — революционный публицист и ученый.— Литературное наследство. Т. 87. М., 1977.
105. *Мамонов А. И.* Пушкин в Японии. М., 1984.
106. *Маринов В. А.* Русская революционная эмиграция в Японии и русско-японские отношения в начале XX века (по архивным материалам).— Народы Азии и Африки. 1973, № 1.
107. *Маринов В. А.* Россия и Япония перед первой мировой войной (1905—1914). Очерки истории отношений. М., 1974.
108. *Махов В. Е.* Фрегат «Диана». Путевые записки бывшего в 1854 и 1855 г. в Японии. СПб., 1867.
109. *Махов И.* Хакодате.— Морской сборник. 1860, № 13.
110. *Махов И.* Сентябрь в Хакодате.— Северная пчела. 1861, № 58.
111. *Махов И.* Корреспонденция из портов. Хакодате.— Морской сборник. 1861, № 2.
112. *Махов И.* Русского чиновника подарок японским детям. Русская азбука. Хакодате, 1861.
113. *Махов И.* Введение в Японии мер, весов и монет и сравнение их с русскими. (Б. м., б. г.].
114. *Мачтет Г. А.* Из американской жизни.— Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1911.
115. *Мацуда М.* Идеология японской интеллигенции.— Народы Азии и Африки. 1977, № 3.
116. *Меламуд Е.* За строкой Цусимы.— Вопросы литературы. 1982, № 2.

117. *Мечников Л.* Эра просвещения Японии.— Дело, 1876, № 10.
118. *Мечников Л.* Эра японского просвещения.— Дело, 1877, № 2.
119. *Мечников Л.* Воспоминания о двухлетней службе в Японии.— Русские ведомости. 1883, № 248, 262, 274, 344, 348, 349; 1884, № 38, 184, 204, 206, 242, 244, 280, 289, 315, 335, 361.
120. *Мечников Л.* Европейское образование в Японии. Из воспоминаний о двухлетней службе в Японии в 70-х годах.— Русские ведомости. 12.04.1885.
121. *Мечников Л.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924.
122. *Мечникова О.* Жизнь И. И. Мечникова. М.—Л., 1926.
123. *Миякава Ф.* Русская литература в Японии.— Голос минувшего. 1913, № 8.
124. *Назимов П.* Известия из Японии. Извлечение из письма лейтенанта Назимова от 1 декабря 1858 г.— Морской сборник. 1859, № 5.
125. *Назимов П.* Хакодате.— Морской сборник. 1860, № 9, ч. 1.
126. *Назимов П.* Хакодате (1 августа 1860 года).— Морской сборник. 1860, № 13, ч. 2.
127. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983.
128. *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895 гг. М., 1956.
129. *Нарочницкий А. Л., Губер А. А., Сладковский М. И.* Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973.
130. *Нацумэ Сосэки.* Сансиро. Затем. Врата. М., 1973.
131. *Недачин С.* Верования японцев и японские храмы. СПб., 1908.
132. *Недачин С.* Полувековой юбилей апостола Японии.— Исторический вестник. 1910, т. 71.
133. *Недачин С.* Православная церковь в Японии. СПб., 1911.
134. *Нечкина М. В.* Встреча двух поколений. М., 1980.
135. *Николай, иер.* Япония с точки зрения христианской миссии.— Русский вестник. 1869, № 9.
136. *Николай, иер.* Сёгуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам.— Русский вестник. 1869, № 11, 12.
137. *Николай, арх.* Из донесения начальника Русской духовной миссии о состоянии православной церкви в Японии за 1911 г.— Церковные ведомости. 1912, № 9.
138. *Новаковский С. И.* Япония и Россия. Ч. 1. Токио, 1918.
139. Новиков-Прибой в воспоминаниях современников. М., 1980.
140. *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М., 1859.
141. *Норман Г.* Возникновение современного государства в Японии. М., 1961.
142. *Окладников А.* Иннокентий Вениаминов.— Первопроходцы. М., 1983.
143. Очерки новой истории Японии (1640—1917). М., 1958.
144. Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2. М., 1956.
145. *Пантелеев.* Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905.
146. *Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.
147. Патриарх Сергий и его духовное наследство. Сергиев Посад, 1947.
148. *Петров А.* Русский вопрос в Японии. СПб., 1912.
149. *Петрова О. П.* Адмирал Е. В. Путятин в бухте Хэда (к истории русско-японских отношений в середине XIX в.).— Советское востоковедение. 1949, т. 6.
150. *Петрова О. П., Иванова Г. Д., Горегляд В. Н.* Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 1, 2. М., 1963, 1964.
151. *Пирумова Н.* Бакунин. М., 1970.
152. Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896.

153. Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. М.—Л., 1928.
154. Письма Л. И. Мечникова.— Литературное наследство. Т. 67. М., 1959.
155. *Платонова А.* Апостол Японии архиепископ Николай. Пг., 1916.
156. *Плеханов Г. В.* О книге Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки».— Сочинения. Т. 7. М., 1923.
157. *По Э.* Лирика. М., 1976.
158. *Позднеев Д.* Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. 1—2. Токио, 1909.
159. *Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика.— Церковные ведомости. 1912, № 11, 12.
160. *Потапова З. М.* Русско-итальянские литературные связи. М., 1973.
161. *Прокошев П.* Русская православная миссия в Японии.— Странник. 1896, № 2.
162. *Прохоренко Ф.* Русская духовная миссия в Японии и в Корее. Харьков, 1907.
163. *Реклю Э.* Предисловие.— *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924.
164. *Рехо К.* Достоевский и японский реалистический роман XIX века.— Народы Азии и Африки. 1972, № 1.
165. *Рехо К.* Русская классика и японская литература. М., 1987.
166. *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии. 1814—1869 гг. СПб., 1907.
167. *Русанов Н. С.* В эмиграции. М., 1929.
168. Русская классика в странах Востока. М., 1972.
169. *Сато Сэйро.* Мечников в Японии.— Литературное наследство. Т. 87. М., 1977.
170. *Сергий, архимандрит.* На Дальнем Востоке. Письма японского миссионера. Сергиев Посад, 1897.
171. *Сергий, арх.* Месяц по Японии.— Христианское чтение. 1908, № 11, 12; 1909, № 1—7.
172. [*Сергий, арх.*]. Памяти Высокопреосвященного Николая, архиепископа Японского (к годовщине кончины его 3 февраля 1912 г.) Сергия, епископа Японского.— Христианское чтение. 1913, № 1.
173. *Смирнов Е.* Очерки русской православной миссии. СПб., 1904.
174. *Смирнова Н. В.* Творчество Таяма Катай и японский натурализм. Автореф. канд. дис. Л., 1986.
175. Современные японские мыслители. М., 1958.
176. *Соловьев Ю. А.* Воспоминания дипломата. М., 1939.
177. *Соловьев В. С.* Япония.— Собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1907.
178. *Толстопятов А.* В плену у японцев. СПб., 1908.
179. *Тургенев И. С.* Свидания.— Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1961.
180. Труды членов российской духовной миссии. СПб., 1857.
181. *Файнберг Э. Я.* Японцы в России в период самоизоляции Японии.— Япония. Вопросы истории. Вып. 1. М., 1959.
182. *Файнберг Э. Я.* Японцы в России.— Ученые записки Института востоковедения. 1959, т. 23.
183. *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960.
184. *Файнберг Э. Я.* И. А. Гошкевич — первый русский консул в Японии (1858—1865).— Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. Историко-филологические исследования. М., 1967.
185. *Файнберг Э. Я.* Вмешательство западных держав в гражданскую войну в Японии и нейтралитет России (1836—1869).— Проблемы востоковедения. Вып. 2. М., 1972.
186. *Фукуда Сидзуо.* Современное значение материализма Накаэ Тёми-

на.— Японские материалисты. Актуальные проблемы философской науки и история философской мысли в Японии. М., 1985.
187. *Хорос В. Г.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.
188. Хрестоматия по новой истории. М., 1965.
189. Церковь в истории России (IX в.— 1917). М., 1967.
190. *Чайковский Н. В.* Пятидесятилетний юбилей газеты «Русские ведомости» (1863—1913). М., 1915.
191. *Чайковский Н. В.* Воспоминания. Париж, 1929.
192. *Чайковский П. И.* Первая неделя концертного сезона.— Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1953.
193. *Чарушин Н.* О далеком прошлом. М., 1973.
194. [*Черкасова М. А.*] Записки русской православной миссионерки в Японии Марии Александровны Черкасовой.— Миссионер. 1879, № 44.
195. *Чехов А. П.* Остров Сахалин. Из путевых записок.— Собрание сочинений в 12 томах. Т. 10. М., 1956.
196. *Шахназарова Л. Ш.* Изучение идейного наследия Н. Г. Чернышевского в Японии.— Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран. М., 1981.
197. *Шестунов Н.* Вдоль по Японии. СПб., 1882.
198. *Шишко Л. Э.* Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев (Из воспоминаний и заметок старого народника).— Собрание сочинений. Т. 4. Пг.— М., 1918.
199. *Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток. М., 1960.
200. *Шрейдер Д. И.* Япония и японцы. СПб., 1895.
201. *Штейнгауз А. И.* Русская пресса и публицистика о революции 1868 г. и преобразованиях в Японии.— Страны Востока в политике Японии в XIX— начале XX в. Иркутск, 1986.
202. *Щерба В.* Народное образование в Японии.— Русская школа. 1904, № 7—8.
203. *Щербина А. А.* Николай Касаткин — один из первых русских японоведов.— Народы Азии и Африки. 1977, № 4.
204. *Щетинина Е. В.* Либерально-буржуазная интеллигенция и формирование идеологии экспансионизма в Японии (вторая половина XIX в.).— Народы Азии и Африки. 1985, № 1.
205. Японская историография русско-японских и советско-японских отношений XIX—XX веков. Владивосток, 1987.
206. *Ясуги С.* Обзор истории изучения русского языка в Японии.— Восточное обозрение. 1940, № 2.

На японском языке

207. *Акидзуки Тосиюки.* Эдо дзидай-но окэру нихондзин-но Росиякан (Взгляды японцев эпохи Эдо на Россию).— Нихон то Россия (Япония и Россия). Токио, 1987.
208. *Акидзуки Тосиюки.* Мэйдзи сёнэн-но гириси сэйкё хакугай тэммацу (Факты преследования православной церкви в начальные годы периода Мэйдзи).— Мадо. Токио, 1980, № 10 (34).
209. *Акутагава Рюноскэ.* Соно коро-но акамон сэйкацу (В те годы у Красных ворот).— Хон-но мати. Пекин, 1986, № 70.
210. *Арисима Такэо.* Кэбэру хакуси сёхин сю (Сборник миниатюр профессора Кебера).— Арисима Такэо дзэнсю. Т. 5. Токио, 1924.
211. *Баннай Токуаки, Камэяма Икуо.* Росия-но Ханако (Ханако в России).— Нихон то Росия. Токио, 1987.
212. *Вада Есихидэ.* Нобори Сёму якусё нэнфуко. Сандээнто кагаяку фу-

мэцу-но якугё (Примечания к произведениям и переводам Нобори Сёму в их хронологическом расположении. Блестящий, бесценный переводческий труд).— Отани тюкотогакко киканси. Токио, 1986, № 2.
213. *Вада Масао.* Ёсида Сёин. Токио, 1942.
214. *Вада Харуки.* Никорай Расэру кокё-о коэру народники (Николай Руссель — народник, преодолевший государственные границы). Токио, 1973.
215. *Ватанабэ Масадзи.* Народоники то Нихон, 1 (Народники и Япония. Ч. 1).— Дайсан буммэй. Токио, 1978, № 2.
216. *Ватанабэ Масадзи.* Народоники то Нихон, 2. Народники и Япония. Ч. 2.— Росияго росиябунгаку кэнкю. Токио, 1980, № 10.
217. *Ватанабэ Масадзи.* Взгляды Л. Мечникова на место Японии среди восточных цивилизаций.— Росияго росиябунгаку кэнкю. Токио, 1980, № 12.
218. *Ватанабэ Масадзи.* Токё гайкокуго гакко рогока то народоники сэйсин. Кодзима Куратаро-но когироку-о мото-ни (Русское отделение Токийской школы иностранных языков и дух народничества. На основании классных конспектов Кодзима Куратаро).— Росияго росиябунгаку кэнкю. Токио, 1983, № 15.
219. *Ватанабэ Масадзи.* Мечников-но какумэй сисо-ни окэру насионару-на кэйки (О национальном моменте в революционной мысли Мечникова).— Сурабу кэнкю. Токио, 1984, № 30.
220. *Ватанабэ Масадзи.* Нихон-ни окэру сайсё-но Росия бунгаку коги. Синсирё-но сёкай то кайсэцу (Самая первая лекция по русской литературе в Японии. Знакомство с новыми материалами и комментарии к ним).— Гайкоку бунгаку кэнкю. Токио, 1984, № 39.
221. *Ватанабэ Масадзи.* Мэтинникофу-но Нихон сайко (Взгляды Мечникова на Японию. Новое прочтение).— Нихон то Росия. Токио, 1987.
222. *Вацудзи Тэцуро.* Кэбэру сэнсэй (Учитель Кебер). Токио, 1948.
223. *Ивама Сэйко.* Гирися сэйкё то нихон бунка (Православие и японская культура). [Б. м., б. г.].
224. *Идэ Такаси.* Ками-но омон (Думы о богах). Токио, 1948.
225. *Иноуэ Косан.* Сугава Тёноскэ моногатари (Рассказ о Сугава Тёноскэ). Иватэ, 1971.
226. *Иноуэ Косан.* Максимовичи то Сугава Тёноскэ (Максимович и Сугава Тёноскэ). Иватэ, 1981.
227. *Ирокава Дайкити.* Мэйдзидзин соно сэйсюн гундзо (Мэйдзийцы — представители весеннего поколения). Токио, 1965.
228. *Ирокава Дайкити.* Киндай кокка-но сюппацу (Старт современного государства). Токио, 1967.
229. *Ирокава Дайкити.* Мэйдзи-но бунка (Культура периода Мэйдзи). Токио, 1984.
230. *Исикава Кисабуро.* Харисотосу сэйкё-ёри митару катэй то ронри (Семья и нравственность с точки зрения православия). Токио, 1904.
231. Киндай нихон сисоси тисики (Сведения по истории мысли в Японии нового времени). Токио, 1971.
232. *Кубо Цутому.* Кэбэру сэнсэй-но сёгай (Жизнь учителя Кебера).— Мэйдзи бунгаку дзэнсю. 49. Токио, 1977.
233. Кэбэру дзуйхицу сю (Собрание эссеистических произведений Кебера).— Мэйдзи бунгаку дзэнсю. 49. Токио, 1977.
234. Мори Огай сю (Сборник Мори Огай, ч. 1).— Нихон бунгаку дзэнсю. 4. Токио, 1975.
235. *Мидзусима Коё (Исайя).* Нитиро сюндзи кёкай-но дзидай (Положение церкви в русско-японскую войну). Токио, 1904.
236. *Мидзусима Коё.* Эйэн-но сэймэй (Вечная жизнь). Токио, 1907.
237. *Мии Доро (Симеон).* Цудзоку сэйкё рякува (Краткий очерк народного православия). Токио, 1903.

238. *Мии Доро.* Сэйкё рякува (Краткая беседа о православии). Токио, 1906.
239. Мэйдзи бунгаку дзэнсю (Полное собрание сочинений о революции Мэйдзи). Т. 17, 49. Токио, 1977.
240. *Наганава Мицуо.* Иро сингаку сэйрэцу дэн (Серия биографий забытых учеников русской семинарии).— Нихон то Росия. Токио, 1987.
241. *Наганава Мицуо.* Никорайдо-но хитобито (Вокруг Николаевского собора). Токио, 1989.
242. *Найто Канау.* Кэнро дэнсюсэй симацу (Обстоятельства посылки учеников в Россию). Токио, 1943.
243. *Накамура Ёсикадзу.* Варо цугэн хико сэйрицу дэндзё бэккэн (Как создавался японско-русский словарь). [Б. м., б. г.].
244. *Накамура Ёсикадзу.* [Рец. на:] *В. Г. Гузанов.* Одиссей с Белой Руси. Минск, 1969. [Б м., б. г.].
245. *Накамура Ёсикадзу.* Сэнума Каё, соно сёгай то гёсэки (Сэнума Каё, ее жизнь и заслуги).— Хитоцубаси дайгаку кэнкю. Бункэн кагаку сиридзу. 1972, № 2.
246. *Накамура Ёсикадзу.* Никорай сюкё-но сёкан ницу (Два письма епископа Николая).— Мадо. Токио, 1984, № 3.
247. *Накамура Кэнноскэ.* Никорай-но мита бакумацу Нихон (Япония периода Бакумацу глазами Николая. Вступит. статья и перевод). Токио, 1979.
248. *Накамура Кэнноскэ.* Никорай то Достоевски (Николай и Достоевский).— Асахи симбун. 20.06.1980 (вечер. вып.).
249. *Накамура Кэнноскэ.* Никорай дайсюкё-о мэгуттэ (Об архиепископе Николае).— Нихон то Росия. Токио, 1987.
250. *Накамура Мицуо.* Гайкокуго гакко то Фтабатэй (Школа иностранных языков и Фтабатэй).— Тэмбо. 1946, № 5.
251. *Накамура Синтаро.* Нихондзин то росиядзин. Моногатари нитиро дзимбуцу орайси (Японцы и русские. Повествовательная история контактов выдающихся лиц). Токио, 1978.
252. *Нацумэ Сосэки.* Кэбэру сэнсэй (Учитель Кебер).— Гэндай нихон бунгаку дзэнсю, 19. Токио, 1927.
253. *Нацумэ Сосэки.* Гэндай нихон буммэй-но кайка (Расцвет современной японской цивилизации). Токио, 1911.
254. Никорай-но мита бакумацу Нихон (Япония конца феодализма глазами Николая). Токио, 1979.
255. *Одагири Хидэо.* Ямасита Рин. Токио, 1982.
256. *Одзи Току.* Дайсюкё Никорай сидзисэки (Проповеди архиепископа Николая). Хакодате, 1937.
257. *Окада Кэндзо.* Хакодатэ хякутин то Хакодатэ сидзицу (Сто анекдотов и исторические факты о Хакодате). Хакодате, 1956.
258. *Оминами Кацухико.* Пэтэрбургу-кара-но куробунэ (Черные корабли из Петербурга). Токио, 1979.
259. *Оминами Кацухико.* Харука-нару Госикэвити (Далекий Гошкевич).— Мадо. Токио, 1980, № 4.
260. *Оно Тадасигэ.* Касама-но Ирина. Икон гака Ямасита Рин цуйко (Ирина из Касама. Памяти иконописицы Ямасита Рин).— Мадо. Токио, 1975, № 9.
261. Рафаэру Кэбэру-но суругадай сэйкацу (Жизнь Рафаила Кебера на Суругадай).— Хон-но мати. Токио, 1987, № 2.
262. *Савада Кадзухико.* Сига Тикатомо рякудэн (Краткая биография Сига Тикатомо).— Нихон то Росия. Токио, 1987.
263. *Сакон Такэси.* Сага Дзюан то Росия (Сага Дзюан и Россия).— Нихон то Росия. Токио, 1987.
264. *Сакон Такэси.* М. А. Бакунин-но нихон райко-о мэгуттэ. Соно сидзи-

цу косё-но кокороми (Пребывание М. А. Бакунина в Японии. Исторический анализ материалов).— Росия то Нихон, 2. (Россия и Япония, Т. 2). Токио, 1990.
265. *Сасабути Томоити.* Мэйдзи Сайсё ки-но кристокё бунгаку то Арисима Такэо (Христианская литература периодов Мэйдзи — Тайсё и Арисима Такэо).— Бунгаку. Токио, 1979, № 3.
266. *Симада Киндзи.* Росия-ни окэру Хиросэ Такэо, 1—2 (Хиросэ Такэо в России. Т. 1—2). Токио, 1976.
267. *Усимару Ясуо.* Мэйдзи бунка то Никораи (Культура Мэйдзи и Николай). Токио, 1969.
268. *Усимару Ясуо.* Нихон сэйкё то Мэйдзи бунка. Нихон сэйкё сэйсин бунка сёси сирон (Японское православие и культура Мэйдзи. Предварительный набросок краткой истории православия и его духовной культуры в Японии).— Мадо. Токио, 1978, № 9.
269. *Усимару Ясуо.* Нихон сэйкё си (История православия в Японии). Токио, 1978.
270. *Фтабатэй Симэй.* Сёсэцу сорон (Общая теория романа).— Мэйдзи бунгаку дзэнсю, 17. Токио, 1977.
271. *Ясуи Рёхэй.* Фтабатэй Симэй-атэ Пиусудски сёкан, 1 (Письма Пилсудского Фтабатэю. Ч. 1). [Б. м., б. г.].
272. *Ясуи Рёхэй.* Фтабатэй Симэй-атэ Поцупаху сёкан (Письма Подпаха Фтабатэю). [Б. м., б. г.].
273. *Ясуи Рёхэй,* Пэтэрубургу-но Фтабатэй. Гэсюку-но кото, Достоэфуски-но кото (Фтабатэй в Петербурге, о его квартире, о Достоевском).— Нэва цусин. Токио, 1984, № 3.
274. *Ясуи Рёхэй.* Фтабатэй Симэй-но росиядзин порандодзин то но косё (Связи Фтабатэя Симэя с русскими и поляками).— Бунгаку. Токио, 1966, № 8.

На западноевропейских языках

275. *Arima Tatsuo.* The Failure of Freedom: A Portrait of Modern Japanese Intellectuales. Harvard, 1969.
276. Aspects of Meiji Modernisation: The Japan Helpers and the Helped. New Brunswick, 1983.
277. *Brown D. R.* Nationalism in Japan. Berkeley — Los Angeles, 1955.
278. *Berton P., Langer P., Swearingen R.* The Russian Impact on Japan. Literature and Social Thought. Los Angeles, 1981.
279. *Florenz K.* Geschichte der japanishen Literatur. Lpz., 1906.
280. *Hearn L.* Whrithings from Japan. An Anthology. Harmondsworth (England), 1985.
281. *Hindus M.* Russia in Japan. N. Y., 1942.
282. Introduction a l'etude de la langue japonaise par L. Léon de Rosny. P., 1857.
283. Japan in Transition. Thought and Action in the Meiji Era (1868—1912). Rutherford, 1984.
284. Japan's First Modern Novel Ukigumo of Ftabatei Shimei. Translation and critical commentary by Kyan. N. Y., 1967.
285. Kodansha. Enciklopedia of Japan. Vol. 3. Tokyo, 1983.
286. *Lensen G. A.* Report from Hokkaido: the Remains of Russian Culture in Nothern Japan. Hakodate, 1954.
287. *Lensen G. A.* The d'Anethan Dispatches from Japan, 1894—1910. Tokyo—Tallahassee, 1967.
288. *Lensen G. A.* Russian Diplomatic and Consular officials in East Asia. Tokyo, 1968.

289. *Lensen G. A. The* Russian Push toward Japan. N. Y., 1971.
290. *Metchnikoff L.* L'empire japonais; texte et dessins par Leon Metchnikoff. Geneve, 1878.
291. *Naganawa Mitsuo.* The Japanese Orthodox Church in the Meiji Era (1868—1912). Tokyo, 1991.
292. *Nobori Shomu, Akamatsu Katsumaru.* The Russian Impact on Japan Literature and Social Thought. Two essays. Los Angeles, 1981.
293. Pacifism in Japan. The Cristian and Socialist Tradition. Kyoto, 1978.
293a. *Pilsudski B.* Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore. Crakow, 1912.
294. *Scheiner I.* Christian Converts and Social Protest in Meiji Japan. [Б. м.], 1970.
295. *Togawa Tsuguo.* Japanese View on Russia. The Case of Kanzo Utimura. [Б. м., б. г.].
296. *Umetani N.* Foreign Nationals Employed in Japan during the Years of Modernisation.— East Asian Cultural Studies. Tokyo, 1971, vol. 10, № 1—4 (March).

Периодические издания

297. Богословский вестник. Сергиев Посад.
298. Былое. СПб.
299. Восток. Йокогама.
300. Восточное обозрение. Йокогама.
301. Древняя и новая Россия. СПб.
302. Каторга и ссылка. М.
303. Миссионер. М.
304. Миссионерское обозрение. Киев.
305. Морской сборник. СПб.
306. Народы Азии и Африки. М.
307. Отечественные записки. СПб.
308. Проблемы Дальнего Востока. М.
309. Россия. СПб.
310. Русский архив. М.
311. Русский вестник. СПб.
312. Русские ведомости. СПб.
313. Северная пчела. СПб.
314. Странник. СПб.
315. Церковные ведомости. СПб.
316. Церковный вестник. СПб.

11 Зак. 456

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

The book by G. D. Lvanova *Russians in Japan in the 19th and Early 20th Century. Several Portraits* tells about Russians in Japan who for different reasons went to the Far East. The scene is set in the last third of the 19th century and the beginning of the 20th century.

The first sketch is devoted to Consul I. A. Goshkevich (1814—1875) who served on Hokkaido in 1858—1865. He headed the first Russian consulate in Hakodate. It marked the beginning not only of official relations between the two states, but also cultural relations. The consulate hospital offered treatment not only to members of the Russian colony but also to local inhabitants. At the hospital Japanese doctors learned the ways of Western medicine. The consular staff instructed local youth in the Russian language and compiled their own Russian language manuals (one of them was Ivan Makhov's "ABC-Book"). I. A. Goshkevish, an enlightened diplomat, impressed Russia's lofty image on the Japanese. A man of versatile education and a scholar, he created the first Russian-Japanese dictionary and made up a valuable collection of Japanese books which are now kept at the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

A big centre of Russian culture was the orthodox religious mission in Tokyo. For fifty years it was headed by Bishop Nicolas. (I. D. Kasatkin, 1836—1912). The second sketch of the book tells about this missionary and enlightener. The Tokyo seminary founded by him gave instruction not only in the Christian doctrine but also the Russian language. Among its alumni were famous translators of Russian classical literature Konishi Mosutaro, Senuma Kayo, Nobori Syomu. The journals "Seikyo Shimpo" (Orthodox Herald), "Seikyo yowa" (Orthodox Chats) and "Uranishiki" (Modesty) published by the mission carried not only religious texts but also translations from Pushkin, Tolstoi, Krylov, Koltsov, Dostoyevsky...

In Hakodate, Sendai and Kyoto, Russian churches were built which function to this day. The Holy Resurrection Cathedral in Tokyo (now St. Nicolas Cathedral) is preserved as a valuable architectural monument. Towards the end of Father Nicolas' life there were 37,000 orthodox Japanese in the country. Assisted by a few helpers, he formed a powerful community of people converted to Christianity and Russian culture, who had Russia in their hearts.

The language and history of our country were taught at the Tokyo school of foreign languages (Tokyo gaikokugo gakko) founded in 1873. The book contains stories about several of its teachers. Among them was L. I. Mechnikov (1838—1888), brother of the world famous biologist, who worked in Tokyo. His "Memoirs about Two Years of Service in Japan" were published in instalments in the St. Petersburg newspaper „Russkiye vedomosti" (1883—1884).

A. A. Kolenko (b. 1849), a graduate of the St. Petersburg Agricultural Institute (now Forestry Institute), was a lecturer at the Tokyo school for more than six years (1878—1884). Another lecturer was Nicolai Grey (in 1884—1886). Fragmentary information available about him warrants the conclusion that this was the name of emigrant Populist of the 1870s N. V. Chaikovsky (1850—1926), who escaped imprisonment in tsarist Russia.

The last sketch tells about the life and work of R. A. Koeber (1848—1923) who was born in Nizhni Novgorod and for thirty years lectured at the Tokyo University. He knew many European languages, was a philosopher and musician. He left many disciples and followers.

Thus, the foundations of Russian studies in Japan were laid by people of broad erudition and humanistic convictions whose spiritual and moral image inspired their pupils.

The Japanese have not forgotten these people. They seek documents connected with their activity and write books about them. The foundation laid by these people helps to build good-neighbourly relations between Russia and Japan.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Иванова Г. Д.

И18 Русские в Японии XIX — начала XX в. Несколько портретов.— М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.— 170 с.: ил.
ISBN 5-02-017715-6

В книге рассматриваются первые культурные контакты России и Японии. Она состоит из ряда очерков, посвященных русским людям, которые служили в Японии в XIX— начале XX в.: И. А. Гошкевичу, первому российскому консулу, архиепископу Николаю Японскому, основателю Японской православной церкви, Л. И. Мечникову, Р. А. Кеберу, преподавателям первых в Японии учебных заведений европейского типа, и другим. Рассказывается также об известных деятелях японской культуры, сформировавшихся под влиянием русских традиций.

И $\frac{0503030000\text{-}107}{013(02)\text{-}93}$ 55-93

ББК 63.3(5Я)Ж

Научное издание

Иванова Галина Дмитриевна

РУССКИЕ В ЯПОНИИ XIX — НАЧАЛА XX в.

Несколько портретов

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
РАН

Заведующий редакцией *С. С. Цельникер*
Редактор *И. Г. Вигасина*
Младший редактор *Н. Л. Петрова*
Художник *Л. Л. Михалевский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Н. В. Морозова*

ИБ № 17282

Сдано в набор 27.11.92. Подписано к печати 05.07.93. Формат 60×84[1]/16. Бумага типографская № 2. Вкладка отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,2+0,5 вкл. Усл. кр.-отт. 10,9. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 1000 экз. Изд. № 7434. Зак. № 456.
«С»—1.

ВО «Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография ВО «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Галина Дмитриевна Иванова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (С.-Петербург). Окончила восточный факультет Ленинградского университета в 1949 г., стажировалась в японском университете Рицумэйкан (г. Киото). Автор ряда книг по истории и литературе Японии нового времени: «Котоку — революционер и литератор» (1959), «Дело об оскорблении трона» (1972), «Мори Огай» (1982), а также статей в японоведческих сборниках: «Сто лет русской культуры в Японии» (1989), «Из истории общественной мысли в Японии XVII—XIX вв.» (1990) и др. Среди принадлежащих ей переводов художественной литературы — произведения Абэ Кобо, Киносита Дзюндзи, Исикава Тацудзо, а также сборник повестей классика начала XX в. Мори Огай «Дикий гусь. Танцовщица» (М., 1990).